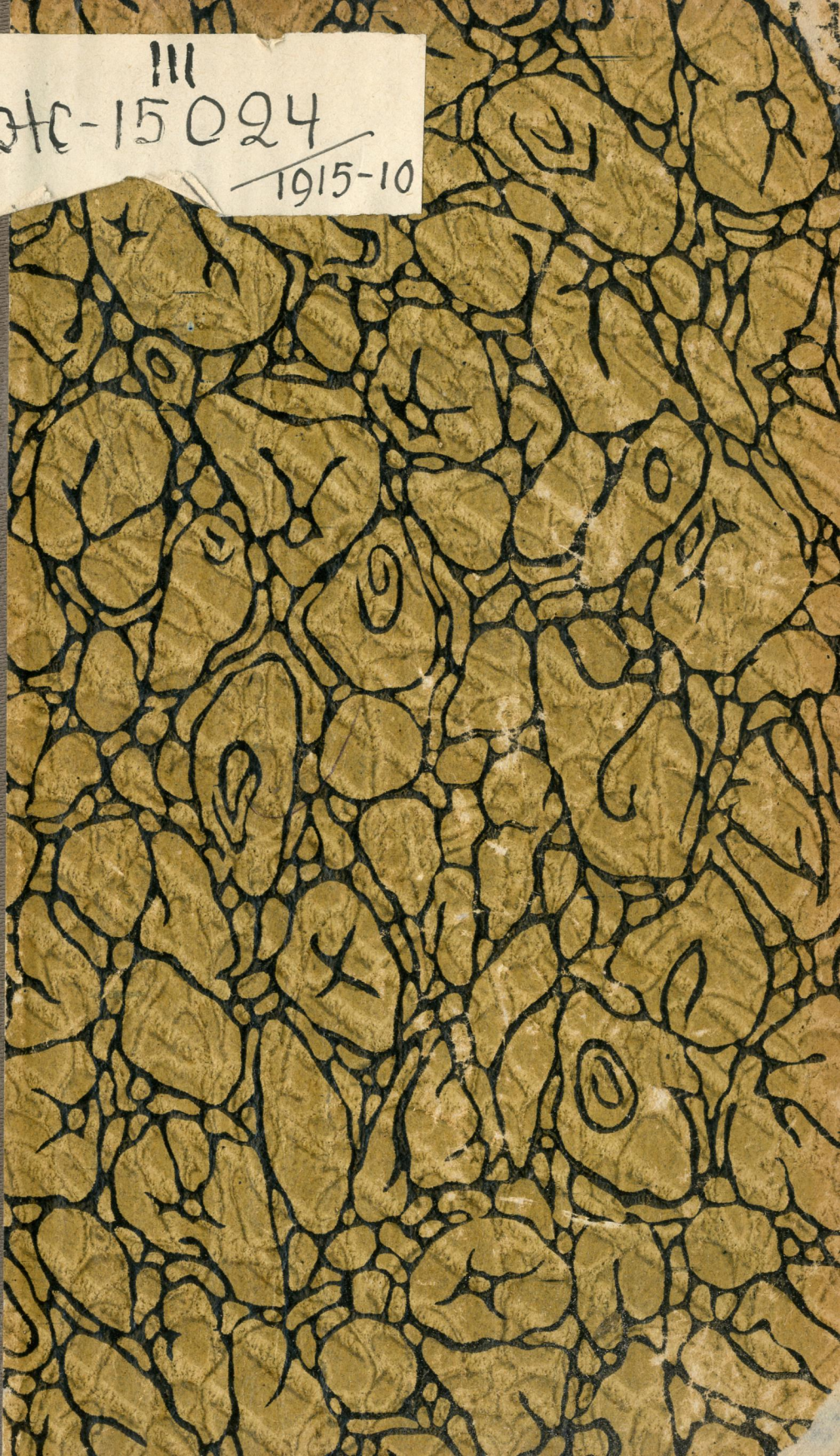

III
HC-15024
1915-10

XXIV

Sm

Co. 3

1928/5290

III

24 15.024

1915-10

220

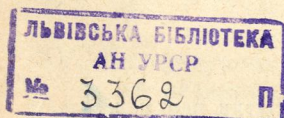
04

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 10.

Годъ изданія четвертый.

Москва.—1915 г.

ОБЩЕЕ ПОЛНОМОЩИЕ

Содержание в Императорском-университетском
библиотеке Императорского

101 94

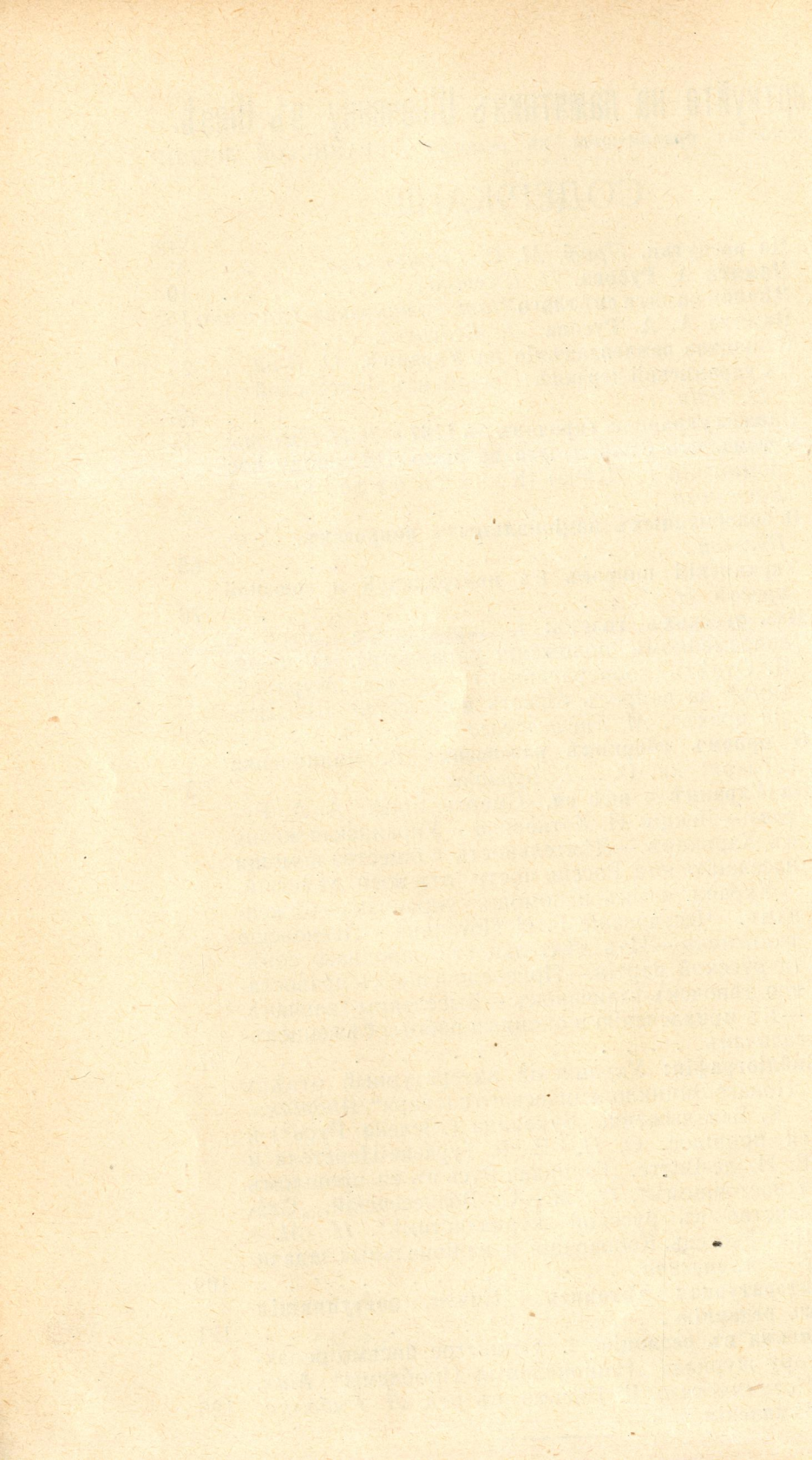
Императорский университет

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. На распутьи. Проф. М. С. Грушевскаго.	5
II. Памяти А. Русова. П. Смутка.	10
III. Вѣчной памяти свѣтлаго. Нат. Романовичъ-Ткаченко.	15
IV. Памяти А. А. Русова. Л. Жебунева.	17
V. Нѣмецкое землевладѣніе на Украинѣ. О. Б-ой.	25
VI. Въ украинской деревнѣ (Письмо изъ Полтавской г.). Н. Ядія.	35
VII. Наказы украинск. городовъ въ 1767 г. В. И. Пичеты.	43
VIII. О томъ, что было и чего не было (По поводу вос- поминаній г. Дейча) (Конецъ будетъ). С. А. Ефремова.	55
IX. О современныхъ національныхъ вопросахъ. С. Ф. Русовой.	65
X. Украинскій вопросъ въ нейтральной и союзной прессѣ. И. Л.	76
XI. Изъ русскихъ газетъ: I. Харьковское „Утро“ о современномъ положеніи украинства. О. Б-ой. II. Отвѣтъ кооперативнаго журнала „Муравей- никъ“ на вопросъ бѣжать или нѣтъ? III. „Вет- хій прахъ“. М. Грушевскаго	80
XII. О новомъ сборникѣ рассказовъ В. Винниченка („Твори“ кн. IX). Л. Бурчака.	93
XIII. На Украинѣ и виѣ ея. Смерть проф. А. А. Ру- сова.—Лекціи И. Хоткевича.—Украинская жизнь въ Харьковѣ.—Дѣятельность Общества помощи населенію юга Россіи, постр. отъ воен. дѣйствій. —Украин. языкъ и помощь украинцамъ-бѣжен- цамъ.—Чествованіе Г. Н. Потанина.—Львовскіе заложники.—Изъ дѣятельности народнаго совѣ- та русской партіи.—Присоединеніе къ правосла- вію дѣвочекъ-галичанокъ.—Выселенцы-галичанѣ. —Къ привлеченію и окупныя работы бѣженцевъ- галичанъ.	97
XIV. Библіографіи: Украинскій литературный отдѣлъ „Новаго Энциклопедическаго словаря“. Андрійко. —К. Баладыженко. Буковина („Зелена Русь“) и ея прошлое. О. П.—Е. Ф. Тураева-Церетели и Е. И. де-Витте. „Галицкая Русь въ ея прошломъ и настоящемъ“. Н. М.—С. Вознесенскій. „Сла- вянство въ русской журналистикѣ“. Н. М.— Дж. Рессель. Кооперация и національныя задачи. Б. Стопневича.	109
XV. Литературная лѣтопись.—Книги, поступившія въ редакцію.	121
XVI. Письма въ редакцію. I. Открытое письмо редак- тору журнала „Національныя Проблемы“. Мих. Могиланскаго. II. Письмо въ ред. Л. Рыбалки.	126
XVII. Объявленія.	

На распутьи.

Если первый годъ войны поразилъ всѣхъ совершенно непредвидѣннымъ упорствомъ, ожесточеніемъ борьбы и страшной экстенсивной энергіей, которой захватывала она самыя разнообразныя стороны и проявленія жизни, то и новый годъ войны успѣлъ уже принести самыя жестокія неожиданности всѣмъ, кто представлялъ его себѣ простымъ продолженіемъ во времени всего того, что далъ годъ первый. Такимъ продолженіемъ склонны были себѣ рисовать его болѣе или менѣе всѣ не посвященные въ тщательно скрываемыя тайны реального состоянія силъ обѣихъ сторонъ, и тутъ открылась вся глубина общественной неосвѣдомленности въ этихъ вопросахъ. То, что приходится переживать теперь, едва ли могло представляться возможнымъ даже въ первую годовщину войны. Событія развиваются съ головокружительной быстротою. Площадь, захваченная непосредственно войною, растетъ неимоვნно. Потокъ людей, выбитыхъ изъ своихъ привычныхъ мѣстъ, нарастаетъ и достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. И наряду съ этимъ среди настойчивыхъ, ошеломляющихъ заботъ, создаваемыхъ этимъ все нарастающимъ движеніемъ войны, все ярче вырисовывается въ сознаніи общества убѣжденіе, что заботами, вызываемыми непосредственными проявленіями и послѣдствіями этого движенія, общество никакъ не можетъ ограничиться.

Старые лозунги отложить все выходящее за предѣлы непосредственныхъ нуждъ войны „до слѣдующаго дня“, послѣ ея окончанія, замѣняются все болѣе настойчивымъ сознаніемъ, что война не можетъ быть закончена безъ коренной перестройки общественныхъ отношеній—взаимоотношеній общества и власти, раскрѣпощенія общественныхъ силъ и новыхъ свободныхъ формъ общественной организациі. Вопросъ объ организациі тыла, выдвинутый какъ насущная потребность войны, сначала въ очень узкихъ, военно-техническихъ формахъ, разрастается все бо-

лѣе вглубь и вширь, не укладываясь въ эти узкія рамки, и изъ-за специальныхъ военно-техническихъ нуждъ выдвигаются на очередь основные вопросы этого общественно-политическаго порядка, властно домогаясь своего безотлагательнаго разрѣшенія. Передъ ними, передъ ихъ разрѣшеніемъ блекнуть и отходить на второй планъ всѣ вѣсти съ театра войны, въ сознаніи, что въ вопросахъ этого порядка и лишь въ нихъ лежитъ судьба и чисто военныхъ вопросовъ, и общество живетъ лихорадочною жизнью среди чаяній и разочарованій, жадно ловя доносящіеся до нея отзвуки совершающихся перемѣнъ, — отзвуки, среди которыхъ невѣроятное и фантастическое такъ часто смѣшивается съ вполне реальнымъ и существеннымъ, попадающимъ въ самый центръ этого сложнаго, запутаннаго историческаго узла.

Совершенно неизбѣжно этотъ общій переломъ долженъ былъ отразиться и на настроеніяхъ украинскаго общества Россіи, и на его линіи поведенія.

Прошлый годъ оно прожило, сосредоточенно замкнувшись въ себѣ, отказавшись отъ всякихъ выступленій. Это было понятно. Съ самымъ началомъ войны наложена была печать на его уста пріостановкой украинской прессы. Отвѣтомъ на его совершенно корректное поведеніе, на заявленія лояльности были различныя репрессіи противъ украинскаго слова, литературы, общественныхъ организацій и разгромъ общаго достоянія Украины россійской и закордонной—различныхъ культурныхъ учреждений, созданныхъ въ предконституціонную эпоху въ Галиціи общими усиліями украинцевъ Россіи и Австріи.

Болѣе чѣмъ когда-либо правительственные круги, очевидно, подчинились внушеніямъ націоналистическаго „воронья“, для котораго задачей момента представлялось полное искорененіе украинства, пользуясь исключительными условіями, созданными военнымъ положеніемъ. Поэтому къ чувству обиды, созданному всѣмъ происходившимъ, у украинскаго общества присоединялось еще и убѣжденіе въ полной безнадежности всякихъ усилій, направленныхъ къ выясненію правительственнымъ кругамъ ошибочности и пагубности взятаго ими курса національной политики.

Примѣръ польскаго вопроса, въ которомъ даже провозглашенные уже воззваніемъ верховнаго главнокомандующаго принципы національнаго равноправія, свободы,

автономіи преданы были затѣмъ забвенію, и о реализаціи ихъ вспомнили только тогда, когда реализовать ихъ уже было невозможно,—когда Польша была оккупирована германско-австрійскими арміями, а польское общество превратилось въ распыленные массы „бѣженцевъ“, для которыхъ всѣ общаемыя и даруемыя свободы являлись „горчицей послѣ обѣда“, какъ горько замѣтилъ польскій депутатъ,—этотъ примѣръ былъ дѣйствительно очень показателенъ въ смыслѣ опредѣленія тактики руководящихъ круговъ.

Украинскому обществу дѣйствительно не оставалось ничего другого, какъ, замкнувшись въ своемъ кругу, „считать раны“, наносимыя украинской жизни и по возможности противодѣйствовать ихъ разрушительному дѣйствию, преодолевая всяческія препоны, съ которыми приходилось встрѣчаться даже въ такихъ предпріятіяхъ, какъ помощь бѣженцамъ и высланнымъ изъ Галиціи, заполнившимъ собою тюрьмы, участки и арестные дома, наполнившимъ воздухъ своими воплями и страданіями, для облегченія которыхъ нигдѣ не находилось поддержки и содѣйствія. Украинскому обществу пришлось перейти черезъ всю бездну разобщенности и растерянности, которую обнаружило русское общество передъ небывалымъ бѣдствіемъ, надвинувшимся на страну, и возложить всѣ надежды лишь на безконечную выносливость и пассивную энергію украинской стихіи, которую она проявляла столько разъ въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ своей жизни.

Только балансъ войны, сведенный при окончаніи ея перваго года, обнаружившій всѣ недочеты государственной организаци, всѣ грѣхи и прегрѣшенія стараго режима, создалъ новую атмосферу, располагавшую къ общенію и объединенію, къ попыткамъ новаго координированія общественныхъ и національныхъ группъ, и прежде всего выясненія наиболѣе неотложныхъ нуждъ, наиболѣе вредныхъ препятствій, лежащихъ на пути развитія народныхъ силъ. И украинское общество выступило съ депутаціями и записками, имѣвшими цѣлью обратить вниманіе правительства—съ одной стороны, руководящихъ прогрессивныхъ партій—съ другой на наиболѣе тяжелыя ошибки режима въ отношеніяхъ къ украинскому вопросу, на наиболѣе тяжелыя репрессіи, тормозящія нормальное развитіе украинскаго населенія. Къ сожалѣнію, съ выступленіями этими оно, по-

видимому, нѣсколько запоздало, когда моментъ наибольшей чуткости правительства къ допущеннымъ ошибкамъ уже прошелъ, и теченія, ставившія во главу угла „охраненіе престижа власти“, снова напрягли всѣ усилія, чтобы возстановить свое преобладаніе. Ощутительныхъ результатовъ эти украинскія выступленія не принесли уже по тому одному, что положеніе дѣлъ очутилось въ сущности безъ хозяина, съ которымъ могли бы говорить и столкнуться представители общества вообще, не одного лишь украинскаго.

Несомнѣнно, это создаетъ самое существенное препятствіе для всякихъ попытокъ созданія новыхъ отношеній, новаго *modus vivendi*.

За всѣмъ тѣмъ путь, на который вступило украинское общество, кажется намъ правильнымъ. Не стараясь угадать (что, можетъ быть, было бы и невозможно сейчасъ), гдѣ именно находятся тѣ кормчіе, которымъ суждено вывести государственный корабль въ фарватеръ новыхъ отношеній, украинское общество дѣйствительно должно въ этотъ критическій моментъ самымъ опредѣленнымъ образомъ напомнить стоящимъ на распутьи правительственнымъ кругамъ тѣ предпосылки, которыя оно считаетъ необходимымъ условіемъ правильнаго развитія украинской жизни въ рамкахъ російской государственности.

Съ другой стороны, національные украинскіе постулаты должны быть выяснены или, точнѣе, возобновлены въ памяти прогрессивныхъ круговъ Россіи и возстановленъ самый контактъ съ ними, поколебленный растерянностью и колебаніями, обнаружившимися въ отношеніяхъ къ національному вопросу, и въ частности къ національнымъ украинскимъ запросамъ среди значительной части этихъ прогрессивныхъ круговъ. Нерѣшительность, индифферентизмъ или даже и открытое малодушіе, проявившіеся въ нѣкоторыхъ группахъ этихъ послѣднихъ за первый годъ войны и даже въ послѣдніе истекшіе мѣсяцы, не должны въ этомъ случаѣ останавливать украинскихъ представителей. За переходящими и измѣнчивыми, часто не оказавшимися ни на высотѣ момента, ни на высотѣ общественныхъ запросовъ партійными организаціями остается въ концѣ-концовъ нѣкто, съ кѣмъ духовная связь не должна быть поколеблена,—великорусскій народъ въ своей лучшей части,—прогрессивной и демократической интеллигенціи, и по адресу его украинское общество должно напоминать свои чаянія, за-

просы и нужды не для того, чтобы искать его помощи и поддержки въ данный моментъ (сосредоточившійся и черпающій въ себѣ силы своего возрожденія украинскій народъ, несомнѣнно, въ себѣ найдетъ и средства, и выходъ изъ нынѣшняго положенія), но чтобы не прерывалась эта старая духовная связь демократической украинской и демократической великорусской интеллигенціи и во всякомъ случаѣ чтобы въ ея ослабленіи не было повинно украинское общество.

А затѣмъ пусть на пробномъ камнѣ нынѣшней переоцѣнки цѣнностей въ годину великаго бѣдствія будутъ испытаны и проявятся себя и свое истинное отношеніе къ интересамъ негосударственныхъ народностей, къ нуждамъ украинскихъ народныхъ массъ и къ запросамъ украинскаго общества, диктуемымъ ихъ интересами, всѣ представляющіе и желающіе представлять великорусскій народъ и великорусское общество, интересы россійской государственности и культуры, и украинскій народъ познаетъ истинную цѣнность лозунговъ и опредѣлитъ свое отношеніе къ нимъ.

Задача достаточно важная, существенная, и для нея дѣйствительно должны найтись у украинскаго общества время, силы и вниманіе даже и среди всѣхъ этихъ нелегкихъ, требующихъ огромнаго напряженія заботъ о жертвахъ войны и связанныхъ съ нею репрессій, о поддержаніи національной жизни, національной спайки внутри, среди падающихъ отовсюду на нее ударовъ. Первые опыты и разочарованія не должны уменьшить энергію украинскаго общества и его дѣятельность въ этомъ направленіи.

М. Грушевскій.

15. IX. 1915.

Памяти А. Русова.

Яркое имя человека большой души, кристальной чистоты и высокой чуткости, всю жизнь горѣвшаго ровнымъ и сильнымъ пламенемъ любви къ родному краю и народу... Это пламя проникало и охватывало всю его научную и общественную дѣятельность, всѣ его разносторонніе умственные интересы и влеченія... Ни удары судьбы, ни терніи русской дѣйствительности, которыхъ онъ перенесъ на своемъ вѣку немало, не могли ослабить горѣнія его духа: это пламя погасло только съ жизнью...

Въ общерусской жизни имя А. А. Русова получило известность въ связи съ его крупными заслугами въ области земской статистики, однимъ изъ „отцовъ“ которой онъ былъ вмѣстѣ съ В. И. Покровскимъ и П. П. Червинскимъ. Разработка и проведеніе въ жизнь новыхъ методовъ статистическаго изслѣдованія, рациональная постановка оцѣночныхъ работъ, рядъ статистическихъ описаній отдѣльныхъ губерній, уѣздовъ и городовъ Украины, руководство мѣстными переписями населенія и разработки ихъ результатовъ,—вотъ почтенное научное наслѣдство А. А. Русова, неразрывно связавшее его имя съ исторіею русской статистики. Почти 30 лѣтъ отдалъ онъ этой дѣятельности, кочуя по земской Украинѣ и нигдѣ не засиживаясь подолгу. Черниговъ, Херсонъ, Полтава, опять Черниговъ, опять Полтава, Нѣжинъ, Харьковъ, вновь Черниговъ... Изъ неземскихъ центровъ—Кіевъ. Въ этомъ круговоротѣ переѣздовъ, въ этой непрерывной сѣмѣ изслѣдованій края Русовъ обстоятельно изучилъ мѣстныя экономическія условія и близко соприкоснулся съ земскою жизнью лѣвобережной и степной Украины.

Станнымъ образомъ, профессія статистика, создавшая Русову славное имя, вовсе не лежала въ сферѣ его первоначальныхъ симпатій. Филологъ по образованію, онъ началъ свою дѣятельность учителемъ латинскаго языка, слушая сравнительное языкознаніе у Шлейхера, изучалъ сла-

вянскія нарѣчія... Одновременно онъ увлекался музыкой и, обладая въ молодости прекраснымъ голосомъ, самъ являлся выдающимся исполнителемъ произведеній народнаго творчества и современной вокальной литературы. Но всѣ эти влеченія Русова слились въ концѣ-концовъ въ глубокомъ интересѣ къ украинскому народу, его языку, творчеству, исторіи и быту, а когда внѣшній толчокъ—въ видѣ принципиальнаго расхожденія съ толстовскимъ режимомъ—побудилъ Русова оставить педагогическое поприще, то уже вполне естественнымъ былъ переходъ его къ такому роду занятій, который ставилъ его въ самое тѣсное соприкосновеніе съ народною жизнью. Русовъ сдѣлалъ нѣкоторый вкладъ и въ область украинской этнографіи своимъ участіемъ въ организациі и работахъ Юго-западнаго отдѣла Географическаго общества, своею монографіею о кобзарѣ Остапѣ Вересаѣ и музыкѣ исполняемыхъ имъ думъ, а также частью и другими своими изслѣдованіями. Двѣ его работы („Остапъ Вересай“ и описаніе Нѣжинскаго уѣзда) были премированы Географическимъ обществомъ. Энергія и настойчивость Русова въ расширеніи круга знаній, требуемыхъ его основными интересами, были поразительны: уже наклонѣ лѣтъ, напримѣръ, онъ взялся за изученіе татарскаго языка, который былъ ему нуженъ для разъясненія географической номенклатуры украинскихъ губерній.

И вотъ другая странность: этотъ родной край и народъ, которымъ посвятилъ свою дѣятельность А. А. Русовъ, были ему, въ сущности, не родные, ибо онъ былъ великоросъ по происхожденію. Въ немъ повторилось то же психологическое явленіе, которое нѣсколько ранѣе исторія украинскаго возрожденія видѣла въ другомъ великоросѣ—Костомаровѣ: симпатіи къ Украинѣ на почвѣ близости къ ея природѣ и народу, усиленные чувствомъ протеста противъ историческихъ и современныхъ ему несправедливостей внутренней политики, претворили его національное самосознаніе и зажгли въ немъ огонь украинскаго патріотизма. Этотъ благородный великоросъ, по своимъ взглядамъ и стремленіямъ, былъ болѣе глубокимъ и убѣжденнымъ украинцемъ, чѣмъ очень многіе изъ лицъ коренного украинскаго происхожденія. Слово его никогда не расходилось съ дѣломъ, а потому, напримѣръ, въ личной и семейной жизни онъ пользовался исключительно украинскимъ языкомъ,—и это въ немъ не носило и тѣни искусственности: тутъ сказыва-

лось лишь полное, органическое слияніе его натуры съ украинской національной стихіей.

Совершенно такъ же, всецѣло и органически, А. А. Русовъ примыкалъ ко всякой общественной работѣ въ сферѣ украинскихъ интересовъ, гдѣ бы и въ какихъ бы формахъ эта работа ни представляла къ нему свои требованія. Членъ старой кievской „Громады“ 70-хъ годовъ, участникъ и организаторъ первыхъ украинскихъ спектаклей въ Кіевѣ, редакторъ пражскаго изданія „Кобзаря“ Шевченка, составитель популярно-научныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ („Пригодна на хуторі“—популярна метеорологія), председатель украинскаго издательскаго общества въ Петербургѣ, горячій участникъ всѣхъ украинскихъ общественныхъ собраний, членъ „союза автономистовъ-федералистовъ“ отъ украинцевъ, сотрудникъ украинскихъ періодическихъ изданій, участникъ академической комиссіи по пересмотру украинскаго перевода Евангелія и т. д. и т. д.,—всюду Русовъ вносилъ свой пылъ, свою непосредственность, горячее сердце и беззавѣтную вѣру въ національное возрожденіе родного края...

При такихъ качествахъ и такомъ настроеніи А. А. Русовъ, естественно, не пользовался особеннымъ расположеніемъ администраціи тѣхъ мѣстностей, съ которыми его связывала принятая имъ въ данное время на себя работа. Человѣкъ самага мирнаго по природѣ склада, незлобивый и добродушный, всюду вызывавшій къ себѣ искреннія симпатіи и теплое отношеніе самыхъ разнообразныхъ общественныхъ круговъ, Русовъ тѣмъ не менѣе былъ причисленъ къ „общеопаснымъ“ элементамъ и въ этомъ качестве за свою жизнь много разъ служилъ объектомъ административныхъ преслѣдованій со всѣми ихъ атрибутами: обысками, арестами, допросами, высылками... Это и было, въ сущности, главною причиною того кочевого образа жизни, который пришлось вести А. А. Русову, какъ перекати-поле носившемуся по полямъ и степямъ Украины въ поискахъ мѣста, гдѣ бы онъ могъ спокойно приложить къ жизни свои знанія и энергію. Съ его именемъ онъ не могъ остаться безъ куска хлѣба: всегда находились учрежденія и лица, знавшія ему цѣну и пользовавшіяся случаемъ привлечь къ своему дѣлу такого выдающагося работника. Но самая необходимость искать примѣненія своему труду безъ увѣренности въ прочности всякаго новаго начинанія, эта

постоянная смѣна матеріальныхъ кризисовъ, эти переѣзды съ семьей изъ губерніи въ губернію, не говоря уже о случаяхъ лишенія свободы,—всѣ эти переживанія мрачнаго періода русской общественности были непосильны даже для такого жизнерадостнаго и въ общемъ оптимистически настроеннаго человѣка, какимъ былъ А. А. Русовъ. И едва ли будетъ ошибочно сказать, что именно въ этихъ условіяхъ личной жизни и общественной работы Русова лежитъ основная причина той болѣзни сердца, которая свела его въ могилу.

Послѣднее столкновеніе Русова съ внутреннею политикою доконституціоннаго періода вынудило его, наконецъ, вовсе оставить родной край. Какъ извѣстно, крестьянскіе беспорядки 1902 г. въ Полтавской губерніи были поставлены администраціею въ связь съ оцѣночными работами земскихъ статистиковъ, а потому Плеве предложилъ полтавскому земству прекратить эти работы, а завѣдывавшему ими А. А. Русову запретилъ проживаніе въ южныхъ губерніяхъ. Русовъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь жить ему не препятствовали, здѣсь онъ былъ „безопасенъ“. Но когда онъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ одной изъ страховыхъ компаній поставилъ свою кандидатуру на должность завѣдующаго статистикой петроградскаго городского управленія, онъ утвержденъ не былъ. Вернуться на Украину Русову удалось только въ 1908 г., когда кіевскій коммерческій институтъ предложилъ ему должность преподавателя статистики. Съ радостью принялъ А. А. это предложеніе, возвращавшее его въ родныя мѣста, къ научнымъ интересамъ и любимому предмету занятій. Но и здѣсь его преслѣдовала политика Плеве, хотя самого Плеве уже давно не было въ живыхъ: несмотря на почтенный возрастъ А. А.,—свыше 60 лѣтъ,—несмотря на прекрасную постановку преподаванія, онъ не могъ получить утвержденія въ профессорскомъ званіи и окончилъ свои дни скромнымъ нештатнымъ преподавателемъ...

Характерна для Русова самая обстановка его смерти. Уже тяжело больной, перенесшій нѣсколько острыхъ припадковъ сердечной астмы, онъ все-же не пожелалъ бросить свое дѣло, своихъ слушателей и рѣшилъ послѣдовать за институтомъ въ Саратовъ. Тревоги, связанные съ этою эвакуаціей, очевидно, и добили его... Переѣздъ въ Саратовъ былъ въ теченіе его жизни четырнадцатымъ по счету

переселеніемъ на новое мѣсто подъ давленіемъ „независящихъ“ обстоятельствъ. Эти обстоятельства постепенно забрали энергію и здоровье А. А. Русова,—и умереть ему пришлось на чужбинѣ въ качествѣ украинскаго бѣженца... Во сколько разъ больше этотъ даровитый, цѣльный человекъ могъ бы сдѣлать для родного края и всей страны, если бы внѣшнія условія не превратили его жизни въ тяжкую Сизифову работу.

Вездѣ, гдѣ приходилось А. А. жить и работать, онъ пользовался огромною популярностью и общеою любовью, какъ человекъ идеальной чистоты и при всей его душевной мягкости неспособный къ компромиссамъ. Объ его извѣстности въ сферѣ его специальности мы уже упоминали. И при всемъ томъ міровоззрѣніе Русова, его общественно-политическіе идеалы, повидимому, были очень мало извѣстны русскому обществу, которое вообще, нужно сказать, не проявляетъ большого интереса къ областной, окраинной общественной работѣ и ея идейнымъ представителямъ. Въ одномъ изъ газетныхъ некрологовъ, посвященныхъ А. А. Русову („Русск. Вѣд.“, № 233), послѣ довольно обстоятельной оцѣнки его заслугъ въ области статистики его политической окраскѣ отведено буквально полторы строки слѣдующаго содержанія: „Покойный не былъ чуждъ и украинскому движенію“.

Какъ взволновался бы и огорчился бы Русовъ, если бы онъ могъ теперь прочесть о себѣ такой отзывъ, послѣ того какъ его жизнь сгорѣла въ пламени любви къ родному краю и въ трудѣ, вдохновляемомъ его интересами! Какое же, значить, незначительное мѣсто занимаетъ въ русскомъ общественномъ самосознаніи украинское движеніе, если даже высокая научная и общественная цѣнность дѣятелей, подобныхъ Русову, не вызываетъ въ русскомъ обществѣ болѣе внимательнаго отношенія къ идеѣ, которой такіе люди отдають свою душу!

Похоронили А. А. Русова къ Кіеву. Украинская земля приняла въ свои нѣдра возлюбившаго ее человека какъ родного сына, и она будетъ легка его праху...

П. Смутокъ.

Вѣчной памяти свѣтлаго.

Прошла весна, минуло лѣто золотое... Тихо осыпается осенняя цвѣтистая, богатая листва. Холодный, лютый вѣтеръ съ каждымъ днемъ свирѣпѣетъ, рветъ и треплетъ вѣтви могучаго, крѣпкаго, стойкаго стараго дуба, ватажка лѣса, срыываетъ съ него оставшуюся листву. Зима приближается; мы знаемъ, мы ждемъ ее, холодъ и смерть несущую... Но вотъ ужъ послѣдняя листва съ дуба опала, скорбно чернѣетъ онъ, овѣянный смертоноснымъ дыханьемъ зимы. Это смерть... Горько намъ, тяжело намъ... Умеръ дубъ... И вѣтеръ холодный, суровый теперь ужъ рыдаетъ надъ нимъ, вторитъ скорбной пѣснѣ, что въ нашей душѣ.

Горько намъ, тяжело намъ... Душа рыдаетъ... Неудержимая, искреннія слезы полились изъ многихъ очей, когда раздалась скорбная вѣсть: Александръ Александровичъ Русовъ скончался. Умеръ въ Саратовѣ, на чужбинѣ... Очи, видѣвшія его, знавшія его, не могутъ удержать слезъ. И въ то же время, среди слезъ и рыданій, въ тоскѣ и печали, просятся на уста слова поэта,—слова, съ которыми самъ покойный обращался къ своимъ умершимъ друзьямъ:

О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ животворили,—
Не говори съ тоской: „ихъ нѣтъ“,
Но съ благодарностію—„были!..“

И въ похоронныхъ аккордахъ, среди рыданій и слезъ, зарождается въ душѣ благодарность за то, что былъ онъ съ нами, жилъ среди насъ, согрѣвалъ теплотой своей ласковой ясной души сердца наши.

Есть на свѣтѣ люди,—мало ихъ,—вся жизнь которыхъ—безпрерывное творчество, стихійное созиданіе новыхъ духовныхъ цѣнностей... Люди, которые фактомъ своего существованія, каждымъ своимъ поступкомъ, каждымъ словомъ свѣтъ и радость разливаютъ вокругъ себя, укрѣпляютъ въ окру-

жающихъ вѣру въ добро, справедливость, въ свѣтлое начало человѣческаго духа... Люди, всегда поступающіе согласно велѣнію своего сердца и своей совѣсти и потому всегда идущіе тернистымъ путемъ, поддержкой въ которомъ имъ служить неугасимый огонь въ душѣ ихъ. Къ такимъ людямъ принадлежалъ покойный Александръ Александровичъ. Онъ озарялъ жизнь не только самыхъ близкихъ къ нему людей, но и всѣхъ, кто зналъ его и встрѣчался съ нимъ; словомъ и примѣромъ онъ влиялъ на людей: апатичныхъ онъ побуждалъ къ работѣ, разочарованнымъ вселялъ вѣру въ жизнь, въ людей, въ лучшее будущее, усталыхъ ободрялъ. Юношескій огонь сохранилъ онъ въ душѣ своей до конца дней своихъ.

Но „духъ бодръ, плоть же немощна“... Больной, страдающій тяжелыми сердечными припадками, Ал. Ал. не можетъ добровольно „уйти отъ жизни“, отъ любимаго дѣла, стремится раздѣлить со своими учениками и товарищами все тяжелое, что посылаетъ жизнь. Нуждаясь въ покоѣ, въ отдыхѣ послѣ долгой, трудовой жизни, Александръ Александровичъ не можетъ все-же сложить рукъ, не можетъ оторвать себя отъ любимаго дѣла. И только смерть могла это сдѣлать, неумолимая, роковая, всесильная. И вотъ нѣтъ его, нѣтъ его съ нами. Смерть отняла его у насъ!

Но одного она, всесильная смерть, не можетъ у насъ отнять—свѣтлой памяти о немъ, которую навѣки создалъ его творческій духъ,—духъ, который и по смерти витаетъ среди насъ. Навѣки незабвеннымъ останется образъ сильнаго духомъ, мягкаго сердцемъ, чуткаго, кроткаго, ласковаго, обаятельнаго человѣка.

И съ благодарностью говоримъ мы: „Онъ былъ“, но и съ тоской. Чѣмъ больше наша благодарность, тѣмъ горше наша печаль. Человѣка мы утратили... и нѣтъ словъ, нѣтъ границъ горю нашему.

Тихо осыпалась осенняя, цвѣтистая, богатая листва. И вдругъ сорвался вѣтеръ лютый, холодный, свирѣпый, растрепалъ вѣтви могучаго, стойкаго стараго дуба, ватажка лѣса, сорвалъ съ него оставшуюся листву. Скорбно чернѣетъ онъ, обезлиственный, овѣянный смертоноснымъ дыханьемъ зимы. Смерть... Горько намъ, тяжело... И вѣтеръ холодный, суровый теперь ужъ рыдаетъ надъ нимъ, вторитъ скорбною пѣснѣ, что въ нашей душѣ...

Нат. Романовичъ-Ткаченко.

Памяти А. А. Русова.

Сколько эпизодовъ возникаетъ въ памяти при этомъ имени, характеризующихъ необычайную доброту, чрезмѣрную скромность, стойкость убѣжденій и удивительное трудолюбіе Александра Александровича!.. У меня нѣтъ фактическихъ данныхъ, чтобы написать біографическій очеркъ его, но нѣкоторые эпизоды изъ его жизни запечатлѣлись. Молодые годы его жизни мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что окончивъ съ отличіемъ историко-филологическій факультетъ въ кіевскомъ университетѣ, повидимому, онъ готовился къ ученой карьерѣ, но вездѣсущія „независящія обстоятельства“, преслѣдовавшія его въ теченіе всей жизни, помѣшали и здѣсь. Опредѣлился онъ учителемъ гимназіи въ Златополь (кажется, учительствовалъ и въ кіевской), возникли непріятности съ начальствомъ, принужденъ былъ уволиться, и ужъ послѣ того не возвращался къ педагогической дѣятельности до послѣднихъ лѣтъ жизни, да и то не по министерству народнаго просвѣщенія, гдѣ онъ былъ нетерпимъ. вмѣстѣ съ этимъ увольненіемъ канули и надежды на ученую карьеру. Началась для него жизнь, полная всевозможныхъ пертурбацій, поразительныхъ контрастовъ дѣятельности и неустанныхъ переѣздовъ съ одного мѣста въ другое, порою—принудительныхъ. Нигдѣ онъ не оставался долѣе 3—4 лѣтъ, ибо изсякала возможность дѣятельности, лишался заработка или начальство выселяло. Другого человека на его мѣстѣ измучила бы въ конецъ такая цыганская жизнь на пространствѣ половины Россіи, измотала бы, но незлобливость Александра Александровича, любовь и энергія къ труду примиряли его съ неудобствами, и на всякомъ мѣстѣ онъ являлся полный жажды дѣятельности.

Онъ усердно работалъ въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго общества, напечатаны были его труды, удостоившіеся награды отъ центрального, былъ членомъ-корреспондентомъ послѣдняго и получилъ командировку въ славян-

скія земли для изученія славянскихъ языковъ. Одновременно съ этою ученою работою онъ редактировалъ и издалъ въ Прагѣ полный „Кобзарь“ Шевченка въ двухъ томахъ. Первый томъ обращался въ Россіи, а второй не былъ допущенъ. Впослѣдствіи оба эти тома „Кобзаря“ были полнѣе редактированы, съ добавленіемъ новонайденныхъ стихотвореній, Доманицкимъ и изданы имъ въ одномъ томѣ съ дозволенія цензуры (старой); пять лѣтъ свободно обращался въ Россіи этотъ Кобзарь и вновь былъ запрещенъ, если не ошибаюсь, въ 1911 году.

По возвращеніи изъ-за границы Александръ Александровичъ вмѣстѣ съ гг. Червинскимъ и Варзеромъ организовали земскую статистику въ Черниговской губерніи. Это дѣло представляло собою новинку не только въ Россіи, но и за границую обратило на себя вниманіе: берлинскій профессоръ Вагнеръ тщательно изучалъ каждый томъ черниговской и московской статистики (сначала она существовала только въ Черниговѣ и Москвѣ) и писалъ панегирики творцамъ ея. Черниговскіе и московскіе статистики были піонерами ея. Она заключала въ себѣ признаки глубокаго участія къ народу и его благосостоянію, почему ряды статистиковъ наполнялись главнымъ образомъ, людьми, питавшими искренній и глубокій интересъ къ народной жизни. На нихъ легла печать „неблагодарности“, которая, кажется, и до сихъ поръ еще держится, хотя составъ статистиковъ впослѣдствіи значительно разнообразился... Александръ Александровичъ преданъ этому дѣлу всей душою и тѣломъ. Онъ нашелъ въ немъ свое призваніе, которому не измѣнялъ до конца жизни.

Черниговское статистическое бюро, выработавъ планъ работы и обслѣдовавъ нѣкоторые уѣзды, было закрыто, и Александръ Александровичъ остался не у дѣлъ. Бывшіе его товарищи по статистикѣ впослѣдствіи нашли себѣ видныя положенія на государственной службѣ, съ большими окладами жалованья, а Александръ Александровичъ въ теченіе всей жизни мыкался по общественнымъ учрежденіямъ съ минимальнымъ содержаніемъ и никогда не сожалѣлъ объ этомъ...

Вскорѣ послѣ закрытія статистическаго черниговскаго бюро Александръ Александровичъ и жена его Софія Федоровна купили небольшой хуторъ вблизи ст. Дочь Борзенскаго уѣзда, построили на немъ усадьбу, обзавелись инвен-

таремъ и вмѣстѣ съ двумя друзьями, тяготѣвшими къ такого рода жизни, зажили „трудами рукъ своихъ“.

Ни рабочихъ, ни прислуги не было, все исполнялось собственными руками. Вся тягота женскаго хозяйства, не барскаго, а мужицкаго, легла на Софью Ѳедоровну, а мужчины работали во дворѣ, на полѣ, въ лѣсу. И вотъ тогда любопытно было видѣть Александра Александровича, облеченнаго ученою степенью, награжденнаго золотыми медалями за ученіе и труды, въ роли пахаря, молотника, гребца...

Непривычка къ физическому тяжелому труду, скудное питаніе, суровый образъ жизни должны бы сказаться въ настроеніи духа, усталости и раздражительности, но Александръ Александровичъ былъ такъ же жизнерадостенъ, терпѣливъ и выносливъ, какъ и тогда, когда писалъ ученое сочиненіе и вычислялъ цифровыя выкладки...

Разорвать связь съ нѣкоторыми культурными привычками было не по силамъ маленькой колоніи, а потому въ домѣ былъ рояль. Александръ Александровичъ владѣлъ чудеснымъ баритономъ, когда-то выступалъ въ любительской оперѣ, а Софья Ѳедоровна прекрасно играла на роялѣ. И вотъ послѣ трудового дня, вечеромъ, изъ оконъ хуторскаго дома неслись въ окрестность звуки оперной музыки, аккомпаниментъ украинскихъ пѣсень, и лилось пѣніе превосходнаго голоса... Хуторъ стоялъ близъ самой дороги, проѣзжей со станціи въ Борзну, а потому проѣзжающіе по дорогѣ останавливались, заслушивались, иногда приходили въ домъ, не переставая изумляться такому образу жизни: „В буденный день співають!“...

Дефекты женскаго хозяйства, вполне естественные при полномъ отсутствіи навыка, не укрывались отъ зоркихъ глазъ приходившихъ въ гости бабъ, и это причиняло искреннее огорченіе Софьѣ Ѳедоровнѣ. Разумѣется, и въ рукахъ мужчинъ-колонистовъ работа не спорилась, но мужчины-крестьяне относились гораздо снисходительнѣе женщинъ къ дефектамъ мужскаго хозяйства и нерѣдко сами вызывались помочь или поправить худо сдѣланное.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ оплошности въ хуторскомъ хозяйствѣ, отношенія съ сосѣдними крестьянами (вблизи были два большихъ села) установились очень благожелательныя. Извѣстно было, что Александръ Александровичъ—человѣкъ „ученый“ и, какъ таковой, долженъ „все знать“, и потому сосѣди весьма часто приходили къ нему

за совѣтами по самымъ разнообразнымъ дѣламъ, а наичаще юридическимъ, и Александръ Александровичъ охотно удовлетворялъ просьбы и нерѣдко самъ хлопоталъ по этимъ дѣламъ. Популярность хутора росла, особенно самого Александра Александровича, ибо всѣми чувствовалось его искреннѣйшая (не интеллигентская: сверху внизъ) любовь къ народу, пониманіе характера его быта. Владѣніе народнымъ языкомъ (украинскимъ) совсѣмъ сближало его съ населеніемъ. Бывали, конечно, и случаи злоупотребленія добротой Александра Александровича, но онъ всегда относился къ злоупотребителямъ такъ миролюбиво, всепрощающе, что эта кротость иногда возмущала другихъ обитателей хутора, но передѣлать Александра Александровича нельзя было.

Въ ближайшемъ селѣ освободилась должность волостного писаря. Возникла въ „громадѣ“ мысль пригласить Александра Александровича занять эту должность, но не рѣшались прямо обратиться къ нему съ этимъ предложеніемъ („Колиб ще не обідився“), а поручили одному изъ крестьянъ, почаше вхожому на хуторъ, позондировать почву. Когда оказалось, что Александръ Александровичъ „з дорогою душею піде за писаря“, эта мысль совсѣмъ окрѣпла въ „громадѣ“, и было заявлено ему офиціально двумя уполномоченными отъ волостного схода. Александру Александровичу очень хотѣлось стать волостнымъ писаремъ, но это не осуществилось, если не ошибаюсь, по той причинѣ, что крестьянское присутствіе не утвердило выбора. Этотъ случай показываетъ, какъ популяренъ былъ Александръ Александровичъ и какое довѣріе питали къ нему крестьяне.

Хотя на хуторѣ со стороны обитателей его не было и слѣда какой бы то ни было „вредной пропаганды“, а было только искреннѣйшее желаніе „слиться съ народомъ“, приобрести довѣріе его и быть ему полезнымъ, тѣмъ не менѣе популярность хутора не прошла безнаказанно. Обращала на себя вниманіе „мужицкая“ жизнь образованныхъ людей дворянскаго сословія, сношенія съ мужиками „за панибрата“ и, наконецъ, посѣщеніе хутора извѣстными въ губерніи прогрессивными дѣятелями, какъ Петрункевичъ, Савичъ, Линдфорсъ и друг., съ которыми Русовы находились въ близкихъ отношеніяхъ и были ими уважаемы. Все это вызывало подозрѣніе, что на хуторѣ „неладно“, было доведено до свѣдѣнія губернатора, и хуторъ былъ объявленъ подъ полицейскимъ надзоромъ; ближайшему уряднику вмѣнялось

въ обязанность регулярно посѣщать его и „наблюдать“. Можетъ быть, подозрѣнію способствовала и популярность Александра Александровича среди окружающаго населенія.

Кстати, коснусь его политическихъ убѣждений. Онъ никогда не былъ революціонеромъ, а въ то время крайне несочувственно относился къ „радикаламъ“ современнымъ не въ силу принципиальной вражды къ направленію, а потому, что считалъ это движеніе легкомысленнымъ и беспочвеннымъ. Онъ всегда глубоко вѣрилъ и надѣялся, что земство обновить Россію и поставить на одинъ уровень съ Западной Европой. Въ его представленіи обновленіе Юга Россіи, населеннаго украинскимъ народомъ, неразрывно соединялось съ націонализаціей въ украинскомъ духѣ просвѣщенія, управленія, суда, церкви и всего быта. Безъ этого, по его мнѣнію, немыслимъ прогрессъ украинскаго народа. Земство, какъ учрежденіе, коренящееся въ мѣстномъ населеніи и выходящее изъ среды его, должно, органически обязано добиться національной свободы и работать въ духѣ народности. Александръ Александровичъ былъ глубоко преданъ украинскимъ интересамъ еще съ молодыхъ лѣтъ и неизмѣнно такимъ оставался до конца жизни. Никакія пертурбаціи въ его жизни, перемѣны и вѣянія въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ не могли сдвинуть его съ этой точки зрѣнія. Онъ принадлежалъ къ „старой кievской громадѣ“, былъ сверстникомъ и другомъ многихъ славныхъ дѣятелей изъ этой группы, поддерживалъ сношенія съ ними, несмотря на свою цыганскую жизнь, усердно исполнялъ порученія „громады“, считая ихъ священною обязанностью для себя. Въ послѣдніе годы жизни, когда онъ страдалъ мучительною болѣзнію и былъ непосильно обремененъ преподаваніемъ статистики въ коммерческомъ институтѣ, онъ неустанно слѣдилъ за ходомъ украинскаго движенія и всѣми зловлеченіями его... Запрещеніе украинскаго печатнаго слова съ начала войны глубоко удручало его. Невыразимо унывалъ отъ преслѣдованія украинскаго движенія, всей душою стремился быть полезнымъ журналу „Украинская Жизнь“, напрягалъ свои угасающія силы, чтобы писать въ этотъ журналъ, но физическая немощь брала верхъ надъ душевною энергіей...

Возвращаюсь къ хуторскому періоду жизни Русова. Итакъ, хуторъ очутился подъ полицейскимъ надзоромъ, невѣдомо за что. Но не это смущало обитателей. Опасность

для существованія его надвигалась съ другой стороны: послѣ 1½ или 2-лѣтней жизни „трудами рукъ своихъ“ изсякали матеріальныя средства для дальнѣйшаго эксперимента. Надо было искать иного, подсобнаго, заработка. Въ это время нѣжинское земство вздумало описать свой уѣздъ статистически приблизительно по программѣ бывшаго губернскаго бюро и предложило Русову взять эту работу издѣльно, т.-е. за извѣстную сумму описать, обработать матеріаль и напечатать.

Общимъ совѣтомъ на хуторѣ было рѣшено, что два обитателя его, Русовъ и одинъ изъ двухъ младшихъ друзей, проживавшихъ на хуторѣ, уйдутъ на-время въ отхожій заработокъ, а остальные двое, въ томъ числѣ и жена Русова, останутся „на хозяйствѣ“. Предполагалось на заработанные деньги продолжать „народническую“ жизнь. Этимъ мечтамъ не суждено было сбыться...

Описаніе Нѣжинскаго уѣзда требовало усиленнаго и спѣшнаго труда, чтобы скорѣе возвратиться на хуторъ, да и земство торопило. Русовъ сначала вмѣстѣ съ помощникомъ, а потомъ порознь объѣхали весь уѣздъ, не минуя ни одного поселенія, ни одного мелкаго хутора. Вездѣ производили гуртовой опросъ жителей объ условіяхъ хозяйственнаго быта, причемъ Русовъ не утерпѣлъ, чтобы не включить въ программу и вопросовъ, такъ сказать, социальнаго характера. И здѣсь сказалась его органическая черта, присущая всякой статистической работѣ, за какую онъ ни брался: сухія цифры сами по себѣ не удовлетворяли его, а служили ему только иллюстраціей, какъ показатели той или другой стороны человѣческой жизни. При опросахъ онъ никогда не забывалъ, что предъ нимъ стоитъ живая масса, чувствующая, вѣрящая, желающая, а не матеріаль для отвлеченныхъ выводовъ или фискальных цѣлей. Надо было видѣть, съ какимъ живымъ интересомъ и участіемъ онъ спрашивалъ крестьянъ, какъ умѣлъ поймать правду въ отвѣтахъ, намѣренно искажающихъ дѣйствительность, какъ деликатно избѣгалъ уличать въ явной лжи, какъ обходилъ щекотливые вопросы...

Неудивительно, что такой опросъ чрезвычайно располагалъ къ нему опрашиваемыхъ: въ каждомъ селѣ громада, сначала настороженная, сдержанная и неохотно отвѣчающая, въ концѣ опроса распространялась въ разсказахъ безъ нужды, одинъ другого перебивая, и старалась продлить опросъ.

Она видѣла предъ собою участливаго человѣка, а не чиновника, за котораго сначала принимала. Вспоминались тогда Русову предостереженія земской управы о томъ, что его могутъ постигнуть злключенія, ибо „народъ боится и ненавидитъ изучающихъ его быть“. Конечно, управа имѣла въ виду опытъ опросовъ, производимыхъ чиновниками, полиціей и волостнымъ начальствомъ. Вспоминая эти предостереженія, Русовъ смѣялся и недоумѣвалъ, какъ можно было такъ заблуждаться и какъ грубо надо опрашивать, чтобы возбудить противъ себя ненависть. Много помогало освоенію громады съ нимъ неизмѣнное употребленіе народнаго языка и знаніе сельскаго быта. Это очень располагало къ нему крестьянъ и сообщало бесѣдѣ откровенность...

Несмотря на тяжелый трудъ, проживаніе по нѣсколько дней въ простой сельской хатѣ (онъ рѣдко останавливался въ помѣщичьихъ домахъ), лишенія въ пищѣ и иныя неудобства, Александръ Александровичъ не уставалъ отдаваться хоть на часъ страстно любимому имъ искусству—музыкѣ: лишь только услышитъ, бывало, обрывокъ народной пѣсни (порой она врывалась въ открытыя окна хаты во время опроса), тотчасъ на клочкѣ бумаги появлялись ноты этой пѣсни. Онъ удивительно скоро умѣлъ схватывать мимолетно услышанный мотивъ и положить его на ноты. Этимъ умѣніемъ онъ владѣлъ какъ специалистъ-музыкантъ.

Десять мѣсяцевъ почти непрерывно продолжались разъѣзды по уѣзду, не взирая ни на какую погоду и время года. Повременамъ оба статистика пріѣзжали въ Нѣжинъ, гдѣ была постоянная квартира какъ бы для отдыха, а на самомъ дѣлѣ и здѣсь работали: забирали въ земской управѣ разныя дополнительныя свѣдѣнія и удивляли управу рассказами о томъ, какъ гладко, миролюбиво шла ихняя работа. Наконецъ, матеріалъ былъ собранъ, приведенъ въ порядокъ, надо было обработать его и одновременно, по частямъ, печатать. На хуторѣ нельзя было этого сдѣлать, надо ѣхать въ городъ. Русовъ съ помощникомъ поѣхали въ Кіевъ, поѣхала и Софья Ѳедоровна. Но здѣсь по прошествіи 7—8 мѣсяцевъ непрерывной кабинетной работы, немалую часть которой (подсчеты) несла и Софья Ѳедоровна, когда объемистая книга („Статистическое описаніе Нѣжинскаго уѣзда“) была напечатана ¹⁾ и обязательство съ зем-

¹⁾ Русовъ получилъ за нее золотую медаль отъ Географическаго общества.

ствомъ кончилось, „хуторянь“ захватила городская жизнь. Александръ Александровичъ сталъ редакторомъ газеты „Трудъ“, а Софья Федоровна и помощникъ по статистикѣ подпали вліянію общественнаго движенія того времени, и тогда вмѣсто хуторской идилліи, къ которой уже не пришлось возвратиться, началась жизнь, полная иныхъ эпизодовъ... Хотя Александръ Александровичъ былъ непричастенъ этому увлеченію, но тѣмъ не менѣе ему пришлось много страдать; какъ бы рикошетомъ отбивалась на немъ длительная драма...

Л. Жебуневъ.

Нѣмецкое землевладѣніе на Украинѣ.

Недавно С. Шелухинъ выпустилъ брошюру „Нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи“. Фактическій матеріаль, приведенный въ ней, очень интересенъ для насъ, украинцевъ, такъ какъ въ брошюрѣ дается не только картина нѣмецкаго землевладѣнія, но и вскрываются условія, особенно благопріятствовавшія такому пышному расцвѣту нѣмецкой колонизаціи на фонѣ нищеты и забитости коренного украинскаго населенія. С. Шелухинъ изслѣдовалъ только Херсонщину, о другихъ районахъ нѣмецкой колонизаціи онъ упоминаетъ лишь вскользь, но общая картина, данная авторомъ, болѣе или менѣе одинакова для всѣхъ районовъ, и если въ Херсонщинѣ въ результатѣ колонизаціоннаго движенія получилась наиболѣе удручающая картина, то причиной тому является традиціонная политика русскаго правительства въ отношеніи народа украинскаго и его территоріи. Для подтвержденія этой мысли обратимся къ фактическому и историческому матеріалу, обильно приведенному авторомъ ¹⁾).

„Новороссійскій районъ сталъ заселяться осѣдло прежде всего украинскимъ народомъ и притомъ довольно давно. Въ началѣ здѣсь были запорожскіе зимовники, въ которыхъ хуторами жили запорожцы, рядомъ съ ними селились также и выходцы изъ Украины“. Въ XVII вѣкѣ, когда жизнь на Украинѣ была очень тревожна и опасна благодаря жестокостямъ и насиліямъ польской шляхты, непрерывнымъ войнамъ, возстаніямъ, народъ уходилъ подалѣе въ степи. Эти выходцы начали заселять земли, носившія названіе запорожскихъ вольностей; а въ XVIII в. выходцы изъ правобережной Украины заселяютъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ, бывшія тогда подъ властью

¹⁾ См. также С. Шелухинъ. Законъ 14-го іюня 1910 г. „Поселяне-собственники (колонисты)“, Одесса. 1913 г., и Сергій Павленко. „Чи бути чорноморській німеччини?“. Золотоноша. 1913 г.

крымскаго хана и называвшіяся поѣтому Ганщиной. Поселенцы или такъ-называемые „десятинщики“ занимались здѣсь земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ и платили хану десятую часть всѣхъ доходовъ, что носило имя дежмы, или десятины. Съ этой запорожской колонизаціей немало боролось русское правительство, хотя запорожскіе колонисты облегчили Россіи въ 1791 году присоединеніе Ганщины къ Россіи.

Съ половины XVII столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія о колонизаціи запорожцами нынѣшней Херсонской, Екатеринославской и части Подольской губерній. Запорожцы стараются возможно гуще заселять свои земли въ виду политики Россіи, направленной къ ослабленію Запорожья путемъ раздачи запорожскихъ земель своимъ вельможамъ и служилымъ людямъ, несмотря на многократныя подтвержденія русскимъ правительствомъ правъ запорожцевъ на ихъ земли. Густотѣ заселенія этого края обстоятельства благопріятствовали. Такъ, въ правобережной или польской Украинѣ населеніе задыхалось подъ властью шляхты, въ лѣвобережной или русской Украинѣ шелъ процессъ превращенія казацкой старшины въ русское дворянство, сопровождавшійся расхищеніемъ общественныхъ земель въ частную собственность и постепеннымъ закрѣпощеніемъ народа. Условія эти гнали народъ изъ обѣихъ частей Украины, и онъ въ Запорожьѣ находилъ себѣ пристанище и защиту. Демократическая сила Запорожья, такимъ образомъ, являлась существенной помѣхой къ осуществленію крѣпостническихъ плановъ, и, разумѣется, приложены были всѣ старанія, чтобы Запорожье было уничтожено, что и было сдѣлано въ 1775 году. Съ этого времени колонизація принимаетъ другой характеръ, такъ какъ „изъ десятиmilliоннаго земельного фонда запорожцевъ, объявленнаго казенной собственностью, только въ 1776 году было роздано 459,220 десятинъ, а за 10 лѣтъ роздано 4.470,302 десятины, причемъ Потемкинъ, гр. Каменскій, Лосевъ, Синельниковъ, Мерлинъ, Юсуповъ, Фалѣевъ и т. д. получили цѣлыя латифундіи. Раздавали землю выходцамъ изъ разныхъ государствъ, но только не украинскому населенію, которое могло быть поселено на ней только въ качествѣ крѣпостныхъ“. „Земли раздавались такимъ лицамъ, которыя никогда земледѣліемъ не занимались и никакой связи ни съ нимъ, ни съ украинской народностью не имѣли. Раздава-

лись земли и всякимъ авантюристамъ. Поэтому судьбы края и его народности для господствующаго класса были чуждыми, и это въ высшей степени тяжело отразилось на судьбѣ населенія. Все это создало для успѣховъ нѣмецкой колонизаціи благоприятную почву и продолжаетъ оказывать помощь и понынѣ“.

Новые владѣльцы Новороссіи, стремясь заселить полученные земли, начали зазывать къ себѣ путемъ нѣкоторыхъ льготъ сосѣднее населеніе не только изъ Украины, но и Великороссіи. Правительство, само заинтересованное въ заселеніи края, смотрѣло на это сквозь пальцы, и Новороссія въ скоромъ времени наполнилась бѣглецами. Въ началѣ поселенцы занимають земли помѣщиковъ на условіяхъ десятины, но вскорѣ же открылась широкая арена для всяческихъ притѣсненій со стороны помѣщиковъ, такъ какъ рабочія руки предлагались въ изобиліи и населеніе было бѣглое, лишенное правъ и защиты закона. Большинство его, какъ и остатокъ запорожцевъ, было обращено или въ помѣщичьи, или въ казенные крѣпостные. Многіе, однако, ухитрились достать себѣ подложные мѣщанскіе паспорта и, сохранивъ такимъ образомъ личную независимость, сдѣлались безземельными мѣщанами-земледѣльцами и въ качествѣ десятинщиковъ обрабатывали помѣщичью землю. „Число безземельныхъ еще болѣе увеличила крестьянская реформа, такъ какъ многіе изъ крѣпостныхъ, испытавъ весь ужасъ крѣпостной зависимости, боялись брать надѣлъ, чтобы въ будущемъ не попасть въ крѣпостные. Остались безъ земли и дворовые. Оставшись безъ земли, эти споконвѣчные земледѣльцы получили отпускъ на волю по актамъ, а потому называются актовыми. О своемъ горемычномъ житѣ они говорятъ: „Дали намъ ахту, щобъ ми ахкали, то ми й досі ахкаемо“. Ставъ внѣ крестьянскаго общества, они получили мѣстное названіе „ви п х а н ц і в“.

И вотъ благодаря такимъ судьбамъ края, сложившимся въ результатъ систематическаго измѣненія первоначальныхъ отношеній по руслу проводимой денаціонализаціи украинскаго народа, путемъ расхищенія его земель и внѣдренія чужероднаго командующаго класса, сложилась нынѣшняя картина Херсонщины. Являетъ она разительный контрастъ между раскиданными на просторахъ ея селами, ихъ устройствомъ и строеніями.

„Вотъ деревня,—вся она состоитъ изъ разбросанныхъ въ

безпорядкѣ, полуразрушенныхъ землянокъ, грязныхъ, низкихъ, мрачныхъ и вросшихъ въ землю. Называются онѣ у мѣстнаго населенія „гадючниками“. Ни кола, ни двора, ни растенія, посаженнаго человѣческой рукой! Сдѣланы онѣ изъ навоза, соломы, земли, глины, камня и т. п.,—дереву только тамъ, гдѣ безъ него совершенно невозможно обойтись. Крыша земляная, ни одной ровной стѣны, 2—3 окошечка, да и въ тѣхъ вмѣсто разбитыхъ стеколъ вставлена бумага. Дверь сдѣлана изъ тоненькихъ досокъ, перекошена, низкая, со щелями въ палецъ шириной. Даже не вѣрится, чтобы здѣсь жили люди.

Всѣ эти обиталища не свои, а чужія, и потому только передъ Пасхой хозяйка приаккурачиваетъ ихъ болѣе чѣмъ неприглядный видъ. Тутъ всякая пядь земли оплачивается, а потому нельзя бесплатно даже посадить куста цвѣтовъ.

Внутри избы четвертую часть ея занимаетъ прокопченная насквозь кураемъ и навозомъ земляная печка, распространяющая тяжелый запахъ. Здѣсь круглый годъ сыро и темно, воздухъ тяжелый, затхлый и тѣснота загромождена всякимъ убогимъ скарбомъ. Но внутри избы тѣмъ не менѣе на удивленіе чисто. Въ этомъ сказалась національная черта хозяйки-украинки. Денегъ на такую чистоту не надо, а достаточно только рукъ, усердія и природнаго вкуса.

Возлѣ избы стоятъ тамъ и сямъ хозяйственные постройки: миниатюрный хлѣвъ изъ гнилой соломы, кураю, земли или камня, да нѣсколько кольевъ—совершенно куча навоза съ маленькой дверью. Тутъ же въ такомъ же родѣ конюшня и коровникъ. Повозка, борона, плугъ и прочій сельскохозяйственный убогій инвентарь валяется тутъ же, какъ попало и гдѣ попало, ибо спрятать его некуда. Утромъ и вечеромъ, когда топятъ печи, трудно пройти по такому селенію: острый, ѣдкій, стелющійся дымъ отъ топлива изъ курая и „кирпича“, приготовляемаго изъ навоза, ѣстъ глаза, выжимаетъ слезу, забиваетъ дыханіе. Возлѣ землянокъ соломы мало, а сѣна и не видно. Въ закромахъ, обычно устроенныхъ въ сѣняхъ, хлѣба всегда немного.

Такъ живутъ съ дѣдовъ-прадѣдовъ десятинщики—мѣщане или актовые крестьяне, или „випаханці“. Такихъ десятинщиковъ, по даннымъ земской статистики, въ 1885 г. было 115,000 душъ, жившихъ въ 1,094 поселкахъ, изъ которыхъ 280 были исключительно десятинщиковъ. Въ 1905 г. такихъ мѣщанскихъ хозяйствъ было 20,000. Арендовали

они и обрабатывали свыше 20,000 десятинъ земли, платя за „гадючникъ“ 5—10 руб., а за избу въ селѣ 30 руб. и за землю 12—20 руб. съ десятины“.

Но вотъ проѣхать немного дальше, и встрѣчается уже украинское село съ улицами и дворами. Село тоже бѣдное, не изобилующее деревомъ, но все-же болѣе аккуратное, съ трубами, съ раскрашенными окнами, обмазанное и огороженное, имѣющее при себѣ и дворикъ, и палисадникъ, гдѣ растутъ цвѣты и нѣсколько деревьевъ. Все это убого и миниатюрно, но все-же несравнимо съ „гадючниками“. Здѣсь живутъ помѣщичьи или казенные крестьяне, получившіе въ надѣлъ отъ 3½ до 5 дес. земли. Надѣлы эти очень раздробились, и населеніе можетъ существовать, лишь арендуя чужую землю.

И вотъ на мрачномъ фонѣ такихъ крестьянскихъ селъ и „гадючниковъ“ поражаетъ контрастъ нѣмецкихъ колоній, внѣшній видъ которыхъ напоминаетъ города. Уже описанныя выше условія жизни мѣстнаго населенія даже помимо знакомства съ возникновеніемъ и исторіей нѣмецкаго землевладѣнія подсказываютъ мысль о привольномъ житіи пришлаго населенія, вооруженнаго матеріальными средствами, среди обнищавшихъ и забытыхъ украинцевъ. Но правительственная практика нѣмецкой колонизаціи сдѣлала все возможное для того, чтобы разбухло нѣмецкое землевладѣніе и рвались послѣднія связи съ землей у коренного населенія.

„Нѣмецкая колонизація въ Россіи открывается манифестомъ 4 декабря 1762 г., развитымъ и дополненнымъ въ манифестѣ 22 іюля 1763 г. Въ этихъ актахъ не говорится специально о нѣмцахъ, а объ иностранцахъ, но по фактическимъ условіямъ тогдашней жизни въ Россіи и нѣмецкихъ вліяній въ петроградскихъ сферахъ дѣло сложилось такъ, что этими иностранцами оказались почти исключительно нѣмцы, преимущественно пруссаки“. Имъ было предоставлено столько правъ и привилегій, о которыхъ коренное населеніе и мечтать не могло. Эта колонизація стоила Россіи огромныхъ денегъ и сильнаго уменьшенія земельного фонда, такъ какъ земли отводили по 60 дес. на душу, позже по 53—60 дес. на дворъ, не считая огромныхъ угодій садовыхъ, овчарныхъ и др., которыя отводились въ общее пользованіе цѣлой колоніей на предметъ разведенія садовъ, овецъ, устройства фабрикъ. Колонисты освобождались отъ

всякихъ податей и налоговъ въ теченіе 30 лѣтъ, а по истеченіи этого срока колонисты обязывались платить подати наравнѣ со всѣми лицами свободнаго состоянія. По прибытіи въ Россію колонисты получали бесплатную квартиру на $\frac{1}{2}$ года, безпроцентныя ссуды на хозяйственныя обзаведенія и даровыя крестьянскія подводы для переѣзда на отведенныя земли. Первые колонисты осѣли въ саратовскихъ и приволжскихъ степяхъ. Послѣ уничтоженія Запорожской сѣчи колонизація украинскихъ земель пошла рѣшительно, и первая нѣмецкая колонія на Украинѣ, Альтъ-Данцингъ, была основана въ 1787 г. подъ Елисаветградомъ.

Первые опыты нѣмецкой колонизаціи были неудачны, такъ какъ безъ разбора набирался всякій сбродъ изъ Германіи, который на большую половину разбѣгался съ мѣстъ поселенія. Въ виду первыхъ неудачъ правительство пріостановило переселеніе, но въ 1803 г. пріѣхали изъ Пруссіи переселенческіе депутаты и просили разрѣшенія колонизовать Новороссію, особенно Черноморское побережье съ Одесскимъ уѣздомъ во главѣ. Въ томъ же 1803 году появилась подъ Одессой первая нѣмецкая колонія, въ 1804 г.—5 колоній и въ Херсонскомъ уѣздѣ 3 колоніи. Послѣ 1804 г. быстро была основана 31 колонія, подъ которыя было отведено 129.353 дес. казенной земли, а въ Херсонской губ. нѣмцамъ было отведено отъ казны 185.963 дес., кромѣ всякихъ угодій, и, кромѣ того, отъ евреевъ было отобрано 9.908 дес. и передано нѣмцамъ же. Эта колонизація производилась по измѣненному закону, но въ общемъ столь же благопріятному для нѣмцевъ.

Благодаря неудачамъ первой колонизаціи правительство съ большимъ разборомъ допускало къ переселенію, предпочитая земледѣльцевъ, свѣдущихъ въ овцеводствѣ, скотоводствѣ, шелкоодствѣ и пр., причемъ для разведенія овецъ каждой колоніи отведено въ среднемъ по 500 дес. овчарныхъ земель. Кормовыя деньги выдавались до новаго урожая, на хозяйственное обзаведеніе выдавалась безпроцентная ссуда въ 300 руб. съ обязательствомъ погасить черезъ 10 лѣтъ въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ. Льготы въ податяхъ и повинностяхъ даровались на 10 лѣтъ, причемъ въ слѣдующее десятилѣтіе взымались только въ количествѣ 10—20 коп. съ десятины, а по истеченіи этого срока наравнѣ съ прочимъ населеніемъ.

На каждый дворъ въ Новороссіи былъ отведенъ надѣлъ

въ 60 дес. удобной земли не въ личную собственность, а въ потомственное владѣніе двора на началахъ минората, что навсегда застраховывало колонистовъ отъ безземелья и нужды. Въ общественномъ отношеніи колонисты пользовались своимъ самоуправленіемъ. Колонизація пошла такъ энергично, что уже съ 1810 года начинаютъ выходить правительственныя распоряженія объ ограниченіи нѣмецкаго переселенія на казенныя земли. Однако, только съ 1843 г. перестали отводить казенныя земли для колонизаціи. Но это измѣнившееся отношеніе правительства уже не могло помѣшать нѣмецкой колонизаціи, такъ какъ колонисты къ этому времени успѣли хорошо организовать и вырасти въ крупную силу. „Земли съ 1861 г. продавалось очень много, и до 1880 года она была дешева. Колонисты ее покупали, арендовали и селились совершенно свободно, все увеличивая свои кадры и свою силу“. Немало этому помогла неясность и сбивчивость нашихъ законовъ о крестьянахъ, позволявшая смѣшивать въ административной практикѣ поселянь-собственниковъ (колонистовъ) съ бывшими крестьянами. Слѣдствіемъ этого являлось то, что колонисты зачастую пользовались льготами, установленными для бывшихъ крестьянъ. Такъ, крестьянинъ по закону можетъ купить по нормѣ 6 надѣловъ, т.-е. 33 десятины, безъ оплаты пошлинами, а нѣмецъ-колонистъ, имѣющій надѣльной земли 60 дес., можетъ безпошлинно купить еще 360 дес. Пользуясь этой неясностью и неполнотой закона, нѣмцы принялись энергично скупать крестьянскія земли.

Такимъ образомъ, все благопріятствовало тому, что въ рукахъ колонистовъ сосредоточилась огромная земельная площадь, и, кромѣ того, они обладали огромнымъ и неизсякаемымъ фондомъ для покупки частновладѣльческихъ земель. Этимъ фондомъ являлись овчарныя земли. Ни овецъ, ни фабрикъ нѣмцы не завели. Садовыя земли просто подѣлили между собою, а овчарныя сдавали въ аренду; вырученная арендная плата помѣщалась въ колоніальную кассу, и при 4,000 дес. овчарныхъ земель въ старыхъ колоніяхъ благодаря такому обороту черезъ каждыя 7 лѣтъ получалось свыше $\frac{1}{2}$ милліона овчарныхъ капиталовъ. Земля, купленная на овчарные капиталы, считается надѣльной и раздается колонистамъ въ собственность даромъ. Новая колонія, получившая даровую землю, вмѣсто арендной платы облагаетъ владѣльцевъ извѣстной суммой, изъ которой и

составляется постепенно такой капиталъ, какъ овчарный, и дѣлаетъ закупку земель точно такъ же, какъ старая колонія.

Такимъ образомъ, колонисты являются самымъ обеспеченнымъ элементомъ въ краѣ и по скупкѣ земель стоятъ внѣ конкуренціи. По официальнымъ даннымъ херсонской губернской земской управы, нѣмцы до 1895 г. въ Херсонской губ. владѣли 185,963 дес. надѣльной земли, къ которой прикупили свыше 500,000 дес. и арендовали около 300,000 дес. Помѣщики-нѣмцы сюда не входятъ. Всего колонистовъ насчитывалось 104,000 душъ. Херсонская губ. занимаетъ пространство въ 6,432,197 дес., изъ которыхъ только 4,101,333 дес. удобны для пахоты. Такимъ образомъ, въ рукахъ нѣмцевъ-колонистовъ уже до 1895 года была почти $\frac{1}{4}$ всѣхъ удобныхъ земель, или $\frac{1}{6}$ всей Херсонщины. До 1843 г. въ Херсонской губ. было 42 колоніи, а въ 1895 г. ихъ уже свыше 150. Особенно энергично нѣмцы скупали земли послѣ русско-турецкой войны. Такъ, въ 1879 г. колонисты приобрѣли 30,368 дес., въ 1888 г.—40,740 дес., въ 1889 г.—32,665 дес., а за 10 лѣтъ съ 1896 г. по 1905 г. дворяне Херсонской губ. продали 352,796 дес. земли, изъ которыхъ нѣмцамъ перешло 125,003 дес. Колонисты даже у казны купили 7,090 дес., у евреевъ 14,000 дес. и у крестьянъ 3,029 дес. Это данныя до 1905 г., а въ послѣдующіе годы нѣмецкія прикупки земли стали еще большими. Составляя только 6% всего населенія Херсонщины, нѣмцы-колонисты имѣютъ въ своемъ обладаніи $\frac{1}{3}$ всѣхъ ея земель и въ числѣ 135,000 душъ покупаютъ земли больше, чѣмъ 200,000 крестьянскаго населенія.

Въ результатъ правительство съ огромной затратой казенныхъ средствъ на земляхъ, отобранныхъ у запорожцевъ и первоначальныхъ колонистовъ-украинцевъ, насадило огромный чужеродный островъ, сильный своею сплоченностью и матеріальными средствами. Что могло ему противопоставить обнищавшее, ободранное коренное населеніе? Оно только и могло попасть въ такую экономическую зависимость, при которой поблѣднѣютъ и ужасы крѣпостного права. Раньше оно хотъ въ „гадючникахъ“ жило и находило землю для необходимой ему аренды, теперь же въ мѣстахъ нѣмецкой колонизаціи и „гадючники“ исчезли, такъ какъ колонисты земли въ мелкую аренду не сдаютъ, а рабочей силой мѣстнаго населенія пользуются неохотно, предпочи-

тая пришлыхъ рабочихъ, не имѣющихъ здѣсь опоры и потому болѣе удобныхъ въ смыслѣ эксплуатаціи и выжиманія пота. Коренное населеніе изгоняется на всѣ четыре стороны, переселяется въ Сибирь и пополняетъ ряды пролетаріата. Ремеслу здѣсь тоже развиться негдѣ, такъ какъ колонисты для своихъ нуждъ имѣютъ собственныхъ ремесленниковъ, а земство коренному населенію на помощь не приходитъ и ремесленныхъ школъ не открываетъ.

Въ официальной мотивировкѣ необходимости иностранной колонизаціи проводилась мысль о пересажденіи въ Россію болѣе культурныхъ способовъ веденія хозяйства, поднятія скотоводства, фабричной промышленности и пр. Но колонисты были поставлены въ такія матеріальныя и мѣстныя условія, такъ обильно снабжены дешевой рабочей силой, что имъ совершенно незачѣмъ было вводить какъ готовые улучшенные способы сельскаго хозяйства, такъ и добиваться новаго ихъ улучшенія. Если правильно, что первоначальнымъ толчкомъ къ изобрѣтательности является необходимость и только въ послѣдствіи человѣческая мысль стремится къ дальнѣйшимъ изобрѣтеніямъ путемъ самодовлѣющаго научнаго интереса, то у насъ колонисты не испытывали такихъ толчковъ суровой необходимости. У нихъ было много земли, еще больше дешевой рабочей силы, и имъ обезпечена была крѣпкая, сытая жизнь и при архаическихъ способахъ веденія хозяйства.

Такимъ образомъ, окрестному населенію у нихъ учиться было нечему. Культурное преимущество колонистовъ очень невелико и обусловлено только ихъ зажиточностью. Даже наоборотъ, поскольку сила и богатство колонистовъ зиждились на обнищаніи мѣстнаго населенія, его некультурности, ихъ ближайшіе жизненные интересы повелительно толкали въ сторону дальнѣйшаго поддержанія этихъ благопріятствующихъ имъ условій. Такимъ образомъ, колонисты-нѣмцы являются серьезнымъ тормазомъ на пути всяческаго обновленія и развитія въ Россіи, и наша реакціонная политика цѣлыми десятилѣтіями во многомъ питалась вдохновеніями истинно-русскихъ нѣмцевъ. И, конечно, въ первую голову интересамъ колонистовъ противорѣчилъ культурно-національный подъемъ мѣстнаго украинскаго населенія. Создавъ себѣ независимое обезпеченное существованіе на развалинахъ украинской вольности, наживаясь на дешевомъ трудѣ мѣстнаго населенія, естественно стремленіе и на дальше обезпе-

чить себя такой же порядокъ. Отсюда энергичная поддержка реакціонныхъ элементовъ Россіи въ стремленіи возможно больше дискредитировать въ глазахъ власти имущихъ украинское движеніе, поставивъ на пути его трудно преодолимые препоны. Наиболѣе реакціонныя русскія партіи, травящія украинцевъ, насчитываютъ немало въ своихъ рядахъ нѣмцевъ. Нѣмцы-колонисты массами записывались въ „союзъ русскаго народа“, причемъ въ колоніи Кандель Одесскаго уѣзда даже руководитель „союза“ былъ прусскій поданный.

И вотъ „союзники“ въ Одессѣ добиваются закрытія „Просвіти“ и открытія чуть ли не десятаго нѣмецкаго общества „Teutonia Euxina“, т.-е. Черноморская Германія („Одесскій Листокъ“, 15 декабря 1909 г.).

Таковы взаимоотношенія нѣмцевъ-колонистовъ и украинцевъ на Херсонщинѣ.

Какъ видитъ читатель, нѣмецкая колонизація содѣйствовала обнищанію послѣднихъ, а это въ свою очередь влекло за собой денационализацію ихъ. Отвѣчало ли это интересамъ государства, сомнительно, но культурное развитіе и національное возрожденіе Херсонщины замедлено на многіе годы.

О. Б—ая.

Въ украинской деревнѣ

(Письмо изъ Полтавской губ.).

Война всколыхнула деревню, отодвинувъ на задній планъ всѣ обычные интересы ея. Съ кѣмъ и на какую тему ни приходится говорить, все равно, будутъ ли это 14—15-лѣтнія дѣти или старики, мужчины или женщины, разговоръ немедленно и неизбѣжно переходитъ на то же, грозное и мучительное—на войну. И не потому только, что война наиболѣе задѣла деревню, что почти каждая семья отправила уже или собирается отправить своего отца, мужа или сына, не потому, что вздорожаніе жизни, прежде всего предметовъ первой необходимости, всей тяжестью легло на широкіе, наиболѣе малоимущіе слои населенія, что во многихъ мѣстахъ давалъ себя чувствовать лѣтомъ недостатокъ мужскихъ рабочихъ рукъ, не потому, наконецъ, что масса бѣженцевъ, потянувшаяся за послѣднее время по нашимъ мѣстамъ голодной, оборванной толпой, воочию показали ужасы войны и, естественно, вызывали тревогу за свое будущее, можетъ быть, даже ближайшее,—нѣтъ, интересъ къ современнымъ событіямъ и связаннымъ съ ними явленіямъ выходитъ далеко за рамки этого непосредственно затронувшаго деревню, онъ шире его, захватывая области и культуры, и географіи съ этнографіей, и политики. Война обогатила деревню не только такими чисто военными терминами, какъ батальонъ, дивизія, шрапнель, „чемоданъ“ и т. д., она раздвинула прежній строй понятій, выдвинула рядъ вопросовъ, которыми прежде не интересовались, „открыла“ для деревни Европу: какъ живутъ въ западно-европейскихъ странахъ, какой тамъ политическій строй, каковъ бытъ крестьянъ (особенно въ наиболѣе сейчасъ интересныхъ Австріи и Германіи), какіе интересы втянули въ войну Францію и Англію и т. д., и т. д.,—вотъ какими вопросами задается сейчасъ деревня помимо чисто военныхъ. Конечно, вопросы эти видоизмѣняются,

варьируются на разные лады, выливаются въ разную форму сообразно возрасту и интересамъ собесѣдника, но сущность ихъ остается та же: какъ и чѣмъ, гдѣ и въ какихъ условіяхъ живутъ эти почти неизвѣстные до сихъ поръ и совершенно чуждыя во всякомъ случаѣ западно-европейскія государства.

Нерѣдко затрагиваются и вопросы лингвистики, матеріаломъ для которыхъ служитъ и рѣчь галицкихъ украинцевъ, разбросанныхъ по селамъ, и отдѣльныя выраженія изъ газетъ, и географическія названія, и иностранныя слова солдатскихъ писемъ. Вопросы эти выливаются подчасъ въ наивную, даже курьезную форму, но они знаменательны, какъ признакъ сдвига съ повседневныхъ деревенскихъ интересовъ, не выходящихъ раньше въ большинствѣ за предѣлы сосѣдняго села или, въ лучшихъ случаяхъ, сосѣдняго уѣзднаго города. Такъ, одна солдатка, женщина уже немолодая, жена запасного, воевавшего на Карпатахъ и часто писавшаго, по-деревенскому выраженію, съ „Кирпатих гір“, обратилась за объясненіемъ, „через що ті гори звуться кирпатими, коли вони, кажуть, такі високі, щой за день до верху долізити не можно“.

Отвѣты на свои запросы деревня ищетъ всюду, гдѣ только надѣется узнать что-либо новое: и у батюшки, и у почтальона, и у мелкихъ комиссіонеровъ, обѣзжающихъ села и хутора для скупки хлѣба, и у крестьянъ, читающихъ газеты, и просто у случайнаго профѣзжаго,—словомъ, у людей зачастую мало компетентныхъ, не могущихъ разрѣшить тѣ иногда очень сложныя проблемы, разрѣшенія которыхъ отъ нихъ ждутъ.

Такъ проникаютъ лживыя извѣстія, неизвѣстно откуда взявшіеся слухи, быющіе на некультурность и темные инстинкты массъ и используемые нѣкоторыми элементами для своекорыстныхъ цѣлей, наконецъ просто выдумки досужихъ умовъ. Всѣ эти свѣдѣнія деревня передѣлываетъ по-своему; возникаетъ и широко распространяется „творимая легенда“, таящая очень мало чертъ дѣйствительности, но простодушно принимаемая за правду. Чего-чего только ни касается эта легенда: тутъ и всеобщій шпіонажъ, въ которомъ готовы подозрѣвать каждого, и рассказы о необыкновенныхъ подвигахъ солдатъ при обнаруженіи его въ войсковыхъ частяхъ, за что „надавали дукачів и хрестів“, и слухи о близости непріятеля, въ виду которой даже

было выражено пожеланіе рѣзать лѣтуховъ и убивать собакъ, чтобы лаемъ и пѣніемъ не выдали австрійцамъ хутора, спрятаннаго въ лѣсу, и многое другое. Представьте, до какой нервности и возбужденія дошла деревня, когда одинъ „очевидецъ“ серьезно увѣряетъ въ срединѣ іюля, что на улицахъ Кіева копають траншеи! Дѣло доходило до того, что не хотѣли сѣять озими, боясь прихода нѣмцевъ, и горячо обсуждали, „куды тѣкати“. Такіе факты могутъ имѣть мѣсто только на почвѣ полной неосвѣдомленности деревни въ текущихъ событіяхъ,— неосвѣдомленности, сулящей въ будущемъ самые печальные результаты.

Почта—центръ, своего рода деревенскій клубъ, куда какъ въ резервуаръ сходятся всѣ слухи и откуда расходятся по окрестностямъ всевозможныя новости, вычитанныя или подхваченныя по наслышкѣ изъ газетъ, почерпнутыя изъ солдатскихъ писемъ (последнія, кстати сказать, пользуются большимъ авторитетомъ, и, если слова собесѣдника совпадаютъ съ ними, это всегда подчеркивается: „так, так, це й Петро писав“), а то просто принесенныя Богъ вѣсть откуда или созданныя на мѣстѣ. Почтовые отдѣленія въ нашихъ мѣстахъ рѣдки и обслуживаютъ большіе районы, а почтовыхъ дней всего 2—3 въ недѣлю. За корреспонденціей приходится ходить верстъ за десять, а то и за пятнадцать, и тѣмъ не менѣе каждый почтовый день, еще часа за 2 до прихода почты, собирается большая толпа, которую не можетъ вмѣстить тѣсное помѣщеніе почтового отдѣленія. Тутъ и старики, и бабы съ дѣтьми, и подростки, изрѣдка попадаются телѣги, но въ большинствѣ „прибігають пішки“. Располагаются группами, и начинаются оживленные разговоры о томъ, „що у світі робиться“. Даже въ разгаръ полевыхъ работъ собиралось много народу, большею частью „московки“,—жены запасныхъ. Конечно, съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ письма съ войны, но интересуются очень и газетами, ожидая часто, пока кто-либо изъ публики, читающей газеты тутъ же, въ почтовомъ отдѣленіи, расскажетъ новости.

Въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ газеты запросамъ деревни? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить совершенно отрицательно: газеты не удовлетворяютъ и не могутъ удовлетворить запросовъ украинской деревни ни по содержанию, ни по языку. Наибольшимъ распространеніемъ, на-

сколько мнѣ пришлось наблюдать, пользуются „Кіевская Мысль“ и „Кіевлянинъ“ изъ мѣстныхъ и „Биржевыя Вѣдомости“ изъ столичныхъ; кое-кто изъ сельской интеллигенціи выписываетъ и „Русское Слово“, но сравнительно рѣдко. Однако, ни одна изъ этихъ газетъ для деревни не подходитъ ни для ознакомленія съ положеніемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, ни для освѣщенія внутренней жизни страны: военные обзоры слишкомъ загромождены географическими названіями, въ которыхъ съ трудомъ разберется и средній читатель города, не говоря о деревенскомъ; газеты эти затрагиваютъ очень много чисто интеллигентскихъ вопросовъ, которые, говоря теоретически, можетъ быть, и были бы и будутъ когда-нибудь полезны деревнѣ, но сейчасъ не разрѣшаютъ ея насущнѣйшихъ вопросовъ, а большинство и вовсе не касаются; они слишкомъ громоздки по количеству матеріала: такъ, чтобы прочесть двѣ-три газеты одновременно (при полученіи почты 2—3 раза въ недѣлю), требуется громадное количество времени, котораго не могутъ удѣлать ни только во время лѣтнихъ работъ, но и зимою; наконецъ, и самое главное: для украинской деревни мало понятенъ русскій языкъ газетъ, да еще загроможденный массой иностранныхъ словъ и оборотовъ. Въ результатѣ, фактически деревня остается безъ всякой помощи и совершенно безсильна во всемъ происходящемъ. Поэтому разные слухи такъ легко и находятъ доступъ и такъ успѣшно распространяются, потому что у деревни нѣтъ, въ сущности, критерія истинности того или другого явленія.

Безусловно, однимъ изъ главныхъ, какъ было уже сказано, препятствіемъ при чтеніи газетъ служить языкъ. Я не хочу этимъ сказать, что русскій языкъ совсѣмъ неизвѣстенъ и непонятенъ у насъ на Полтавщинѣ. Нѣтъ, формально до нѣкоторой степени его знаютъ, съ нимъ сталкиваются, усваиваютъ отдѣльныя слова и выраженія и пускаютъ ихъ въ оборотъ, но тамъ, гдѣ нужно выразить сложную мысль или понять широкую концепцію, русскій языкъ оказывается абсолютно непригоднымъ, потому что онъ чуждъ и противорѣчитъ всему обычному складу мысли и рѣчи. Поэтому даже деревенскіе щеголи, вкусившіе отъ благъ городской культуры въ роли дворниковъ или извозчиковъ, а потому въ обычное время съ нарочитымъ подчеркиваніемъ употребляющіе русскія выраженія, благодаря чему у нихъ вырабатывается какой-то дикій ломаный

украинско-русскій жаргонъ (такіе случаи попадаются въ деревнѣ), даже они переходятъ на украинскій языкъ, какъ только является необходимость высказаться серьезно.

Мнѣ могутъ возразить, что низшая школа должна дать знаніе русскаго языка. Это невѣрно: русская народная школа на Украинѣ не можетъ научить русскому языку, такъ какъ онъ чуждъ для среды, въ которой живутъ дѣти, въ обыденной жизни обходящіяся всегда украинскимъ, онъ остается полупонятнымъ, и благодаря этому школа не вноситъ культуры, а воспитываетъ поверхностное двуязычіе на то время, пока дѣти посѣщаютъ школу, чтобы потомъ, по окончаніи ея, благополучно перейти къ обычному своему языку—украинскому. Благодаря этому двуязычію дѣти не получаютъ даже того немногаго, что даетъ низшая школа на родномъ языкѣ другимъ національностямъ. Автору этихъ строкъ приходилось много разъ имѣть дѣло съ лучшими учениками изъ выпусковъ земскихъ школъ, которые не умѣли передать связно по-русски мало-мальски сложную мысль, а иногда даже просто содержаніе небольшой статьи, производили впечатлѣніе дѣтей неспособныхъ и даже недоразвитыхъ; тогда какъ по-украински рассказывали то же бойко и сознательно. И это еще немедленно по окончаніи школы, а чѣмъ дальше отъ нея отходили, тѣмъ больше среда и повседневная жизнь стирали все приобрѣтенное въ школѣ.

Эта чуждость русскаго языка не менѣе замѣтна и у взрослыхъ и очень часто, прочитавъ или прослушавъ газетныя новости, крестьянинъ спрашиваетъ при удобномъ случаѣ:

„Ну, що пишуть у газетахъ?“—„Та вы ж читали“. „Читавъ (или „чув, як читали), та не дуже добрав“ или же совсѣмъ „не добрав“.

Въ какой мѣрѣ непривыченъ для украинскаго села настоящій русскій языкъ, свидѣтельствуетъ одинъ комичный, но во многихъ отношеніяхъ характерный фактъ, имѣвшій мѣсто лѣтомъ нынѣшняго года въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Московская городская управа выслала на лѣто въ Золотоношскій уѣздъ 5 дѣтскихъ колоній (учащихся въ городскихъ училищахъ), между прочимъ одну изъ нихъ въ хут. Рѣшотки.

Здѣсь лицамъ, стоящимъ во главѣ колоніи, пришлось столкнуться съ многочисленными затрудненіями, такъ какъ

мѣстные крестьяне не понимали ихъ и не хотѣли имѣть никакого дѣла, принимая ихъ... за австрійскихъ шпіоновъ. Однажды, возвращаясь пѣшкомъ съ тяжелыми покупками изъ сосѣдняго уѣзднаго городка, двѣ изъ руководительницъ этой колоніи, очень утомленные, рѣшили переночевать въ дорогѣ у крестьянъ ближайшей деревни. Сначала ихъ никто не пускалъ въ избу, когда же удалось убѣдить одну женщину, что онѣ люди не опасные, а просто выбившіеся изъ силъ, имъ позволили войти, но пріѣхавшій вскорѣ хозяинъ избы потребовалъ у нихъ паспорта: „Богъ зна, що вы за люди“. По счастью, у одной изъ путешественницъ паспортъ оказался, хозяинъ спряталъ его у себя и разрѣшилъ остаться. Но когда на другое утро онѣ проснулись, то оказалось, что и хозяинъ избы и его мать сидѣли около спящихъ, сторожа всю ночь, „щобъ вони хати не спалили, бо бува австріячки“. А потомъ объясняли причину своихъ сомнѣній: „кажуть усе шпіоны блукають, а вони балакають чудно, не по-нашому и добрать не можно, що воно“.

Только вмѣшательство сосѣдней земской учительницы и увѣренія самихъ колонистовъ, что они „кацапы“, а не австрійцы, уладили мало-по-малу дѣло.

Приводя эти факты, я далека отъ мысли доказывать необходимость обученія въ украинскихъ школахъ на украинскомъ языкѣ, считая эту истину давно и основательно доказанной и научной педагогикой, и повседневной практикой, истинной, не вошедшей въ жизнь только благодаря старому взгляду на угнетенные національности и ихъ языкъ да упорному противодѣйствію реакціонно настроенныхъ круговъ, давящаго въ школѣ, не только „инородческой“, но и своей собственной, великорусской, всякую живую мысль.

Мы переживаемъ сейчасъ тяжелый моментъ, и много вопросовъ первостепенной важности стало передъ страной. Деревня не можетъ и не должна стоять въ сторонѣ, ничего не зная, не отдавая себѣ яснаго отчета во всемъ происходящемъ и пробавляясь легендами да случайными обрывками, брошенными кѣмъ-либо. Въ послѣдній годъ много писали и говорили объ отрезвленіи деревни, мобилизації общественныхъ силъ и т. п.

Несомнѣнно, всѣ эти вопросы важны и неотложны для народной жизни, но ни одна изъ этихъ задачъ не можетъ

быть осуществлена на почвѣ прежняго игнорирования нуждъ деревни. Пора сойти съ мертвой точки, открывъ, наконецъ, дорогу культурѣ въ понятной для народа формѣ и на понятномъ для него языкѣ, пора удовлетворить тѣмъ вопросамъ, которые волнуютъ деревню. Ни отрезвленіе, ни организации общественныхъ силъ не мыслимы на основѣ стараго игнорирования интересовъ національности, такъ какъ только путемъ широкаго культурнаго подъема населенія,—подъема, мыслимаго лишь въ атмосферѣ школы на родномъ языкѣ и такой же прессы, знакомящей деревню со всѣми очередными задачами момента. Безъ этого всякія начинанія роковымъ образомъ лопнуть какъ мыльный пузырь, не оставивъ никакого слѣда.

Война, какъ уже было сказано, всколыхнула до дна украинскую деревню, выдвинула массу новыхъ вопросовъ и интересовъ, которые въ данныхъ условіяхъ совершенно не разрѣшаются, но удовлетвореніе которыхъ необходимо. Однимъ изъ способовъ, наиболѣе надежныхъ, будетъ распространеніе украинской научно-популярной литературы и прессы.

Для деревни сейчасъ необходима украинская газета, приспособленная къ ея интересамъ и нуждамъ, не слишкомъ громоздкая, но касающаяся всѣхъ основныхъ вопросовъ войны и внутренней жизни страны, газета, которая могла бы дать представленіе по крайней мѣрѣ объ основномъ и существеннѣйшемъ. Иначе, какъ уже и есть въ дѣйствительности, подъ видомъ этихъ отвѣтовъ ползутъ глухіе, очень часто клеветнические слухи, распространяются челоуѣконенавистнические лозунги, разжигаются подозрительность и недовѣріе, съ которыми нужно серьезно считаться. А такъ какъ нѣтъ силы, которая могла бы дать отпоръ всему этому, вокругъ которой могла бы организоваться дезорганизованная масса, гдѣ могла бы найти разрѣшеніе мятущаяся, сбитаая съ привычныхъ позицій мысль, то недовѣріе и подозрительность выливаются иногда въ неожиданныя и малообъяснимыя формы, захватывающія разныя области жизни. Такъ, напримѣръ, когда лѣтомъ нынѣшняго года въ приднѣпровскихъ уѣздахъ Полтавщины вспыхнула холера, населеніе отнеслось къ врачамъ очень недовѣрчиво, даже къ старымъ, давно извѣстнымъ и пользующимся вообще довѣріемъ. Упорно говорили о томъ, что „доктора трують людей“, скрывали больныхъ, обра-

щались къ знахарямъ или лѣчились „ардемаломъ“ (денатурированный спиртъ), а если и шли въ больницу, то отказывались принимать лѣкарства или требовали, чтобы врачъ принялъ ихъ раньше самъ для доказательства, что это не ядъ. И это не единичный фактъ, а массовое явленіе и поэтому очень показательное.

Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сложные вопросы станутъ передъ деревней, тѣмъ болѣе сознательности и организованности необходимо для ихъ разрѣшенія, и поэтому тѣмъ болѣе необходима народная украинская литература. Деревня ждетъ, и ея запросы нужно удовлетворить возможно скорѣе.

Н. Ядій.

Наказы украинскихъ городовъ въ 1767 году.

Города Малороссійской губерніи.

I. Политическія судьбы Украины въ XVIII вѣкѣ и значеніе наказовъ 1767 г.

Екатерининское царствованіе—весьма тяжелый моментъ въ исторической жизни украинскаго народа—печальное время окончательнаго крушенія его самостоятельности и превращенія Украины въ одну изъ губерній Россійской имперіи. Императорское правительство въ теченіе всего 18 вѣка сознательно стремилось къ полному уничтоженію автономнаго строя на Украинѣ, и съ этой стороны даже возстановленіе гетманства въ лицѣ Даниіла Апостола и Кирилла Разумовскаго нисколько не противорѣчило общему тону и направленію политики русскаго правительства. Гетманы 18 вѣка далеки отъ гетмановъ 17 вѣка. Это—не представители политической самостоятельности украинскаго періода, это—только ставленники правительства, орудіе, съ помощью котораго оно могло активнѣе осуществлять свою централистическую политику.

Поставленные подъ ближайшій контроль правительственныхъ агентовъ они, обладая весьма незначительной долей власти, не могли свободно пользоваться ею даже въ этомъ значительно уменьшенномъ объемѣ. Съ этой точки зрѣнія отміѣна гетманства и превращеніе Украины въ Малороссійскую губернію подъ управленіемъ генераль-губернатора, измѣняло радикально государственно-правовое положеніе Украины, но ничего не вносило новаго въ ея фактическое положеніе. И все-таки учрежденіе генераль-губернаторства на Украинѣ—политическій фактъ первостепенной важности. Какъ никакъ, до эпохи Екатерины II, Украина мыслилась, какъ нѣчто особое по отношенію къ великороссійскимъ

губерніямъ. И сама Екатерина II въ „Наставленіи малороссійскому генераль-губернатору“ признавала, „что состояніе вашей (Румянцева) губерніи отъ другихъ весьма разнствуєтъ“. И этихъ особенностей, по мнѣнію Екатерины, было не мало. Ими считались вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройство, несообразное смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ, отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происходящія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привилегій и вольностей узаконеніе, а настоящихъ частое и великое злоупотребленіе; весьма вредное, какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлю и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ великороссіянъ ненависть“... На всѣ эти особенности вновь назначенный генераль-губернаторъ долженъ былъ обратить особое вниманіе. Отсюда становится яснымъ, что обязанности новаго генераль-губернатора заключались въ уничтоженіи этихъ разностей и приведеніи въ порядокъ внутренняго состоянія Украины въ смыслѣ сближенія ея порядковъ съ великороссійскими. Инструкція новому генераль-губернатору вся проникнута вѣрой во всемогущество центральной власти и ея возможности направить историческую жизнь народа въ то русло, какое правительство сочтетъ для себя наиболее удобнымъ. Генераль-губернаторъ, благодаря этому, превращается въ „недремлющее око“, которое слѣдитъ за правильнымъ функціонированіемъ народнаго организма, „чтобы всѣ и каждый по званію своему исполнялъ съ возможнымъ радѣніемъ свою должность“ (П. С. З. XVI, № 12137).

И Румянцевъ въ точности выполнилъ данную ему инструкцію и создавалъ по всей Украинѣ атмосферу скрытаго недовольства, которое было готово, при первой возможности, вырваться наружу и воочію убѣдить правительство, что его централистическая политика не встрѣчаетъ сочувствія въ руководящихъ классахъ украинскаго общества. Для выраженія скрытаго недовольства скоро нашелся подходящий моментъ: это выборы въ законодательную комиссію 1761 г. Правительство Екатерины II не могло не привлечь Украину къ участию въ выборахъ въ обще-русскую законодательную комиссію, разъ уже по общему характеру правительственныхъ распоряженій Украина—Малороссійская губ., только часть

Россійской имперіи и не обладаетъ никакими учрежденіями, отдѣльными отъ обще-имперскихъ. Къ участию въ выборахъ были привлечены дворянство и города. Выборъ депутатовъ производился по тому же обряду, какой былъ опубликованъ вмѣстѣ съ манифестомъ отъ 14 декабря 1766 года объ учрежденіи въ Москвѣ комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. Правительство не пожелало посчитаться съ нѣкоторыми особенностями состава украинскаго общества, чѣмъ еще сильнѣе подчеркнуло сущность и цѣль своей внутренней политики по отношенію къ Украинѣ.

Избранные депутаты должны были привезти съ собой указы отъ своихъ избирателей съ изложеніемъ своихъ нуждъ и пожеланій. Эти указы несомнѣнно первостепенный по важности источникъ, и не мало изслѣдователей обратило на нихъ свое ученое вниманіе. По мнѣнію изслѣдователей, эти указы превосходно знакомятъ съ настроеніемъ и понятіями тогдашнихъ сословныхъ группъ. Съ такой характеристикой наказовъ можно согласиться только по отношенію къ великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ на выборы никто не оказывалъ никакого давленія. Но едва ли это будетъ правильно по отношенію къ наказамъ отъ украинскаго общества, и едва ли ихъ можно считать памятникомъ, отражающимъ дѣйствительное настроеніе украинскаго общества. Правительство придавало большое значеніе украинскимъ наказамъ и приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы въ нихъ не попали нежелательныя для него просьбы. Точно такъ же и выборъ депутатовъ не всегда былъ свободнымъ: неугодныхъ Румянцеву лицъ, конечно, выбрать не могли. Поэтому, избиратели не могли сказать того, о чемъ они думали, а главное, не могли открыто коснуться переживаемого ими политическаго момента, высказать свое дѣйствительное отношеніе къ проводимой правительствомъ Екатерины II политикѣ. Изслѣдователи шляхетскихъ наказовъ уже обратили вниманіе на политическую безыдейность ихъ нуждъ и желаній, на полное молчаніе по вопросу, который былъ близокъ всѣмъ и на который каждый болѣзненно реагировалъ внутри самого себя. Приходилось о существенномъ или совсѣмъ молчать, или говорить весьма осторожно, намеками отражая свои дѣйствительныя чувства и настроенія въ томъ случаѣ, когда затрагивались важные политическіе вопросы. То же слѣдуетъ имѣть въ виду и при изученіи наказовъ отъ украинскихъ городовъ, ибо языкъ городскихъ избирателей такъ же былъ

связанъ, какъ и языкъ шляхетскихъ избирателей. Все сказанное говоритъ о неполнотѣ содержанія наказовъ, о нѣкоторой ихъ односторонности, но нисколько не уменьшаетъ ихъ исторической цѣнности. Они даютъ массу матеріала для характеристики жизни украинскаго общества и косвенно знакомятъ и съ его политическимъ міровоззрѣніемъ, въ которомъ можно отмѣтить его дѣйствительное отношеніе къ вопросу о взаимоотношеніяхъ Украины къ Россіи.

II. Юридическое положеніе городовъ и составъ городского общества *).

На основаніи манифеста отъ 14 декабря 1766 г. и приложеннаго къ нему обряда о выборахъ, малороссійскіе города должны были прежде всего избрать изъ своей среды своего представителя „городского голову“. Избраніе послѣдняго было нежелательной новостью для большинства украинскихъ городовъ, пользовавшихся самоуправленіемъ на основаніи „магдебургскаго права“ и имѣвшихъ „войта“ своимъ представителемъ и защитникомъ городскихъ интересовъ. Изъ городовъ Украины Переяславль получилъ самоуправленіе еще въ эпоху польскаго владычества и добился подтвержденія „прежнихъ правъ и привилегій“ въ 1660 г. ¹⁾. Полтава также стала „магдебургіей“ еще въ польскую эпоху и неизмѣнно сохраняла его въ теченіе всего XVIII вѣка, получивъ подтвержденіе его въ 1750 г. универсаломъ Кирилла Разумовскаго, опубликованнымъ „по общественному всѣхъ гражданъ прошенію“ ²⁾. Городъ Нѣжинъ получилъ магдебургское право въ 1624 г., которое впоследствии подтверждалось грамотами Алексѣя Михайловича, Петра I, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Подтвержденіе не носило временнаго характера и давалось „на вѣчность“ ³⁾.

Располагалъ магдебургскимъ правомъ и городъ Новгородъ-Сѣверскъ, но въ то же время послѣднее совершенно не функционировало ⁴⁾, хотя и было возстановлено въ 1752 г.

*) Городскіе указы изданы въ 144 т. Сб. Р. Ист. Об.

¹⁾ Сбор. стр. 7.

²⁾ Сбор. стр. 15.

³⁾ Сбор. стр. 22.

⁴⁾ Сбор. стр. 66.

въ гетманство Разумовскаго ⁵⁾). Городъ Погаръ получилъ самоуправленіе еще до эпохи Хмельницкаго, которое было утверждено при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1666 г. ⁶⁾). Точно также въ 1666 г. и стародубскимъ мѣщанамъ было утверждено „стародавнее ихъ право и вольности“ ⁷⁾). Тогда же города Остеръ и Козелець ⁸⁾ стали „упривиліюванные правомъ“ ⁹⁾). Магдебургія Чернигова, учрежденная еще при Сигизмундѣ III и подтвержденная его преемниками, была закрѣплена грамотой Алексѣя Михайловича въ 1655 г. и неоднократно подтверждалась при его преемникахъ ¹⁰⁾). Наконецъ, въ Глуховѣ не было магдебургіи, и онъ управлялся однимъ сотеннымъ управленіемъ ¹¹⁾).

Такимъ образомъ, только въ одномъ Глуховѣ не было введено самоуправленіе. Насколько послѣднее было дѣйствительно и какая судьба постигла ранѣе утвержденныя высочайшія грамоты, объ этомъ, на основаніи наказовъ, придется сказать ниже.

Къ городскому обществу въ Украинѣ относились всѣ тѣ же городскіе обыватели, которые владѣютъ въ городѣ какой-либо недвижимой собственностью или занимаются какимъ-либо промысломъ и ремесломъ ¹²⁾). Такъ опредѣлилъ принадлежность къ городскому обществу наказъ отъ нѣжинскаго магистрата и мѣщанъ, и такое опредѣленіе совершенно соотвѣтствуетъ сущности магдебургскаго права. И другіе указы причисляютъ къ городскому обществу всѣхъ лицъ, имѣющихъ съ городомъ имущественныя или экономическія связи. Словомъ, въ представленіи составителей наказовъ городъ считается всесловнымъ юридическимъ лицомъ. Другое дѣло, насколько эта всесловность была дѣйствительна въ жизни самого города; не была ли она пустымъ звукомъ, объ этомъ скажутъ сами составители наказовъ.

Составъ городскихъ избирателей, конечно, одинаковъ во всѣхъ городахъ. Но количественное отношеніе между отдѣльными разрядами сильно варьировалось по отдѣльнымъ

⁵⁾ Сбор. стр. 69.

⁶⁾ Сбор. стр. 76.

⁷⁾ Сбор. стр. 87.

⁸⁾ Сбор. стр. 101.

⁹⁾ Сбор. стр. 111.

¹⁰⁾ Сбор. стр. 121.

¹¹⁾ Сбор. стр. 130.

¹²⁾ Сбор. стр. 23.

городамъ, что, очевидно, зависѣло отъ его хозяйственной структуры. Въ числѣ избирателей находимъ: а) городскую администрацію въ лицѣ: войта, бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ и писаря; б) городскихъ обывателей въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. мѣщанъ; с) домовладѣльцевъ-шляхтичей изъ казацкой старшины; d) домовладѣльцевъ-казаковъ; е) цеховыхъ ремесленниковъ; j) иностранцевъ, живущихъ постоянно въ городѣ; g) аптекарей ¹³⁾. Наказы не даютъ никакихъ указаній на участіе въ городскихъ выборахъ духовенства, которое по духу магдебургскаго права не было причислено къ городскому обществу, а потому не принимало никакого участія и въ избраніи депутатовъ. Основываясь на подписяхъ подъ депутатскими наказами, составъ избирателей по городамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ пограничномъ Переяславлѣ принимали участіе въ выборахъ: шляхетство, магистратскіе урядники, мѣщане и казаки, причемъ наиболѣе многочисленной группой были казаки, что зависѣло отъ пограничнаго мѣстоположенія города ¹⁴⁾. Участниками избирательнаго собранія въ Полтавѣ были: шляхетство, магистратскіе урядники, мѣщане, казаки, цеховые, лекаря и аптекарь-иностранецъ ¹⁵⁾. Казачество въ Полтавѣ не составляло столь многочисленной группы, какъ въ Переяславлѣ. Составъ нѣжинскаго избирательнаго схода составилъ изъ магистратскихъ чиновъ и мѣщанства, шляхетства и казаковъ, великороссійскихъ купцовъ и греческаго купеческаго братства. Такая пестрота избирательнаго собранія опредѣлилась своеобразной экономической фیزیоміей города ¹⁶⁾. Въ Новгородѣ-Сѣверскѣ на избирательное собраніе явились: магистратскіе чины и мѣщане. Подъ наказомъ нѣтъ въ одно; подписи отъ шляхетства и казачества ¹⁷⁾. Очевидно, г. Новгородѣ-Сѣверскѣ имѣлъ довольно рѣзко выраженную сословную фیزیомію. И въ Погарѣ участниками избирательнаго съѣзда были магистратскіе чины и мѣщане ¹⁸⁾. Эти же общественныя группы занимали первое мѣсто и

¹³⁾ Сбор. стр. 4—5, 20—21; 40—41; 45, 55, 63, 67, 68, 75, 96—97 109 116—117, 118—119, 128—129.

¹⁴⁾ Сбор. стр. 4—5.

¹⁵⁾ Сбор. стр. 20—21.

¹⁶⁾ Сбор. стр. 40—41, 45, 55, 63.

¹⁷⁾ Сбор. стр. 67—68.

¹⁸⁾ Сбор. стр. 75.

¹⁹⁾ Сбор. стр. 96—97.

на стародубскомъ избирательномъ съѣздѣ съ присоединеніемъ небольшой группы отъ казачества и шляхетства ¹⁹⁾. Въ Острѣ доминирующее положеніе заняли казаки ²⁰⁾. Въ Козельцѣ на первомъ мѣстѣ стояло шляхетство, потомъ мѣщане, далѣе казаки, магистратскіе чины и цехмистры ²¹⁾. Въ Черниговѣ мѣщане съ магистратскими чинами занимали первое мѣсто. Остальныя общественныя группы были представлены слабо ²²⁾. И, наконецъ, въ Глуховѣ, рѣшительно преобладала казацкая старшина, среди которой терялась небольшая группа мѣщанъ ²³⁾.

III. Городскіе выборы.

Городскіе выборы происходили не въ одинъ срокъ, съ конца марта до половины мая, хотя, къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ наказахъ отмѣчается время избранія депутата. Партийный составъ на избирательныхъ съѣздахъ сказался прежде всего въ избраніи предсѣдателя собранія: городского головы. Въ Переяславлѣ преобладавшее казачество и шляхетство провели войскового канцеляриста. Едва ли послѣдній не былъ ставленникомъ военной демократіи. Въ Полтавѣ шляхетско-казацкое большинство провело въ головы подкоморія полтавскаго повѣта. Въ городѣ Нѣжинѣ взялъ верхъ казацко-шляхетскій-великороссійскій блокъ и избралъ головой подкоморія нѣжинскаго повѣта. Въ Новгородѣ-Сѣверскѣ головой былъ избранъ мѣстный бурмистръ. Мѣщанинъ былъ избранъ въ городскіе головы и въ Погарахъ. Мѣщанинъ-бурмистръ попалъ въ городскіе головы въ Стародубѣ. Но въ Острѣ казаки провели своего сотника. Въ Козельцѣ шляхетство избрало головой полкового судью. Въ Черниговѣ мѣщанское большинство провело своего челоуѣка—мѣстнаго бурмистра. Наконецъ, въ Глуховѣ доминировавшее на выборахъ шляхетство избрало головой земскаго судью. Выборы головъ, конечно, имѣли огромное принципиальное значеніе такъ какъ ими опредѣлялось сословное происхожденіе депутата въ комиссію 1767 года.

Дѣйствительно, отъ Переяславля оказался избраннымъ

¹⁹⁾ Сбор. стр. 11—19. гилляхъ 7, казаковъ 28, магистр. чиновъ 7, мѣщанъ 16.

²¹⁾ Сбор. стр. 116—117 гилляхъ 25, казаковъ 8, магистр. чиновъ. 3, мѣщанъ 20.

²²⁾ Сбор. стр. 118—119.

²³⁾ Сбор. стр. 128—129.

депутатомъ атаманъ значковыхъ товарищей—Сергѣй Созоновичъ ²⁴⁾. Полтава, по всей вѣроятности, тоже послала шляхтича. Отъ Нѣжина депутатомъ былъ избранъ магистратскій писарь—Иванъ Костевичъ. ²⁵⁾ Новгородъ-Сѣверскъ послалъ депутатомъ своего бургомистра Ивана Михайловскаго ²⁶⁾ Погаръ избралъ своимъ представителемъ магистратскаго урядника—Ивана Гробаря ²⁷⁾. Мѣщанское большинство въ Стародубѣ вручило депутатскія полномочія своему бурмистру—Данилѣ Рачинскому ²⁸⁾. Въ Острѣ казацкое большинство избрало депутатомъ сотеннаго остерскаго писаря—Ивана Пенскаго ²⁹⁾. Въ Козельцѣ шляхетство избрало члена „полковой канцеляріи и городского суда, полкового писаря“—Семена Катеринича ³⁰⁾. Въ Черниговѣ, какъ и слѣдовало ожидать, мѣщанство проводить въ депутаты городского бурмистра—Ивана Крутепа ³¹⁾. И наконецъ въ Глуховѣ—шляхетство послало въ Москву депутатомъ „генеральнаго эсаула“—Ивана Скоропадскаго ³²⁾.

Намъ неизвѣстна точно численность лицъ, принимавшихъ участіе въ выборахъ въ комиссію 1767 года, но, судя по количеству подписей подъ наказами, можно сказать, что городское общество отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ выборамъ. Разумѣется, иного отношенія и быть не могло. Отличавшееся большой политической развитостью, городское общество прекрасно учитывало значеніе переживаемаго политическаго момента, превосходно ориентировалось во всѣхъ развѣтвленіяхъ русской политики и, конечно, считало необходимымъ громко высказать свое мнѣніе, хотя бы даже въ урѣзанномъ видѣ и эзоповскимъ языкомъ, что бы ввести въ заблужденіе недреманное око русскаго правительства, въ лицѣ малороссійскаго генераль-губернатора.

IV. Общая характеристика городскихъ наказовъ.

При чтеніи малороссійскихъ челобитныхъ и наказовъ непріятно бросается въ глаза витіеватость рѣчи и нѣкото-

²⁴⁾ Сбор. стр. 3.

²⁵⁾ Сбор. стр. 21.

²⁶⁾ Сбор. стр. 84.

²⁷⁾ Сбор. стр. 74.

²⁸⁾ Сбор. стр. 86.

²⁹⁾ Сбор. стр. 109.

³⁰⁾ Сбор. стр. 116.

³¹⁾ Сбор. стр. 118.

³²⁾ Сбор. стр. 128.

рая раболѣпность, самоуничженіе. Однако этому тону не надо придавать большого значенія. Это официальное обращеніе, быть можетъ даже продиктованное со стороны, давало возможность, подъ видомъ грубой лести, сказать дѣйствительную правду, свои настоящія политическія убѣжденія; подать „просьбы объ общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ, дабы каждый и всѣ вообще могли пользоваться правосудіемъ и благоденствіемъ“ ³³⁾), какъ писали въ челобитной Переяславскіе избиратели. Полтавскіе избиратели привѣтствуютъ Екатерину по случаю избранія депутатовъ въ комиссію 1767 г. и „съ достодолжною рабскою благодарностью“ молятъ Бога „о благополучномъ долготлѣтнемъ царствованіи“ ³⁴⁾. Составители Нѣжинскаго наказа выражали увѣренность, „что Богомъ освященная и духомъ премудрости Его исполненная все пресвѣтлѣйшая Императрица... милосердная мати отечества“ будетъ имѣть „неустанное попеченіе о пользѣ и благоденствіи вѣрноподданныхъ“ ³⁵⁾. Жители Новгорода-Сѣверска, видя въ политикѣ Екатерины „высокоматеринское о общемъ благѣ неутомленное сердобольнѣйшее стремленіе, избавляющее отъ очевидной народагибели“, выражаютъ твердую увѣренность, что „во всекрайнѣйшихъ нашихъ нуждахъ и недостаткахъ отъ высочайшаго помилованія оставлены не будутъ“, и потому „съ благоговѣніемъ передаютъ свое челобитіе“ къ „освященнымъ рукамъ“ Ея Им. Величества ³⁶⁾. Погарскіе избиратели поютъ лестный дифирамбъ Екатерининскому манифесту по случаю вступленія на престолъ и, желаютъ видѣть „пользу и благосостояніе всероссійскаго народа“ подъ премудрымъ управленіемъ государыни, а потому „вѣрноподданные рабы“ твердо убѣждены „что и въ нашихъ нуждахъ отъ высочайшаго помилованія оставлены не будемъ“ ³⁷⁾. Стародубскіе избиратели, преисполненные самой тонкою лести по отношенію къ Екатеринѣ II, ревнуя о „общемъ благѣ“ представляютъ „всесмиреннѣйше и всеподданнѣйше о нуждахъ и недостаткахъ общихъ всего государства“ ³⁸⁾. Жители Остра приносятъ Екатеринѣ

³³⁾ Сбор. стр. 3.

³⁴⁾ Сбор. стр. 14.

³⁵⁾ Сбор. стр. 22.

³⁶⁾ Сбор. стр. 64.

³⁷⁾ Сбор. стр. 74.

³⁸⁾ Сбор. стр. 99.

„вѣрными нашими сердцами рабскую благодарность“ и просить „отъ высокомонаршей Вашего Императорск. Велич. матерней милости пожаловать не оставить“³⁹⁾. Избиратели отъ Козельца принося „рабскую благодарность“, просятъ государыню удостоить „всемиловѣйшимъ въ сихъ нашихъ прошеніяхъ, и рѣшеніяхъ на безконечное сіяніе матернихъ Вашихъ милостей“⁴⁰⁾. Черниговскіе избиратели, исполняя „съ радостью“ Высочайшее повелѣніе объ избраніи депутата и о заявленіяхъ черезъ депутата о своихъ нуждахъ недостаткахъ и отягощеніяхъ, осмѣливаются „свою освященную государыню“ утруждать всеподданнѣйшею просьбой“⁴¹⁾. Глуховскіе граждане, очень довольны тѣмъ, что манифестъ отъ 14 д. 1767 г. о созывѣ комиссій, „сдѣлалъ и насъ участниками таковой матерней къ подданнымъ довѣренности“, и выражаютъ увѣренность, что И. В. „самодержавною отъ Бога данной—властью и по особливому щедрому матернему милосердію своему“ положить „твердое основаніе покоя и благоденствія здѣшнихъ жителей“⁴²⁾.

Таковъ тонъ официальныхъ челобитенъ. Однако сквозь толщу лести и риторическихъ фразъ—можно отмѣтить одну общую мысль, которая свойственна всѣмъ челобитнымъ и наказамъ и которая наиболѣе отчетливо выражена въ челобитной отъ Чернигова, именно, что утвержденіемъ прежнихъ свободъ и земель можно прежде всего „блаженство возстановить, и тогда многими годами утѣсняемый народъ въ нынѣшнее благословенное время отраду всѣхъ своихъ злосключеніи восприметъ на вѣчное Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества имени прославленіе“⁴³⁾. Другими словами, возвращеніе Украинѣ ея автономіи единственное средство для достиженія „блаженства всѣхъ и каждаго“. Это политическое требованіе, выраженное очень осторожно, является лейтъ-мотивомъ всѣхъ челобитныхъ и наказовъ отъ украинскихъ городовъ. Городское общество во всякомъ случаѣ не оказалось аполитичнымъ и сумѣло все-таки сказать то, что всякій гражданинъ чувствовалъ и переживалъ въ своей душѣ.

³⁹⁾ Сбор. стр. 99. 109.

⁴⁰⁾ Сбор. стр. 110, 116.

⁴¹⁾ Сбор. стр. 118.

⁴²⁾ Сбор. стр. 128.

⁴³⁾ Сбор. стр. 118.

Избиратели депутатовъ и составители наказовъ возлагаютъ большія надежды на своего представителя. Переяславскіе граждане въ своемъ обращеніи къ депутату не сомнѣваются, что послѣдній „во всякомъ дѣлѣ, которое... предложено будетъ“ станетъ „стараться по всей возможности государственной и отечества вашего пользѣ“⁴⁴⁾. Нѣжинскіе избиратели выражаютъ „надежду, что депутатъ“ какъ честный согражданинъ въ томъ дѣлѣ, какое ему довѣряется, будетъ „усердствовать государственной и всѣхъ согражданъ пользѣ“⁴⁵⁾. Аналогичную мысль высказываетъ и Новгородъ-Сѣверскій наказъ⁴⁶⁾.

Наказъ отъ города Погаръ даетъ своему депутату полномочіе „о общественныхъ же нуждахъ и недостаткахъ... подавать прошеніе и... просить высокомоушней милости“⁴⁷⁾. Стародубскому представителю поручается представить ихъ наказъ въ сенатъ и какъ стародубскому гражданину „всеобщей нашей гражданской пользѣ“... конfirmaціи всеподданнѣйше просить⁴⁸⁾. Жители Остра поручаютъ своему депутату добиваться рѣшенія на поданное имъ челобитіе⁴⁹⁾. Козелецкіе избиратели, возлагая большую надежду „на безконечное сіяніе матерней милости“, исходящей отъ государыни, однако, поручаютъ своему депутату добиваться соотвѣтствующаго рѣшенія на ихъ челобитную⁵⁰⁾. Черниговскіе избиратели выражаютъ полное довѣріе своему депутату словами Нѣжинскаго и Стародубскаго наказа⁵¹⁾. Глуховскіе избиратели предоставляютъ своему представителю полномочіе и довѣренность для защиты пожеланій, высказанныхъ въ Глуховскомъ наказѣ⁵²⁾.

Наказы отъ украинскихъ городовъ очень опредѣленны по своему характеру. Составители ихъ прекрасно знали, къ чему они стремились, и свои пожеланія, соединенныя съ надеждой на милость государыни, выразили въ довольно опредѣленной и категорической формѣ. По существу, укра-

⁴⁴⁾ Сбор. стр. 7.

⁴⁵⁾ Сбор. стр. 22.

⁴⁶⁾ Сбор. стр. 68.

⁴⁷⁾ Сбор. стр. 76.

⁴⁸⁾ Сбор. стр. 94.

⁴⁹⁾ Сбор. стр. 109.

⁵⁰⁾ Сбор. стр. 116.

⁵¹⁾ Сбор. стр. 120.

⁵²⁾ Сбор. стр. 130.

инскіе городскіе наказы—рѣзкіе обвинительные акты противъ русскаго правительства, безцеремонно нарушавшаго привилегіи, дарованныя Высочайшей властью и приведшаго Украину своей политикой въ полное разореніе и униженіе. Пожеланія наказовъ—это не только обращеніе къ материнскому сердцу государыни, отъ которой зависитъ удовлетвореніе просьбъ избирателей—это требованіе, юридически оформленное ссылками на манифесты, законы и указы, мимо которыхъ правительство, поставившее цѣлью своей политики „блаженство всѣхъ и cadaго“; казалось, пройти не могло. Въ юридической аргументаціи сила и значеніе украинскихъ наказовъ 1767 г. и отлічіе отъ наказовъ великорусскихъ городовъ. Идеалы украинскаго общества въ прошломъ. Объ этомъ прошломъ оно мечтало и возвращенія его добивалось, ибо въ прошломъ была нѣкоторая законность, которая, впрочемъ, постепенно стѣснялась и даже совсѣмъ отмѣнялась. Украинскіе городскіе наказы сравнительно бѣдны по своему содержанію. Они же выходятъ за предѣлы своихъ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ. Но въ этой узости сила ихъ, ибо они защищаютъ неприкосновенность самоуправленія и связанныхъ съ нимъ льготъ и преимуществъ.

Благодаря этому, содержаніе наказовъ исключительно политико-экономическое, ибо эта область мѣстныхъ интересовъ главнымъ образомъ и нарушалась русскимъ правительствомъ. Украинскимъ гражданамъ необходимо только возстановленіе нарушеннаго права, и тогда наступитъ дѣйствительное „блаженство всѣхъ и cadaго“.

В. Пичета.

(Окончаніе будетъ).

О томъ, что было и чего не было.

По поводу воспоминаній г. Дейча.

Подъ шумъ и грохотъ военныхъ дѣйствій прошла почти незамѣченной и неотмѣченной очень интересная страничка изъ недавняго прошлаго, имѣющая значеніе не только для историка смѣны общественныхъ настроеній въ Россіи. Имѣю въ виду воспоминанія г. Дейча, напечатанныя въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ подъ заглавіемъ „Украинская и общерусская эмиграція“. Рѣчь идетъ здѣсь собственно о Драгомановѣ и его отношеніяхъ къ русской эмиграціи того времени. Вмѣстѣ съ появившимися ранее воспоминаніями о Драгомановѣ того же автора ¹⁾, этотъ послѣдній очеркъ представляетъ попытку полной и законченной характеристики украинскаго дѣятеля, вышедшей изъ-подъ пера его тогдашняго политическаго противника. И нужно отдать г. Дейчу полную справедливость: онъ старается сохранить возможное безпристрастіе въ отзывахъ о чловѣкѣ не только чужой партіи, но и лично непріятномъ тому кружку, къ которому принадлежалъ авторъ. Но,—и это также необходимо отмѣтить,—благія намѣренія плохо удаются г. Дейчу. При видимомъ безпристрастіи и объективности, онъ изображаетъ Драгоманова въ крайне одностороннемъ освѣщеніи, что дало поводъ другому, также живому и непосредственному свидѣтелю того времени, г. Дебагорію-Мокріевичу, охарактеризовать попытку г. Дейча весьма недвусмысленными чертами. Остановившись на содержаніи воспоминаній г. Дейча, г. Дебагорій-Мокріевичъ замѣчаетъ: „Я передалъ почти все, что говорится въ очеркѣ о Драгомановѣ; и нужно признать, что говорится такъ спутанно, противорѣчиво, неясно, что характеристика получается самая

¹⁾ Л. Дейчъ. Драгомановъ въ изгнаніи. „Вѣстникъ Европы“, 1913 г., кн. X. Его же. У начала легенды, „Современный Міръ“, 1913 г., кн. XI. Его же. За рубежомъ, „Вѣстникъ Европы“, 1912 г., кн. IX.

неудачная, правильнѣе сказать—никакой; ясно только одно, что авторъ не любитъ Драгоманова¹⁾. Воспоминанія, перепущенныя сквозь призму „нелюбви“, едва ли могутъ быть безпристрастными. И уже г. Дебагорій-Мокрієвичъ очень остроумно вскрываетъ противорѣчія въ изображеніи г. Дейча, не говоря уже о цѣломъ рядѣ легендъ, не имѣющихъ основанія въ дѣйствительности, но фигурирующихъ въ воспоминаніяхъ г. Дейча въ качествѣ непреложныхъ фактовъ.

Въ особенности отмѣченная сейчасъ „нелюбовь“ автора къ предмету воспоминаній сказывается въ той ихъ части, которая касается обстановки и причинъ расхожденія Драгоманова съ частью русской эмиграціи, главнымъ образомъ, кружкомъ „чернопередѣльцевъ“, группировавшихся вокругъ гг. Дейча и Стефановича. „Нелюбовь“ доходитъ до того, что авторъ воспоминаній, говоря объ этомъ періодѣ женеvской жизни, усваиваетъ даже тонъ, едва ли приличествующій серьезнымъ вещамъ. Такъ, напримѣръ, говоря о взглядахъ Драгоманова на отношенія украинцевъ къ сосѣднимъ народамъ, г. Дейчъ излагаетъ ихъ въ такомъ черзчуръ ужъ упрощенномъ видѣ: „Въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній на разныхъ языкахъ редакторъ „Громады“ проводилъ неизмѣнно тотъ взглядъ, что всѣ безъ различія (!) выдающіеся люди, какъ поляки, такъ и русскіе, всегда обижали(!) украинцевъ тѣмъ, что не разграничивали строго этнографическую Польшу“ („Вѣстникъ Европы“, 1914, VIII, стр. 215). Сводитъ вопросъ огромной сложности къ какой-то „обидѣ“ или даже „устремленіямъ въ словесный бой“, какъ выражается г. Дейчъ въ другомъ мѣстѣ, значитъ едва ли найти приличный и соответствующій предмету разговора тонъ. И, къ сожалѣнію, это не единственный примѣръ того, какъ г. Дейчъ даже теперь плохо разбирается въ тѣхъ вопросахъ, относительно которыхъ ему хочется быть безпристрастнымъ въ прошломъ.

Причины и обстоятельства расхожденія Драгоманова съ частью русской эмиграціи г. Дейчъ изображаетъ въ слѣдующемъ видѣ. До 1880 г. отношенія были наилучшія. Драгомановъ пользовался неизмѣннымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ эмигрантской средѣ и, несмотря на „устремленія въ словесный бой“ по поводу безпрерывно якобы наносимыхъ

¹⁾ Вл. Дебагорій-Мокрієвичъ. По поводу статьи Дейча „Украинская и общерусская эмиграція“, „Украинская Жизнь“, 1915 г., II, стр. 68.

украинцамъ „обидь“, съ своей стороны служилъ даже своего рода центромъ эмигрантской колоніи, какъ человекъ, выдѣлявшійся изъ среды эмигрантовъ своимъ умомъ и всестороннимъ образованіемъ. Были, по признанію г. Дейча, лица, для которыхъ редакторъ „Громады“ являлся „несокрушимымъ авторитетомъ“, вообще играя среди эмиграціи роль, которая „мало чѣмъ отличалась“ отъ той роли, какая незадолго до этого принадлежала въ эмиграціи Бакунину или Лаврову ¹⁾. И вдругъ лѣтомъ 1880 г. буквально по способу *deus ex machina* все измѣнилось, и начертанная г. Дейчемъ идиллія исчезла безвозвратно.

Причиной этому, по словамъ г. Дейча, были успѣхи террористической борьбы народовольческой группы, которые передвинули центръ вниманія даже у такихъ противниковъ террора, какимъ былъ Драгомановъ. „Когда,—пишетъ о послѣднемъ г. Дейчъ,— по возвращеніи я снова свидѣлся съ нимъ лѣтомъ 1880 г., его отношеніе къ террору меня немало удивило: онъ также былъ тогда въ числѣ его сторонниковъ. Правда, такое отношеніе, какъ ниже увидимъ, длилось недолго, но все-же за время нашей разлуки онъ въ сильной степени полѣвѣлъ, что нужно приписать вышеизложеннымъ мною обстоятельствамъ“ (стр. 212). Этимъ „полѣвѣніемъ“ и, въ частности, новымъ отношеніемъ къ террору Драгомановъ поддерживалъ свой авторитетъ среди эмиграціи, часть которой, по словамъ г. Дейча, готова была „таять отъ умиленія и восторга“. „Но,—продолжаетъ онъ,— были среди нихъ и такіе, которымъ новая роль Драгоманова, какъ „общерусскаго политическо-террористическаго вожака“, пришлось совершенно не по вкусу“ (стр. 213). Это были, во-первыхъ, социалисты-поляки, какъ мы уже знаемъ отъ г. Дейча, имѣвшіе съ украинцами старые счеты по поводу „исторической Польши“, и, во-вторыхъ, чернопередѣльцы, на которыхъ новыя заявленія Драгоманова производили неблагоприятное впечатлѣніе, такъ какъ казались имъ неискренними и притомъ носящими „совершенно либеральный характеръ“. И вотъ послѣ обмѣна мнѣній между поляками и чернопередѣльцами „мы,—говоритъ г. Дейчъ,— тутъ же рѣшили дать Драгоманову сраженіе на этой почвѣ, т.-е. по вопросу о пріемахъ социалистической дѣятельности“ (стр. 214).

¹⁾ Л. Дейчъ. Драгомановъ въ изгнаніи, „Вѣстникъ Европы“, 1913 г. кн. X, стр. 206.

Но, прежде чѣмъ нападающіе успѣли открыть военныя дѣйствія на указанной почвѣ, сраженіе произошло по совсѣмъ иному поводу.

Одинъ изъ приверженцевъ Драгоманова, украинскій эмигрантъ изъ Галичины, недавно скончавшійся Павлыкъ, выступилъ съ рефератомъ о Галичинѣ, въ которомъ повторилъ обычныя, по мнѣнію г. Дейча, жалобы на польско-русскія „обида“ по адресу украинцевъ. „Доводы, которые онъ приводилъ въ доказательство того, что польскіе социалисты относятъ малорусскую территорію къ Польшѣ, я,—пишетъ г. Дейчъ,—конечно, теперь воспроизвести не могу, но хорошо помню, что рѣшительно никому изъ насъ они не показались особенно убѣдительными“ (стр. 215). И вотъ во время преній, когда одинъ изъ присутствовавшихъ украинцевъ высказалъ упрекъ по адресу социалистовъ на Украинѣ за то, что они ничего не дѣлаютъ для своего родного края, произошелъ неожиданный на этой почвѣ бой.

„Нельзя было оставить его рѣчь безъ возраженія,—вспоминаетъ теперь г. Дейчъ.—Сдѣлать это могли только мы трое, Стефановичъ, Бохиновскій и я, такъ какъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ собраніяхъ только мы, въ качествѣ южанъ, были знакомы съ дѣятельностью и украинофиловъ, и социалистовъ. Оба мои соварищи почти никогда не выступали на общихъ собраніяхъ, а потому я рѣшилъ взять слово, чтобы опровергнуть обвиненія, возведенныя на насъ, несправедливѣйшія, какъ намъ тогда казалось. Не помню въ точности всего, что я сказалъ въ отвѣтъ на эти обвиненія, но отъ обороны я, кажется, скоро перешелъ въ нападеніе. Считаю, что мы не останавливаемся ни передъ какими жертвами ради угнетенныхъ массъ, я постарался представить дѣятельность украинофиловъ на юго-западѣ бесполезнымъ времяпрепровожденіемъ, чуть ли не переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Я сообщилъ, какъ украинофилы по нѣсколько лѣтъ проводятъ въ обработкѣ одной буквы малороссійскаго словаря или въ собираніи и изданіи народныхъ пѣсень и поговорокъ, а если уже раскочаются написать что-нибудь для народа, то печатаютъ столь глубокомысленные рассказы, какъ „Про сіру кобилу“ или „Якъ баба Параска та купила порося“. Помню, раздался веселый и одобрителный смѣхъ, когда я привелъ аналогичныя указаннымъ иллюстраціи. Но среди украинцевъ моя рѣчь вызвала бурю негодованія“ (стр. 217—218).

Въ результатъ такого боя украинцы въ скоромъ времени прислали письмо, въ которомъ просили „болѣе не считать ихъ членами нашего общества“. „Такое рѣшеніе,—прибавляетъ г. Дейчъ,—вызвало общее изумленіе“, раздѣляемое авторомъ воспоминаній и въ настоящее время. А затѣмъ этотъ немотивированный для г. Дейча разрывъ углублялся и осложнялся литературными выступленіями Драгоманова, которыя авторъ объясняетъ исключительно „оскорбленнымъ самолюбіемъ“, „чрезмѣрною требовательностью и крайнею обидчивостью“.

Такъ изображаетъ дѣло г. Дейчъ. Если мы проанализируемъ его воспоминанія, а въ особенности проверимъ ихъ совѣщенными документами, то убѣдимся, что не въ одномъ пунктѣ память измѣнила автору, не въ одномъ отношеніи онъ даже теперь, по прошествіи 35 лѣтъ, не сумѣлъ возвыситься надъ своей прежней, кружковой, точкой зрѣнія, не въ одномъ мѣстѣ, детально излагая „то, чего не было“, умалчиваетъ о томъ, что несомнѣнно было. Въ результатъ такого отношенія автора къ передаваемымъ фактамъ могло произойти только то, что произошло: полное отсутствіе какой бы то ни было характеристики крупнаго украинскаго дѣятеля, соединенное съ чертой, уже отмѣченной въ словахъ г. Дебагорія-Мокріевича, „что авторъ не любитъ Драгоманова“. Результатъ не только скудный, но и требующій болѣе внимательнаго и объективнаго изложенія событій, о которыхъ рассказываетъ г. Дейчъ въ качествѣ свидѣтеля и очевидца.

Начну съ того, чего не было.

Не было прежде всего того измѣненія принципиальной позиціи Драгоманова по отношенію къ тактикѣ революціонныхъ кружковъ, въ особенности къ террору, о которомъ категорически и неоднократно рассказываетъ г. Дейчъ. Его рассказъ мы можемъ столь же категорически и настойчиво опровергнуть,—съ той только разницей, что вмѣсто голословныхъ утвержденій противопоставимъ г. Дейчу документальныя данныя. Неизмѣнность взглядовъ Драгоманова на этомъ именно пунктѣ ясна не только для всякаго, кто знакомъ съ общимъ отношеніемъ Драгоманова къ указаннымъ вопросамъ, но и тѣмъ болѣе для того, кто потрудится пересмотрѣть написанное Драгомановымъ именно въ періодъ времени, въ который, по утверженію г. Дейча, про-

изошло измѣненіе обычной позиціи Драгоманова. Къ 1880 г. относится цѣлый рядъ его публицистическихъ произведений¹⁾, и ни въ одномъ изъ нихъ не найдемъ подтвержденія высказанному г. Дейчемъ мнѣнію. Напротивъ, касаясь террора и объясняя его какъ явленіе въ руссійскихъ условіяхъ „совершенно законообразное“²⁾, Драгомановъ ссылается именно на свои старыя работы, въ которыхъ высказывается его отрицательное отношеніе къ террору какъ системѣ политической борьбы³⁾. Уже эти ссылки очень много говорятъ по интересующему насъ вопросу. Но, мало того, въ статьѣ „Терроризмъ и свобода“, помѣченной „3 іюня 1880 г.“, Драгомановъ не только повторяетъ свои старые аргументы противъ террора, но совершенно категорически продолжаетъ: „политическія убійства, отложивъ даже въ сторону ихъ нравственныя неудобства, имѣютъ только отрицательное значеніе: они унижаютъ правительство, но не ниспровергаютъ его, не даютъ ничего на замѣну его“ и потому, конечно, не могутъ „вывести Россію на новую дорогу“⁴⁾. Ту же позицію занималъ Драгомановъ и въ послѣдующее время. Такъ, въ 1881 г. въ одной французской брошюрѣ, давая объясненіе политическимъ убійствамъ, Драгомановъ, однако, считаетъ нужнымъ еще разъ подчеркнуть свое къ нимъ отношеніе. „Мы протестуемъ, — пишетъ онъ, — когда видимъ, что ихъ возводятъ въ доктрину, и находимъ это опаснымъ для будущности самихъ же революціонеровъ. Но еще больше протестуемъ мы противъ такихъ дѣйствій, какъ провозглашеніе поддѣльныхъ царскихъ манифестовъ, воровство въ банкѣ, нападеніе на почту и т. п. поступки, совершаемые нѣкоторыми русскими революціонерами, да еще подъ названіемъ „святого мошенничества“). И это совершенно понятно для cadaго, кто знаетъ, насколько вообще

1) Предисловіе къ „Письму Бѣлинскаго“, „Къ общественному мнѣнію всѣхъ цивилизованныхъ народовъ“, „Соловья баснями не кормятъ“, „Было бы болото, а черти будутъ“, „Терроризмъ и свобода, муравьи и корова“, „Гр. Лорисъ-Меликовъ и рабочіе“, „Нѣсколько вопросовъ проф. Ор. О. Миллеру“, „Вниманію социалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи“, предисловіе къ листку „Отъ группы социалистовъ-евреевъ“ и т. д. См. „Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова“, т. II, Paris, 1906 г.

2) Тамъ же, стр. 239.

3) Тамъ же, стр. 289, 290, 345 и др.

4) Тамъ же, стр. 301.

5) Тамъ же, стр. 346.

щепетильнымъ въ тактическихъ приемахъ всегда былъ Драгомановъ, всякое политическое дѣйствіе провѣрившій, по его собственному выраженію, „основнымъ нашимъ принципомъ: чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“¹⁾. И, наоборотъ, непонятнымъ мнѣ представляется повѣствованіе г. Дейча. Если бы во взглядахъ Драгоманова произошелъ коренной переверотъ и если бы лѣтомъ 1880 г. онъ, въ противорѣчіе своимъ прежнимъ взглядамъ, оказался вдругъ „въ числѣ сторонниковъ“ террора, то какимъ образомъ эта переменна нисколько не отразилась на печатныхъ работахъ Драгоманова? Какимъ образомъ онъ въ это же время, лѣтомъ, 3 іюня, высказываетъ печатно прямо противоположное тому, что онъ говорилъ Дейчу въ частныхъ разговорахъ? Вѣдь въ рукахъ послѣдняго, которому „новая роль Драгоманова, какъ „общерусскаго политическо-террористическаго вожака“, пришлась совершенно не по вкусу“,—эта болѣе чѣмъ наивная неискренность противника въ одномъ изъ кардинальнѣйшихъ вопросовъ современности была бы такимъ крупнымъ козыремъ, который онъ ни въ коемъ случаѣ не упустилъ бы обратить для пораженія противной стороны въ разыгравшейся вскорѣ схваткѣ. А между тѣмъ г. Дейчъ въ своей подробно излагаемой имъ рѣчи великодушно поражаетъ Драгоманова „одной буквой малороссійскаго слова“ и вызвавшимъ одобрителный смѣхъ „поросямъ“ (остроуміе этого аргумента мы оцѣнимъ впослѣдствіи) и прячетъ самое сильное оружіе, которымъ противникъ могъ быть сраженъ сразу же и наповаль. Великодушіе совершенно непонятное, граничащее съ весьма нелестнымъ для г. Дейча предположеніемъ, если бы то, о чемъ онъ рассказываетъ, дѣйствительно было. Но, очевидно, это то, чего не было.

И еще то, чего не было.

Г. Дейчъ очень сильно напираетъ на „оскорбленное самолюбіе“ Драгоманова, именно этимъ мотивомъ объясняя послѣдовавшія событія, на его желаніе играть „первенствующую роль“ среди русской эмиграціи,—роль, какъ онъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ, „общерусскаго политическо-террористическаго вожака“. Основательность утвержденій г. Дейча по поводу „терроризма“ Драгоманова мы уже видѣли. Теперь о желаніи играть „первенствующую роль“. Ци-

¹⁾ Тамъ же, стр. 290.

тированную уже статью „Терроризмъ и свобода“ Драгомановъ прямо начинается „покорнѣйшей просьбой“, обращенной къ публицистамъ „Голоса“, „выключить насъ не только изъ „русской соціально-революціонной“, но и изъ какой бы то ни было „русской“ партіи. Мы,—продолжаетъ Драгомановъ,—хотя и родились отъ подданныхъ русскаго императора, но мы не русскій ни въ какомъ изъ тѣхъ двухъ смысловъ этого слова, въ какихъ оно обычно употребляется. Мы не великорось, а укаинець и, какъ таковой, мы членъ націи, которая не только подавляется въ „русскомъ“ государствѣ, въ Россіи, и правительствомъ, а отчасти и обществомъ господствующей національности, но помѣщается и за предѣлами Россіи—въ Австро-Венгріи“ ¹⁾. И такихъ заявленій со стороны Драгоманова я могъ бы привести изъ его сочиненій буквально десятки ²⁾, ибо своимъ выступленіямъ въ качествѣ именно украинца Драгомановъ придавалъ особенное значеніе. Получается, съ позволенія г. Дейча, полная нелѣпость: съ одной стороны, стремленіе „играть роль“, а съ другой—категорическое и настойчивое отмежеваніе отъ тѣхъ, среди которыхъ эта роль настолько привлекательна, что непризнание ея хотя бы на одинъ мигъ приводить въ дѣйствіе „оскорбленное самолюбіе“. Хорошъ былъ бы такой „общерусскій вожакъ“, но хороши были бы и тѣ, кто хоть на одинъ моментъ способенъ былъ итти за такимъ оригинальнымъ „вожакомъ“! Хорошъ былъ бы, наконецъ, и самъ г. Дейчъ, который, замѣчая противорѣчія этого положенія, не воспользовался въ сраженіи столь выгодной позиціей! И опять, чтобы избѣжать далеко не лестныхъ для г. Дейча преположеній, остается принять другую возможность: очевидно, претензіи Драгоманова на первенствующую роль среди русской эмиграціи—то, чего не было.

Еще изъ той же области.

Послѣ разсказаннаго г. Дейчемъ столкновенія отношенія между украинской и русской эмиграціей начали все болѣе и болѣе запутываться. Причиной этого послужили, во-первыхъ, нѣкоторыя статьи Драгоманова, появившіяся въ то время („Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale“ въ „Revue Socialiste“, брошюра „Le

¹⁾ Тамъ же, стр. 287.

²⁾ См., напр., тамъ же, стр. 346, 347, 425 и др., не говоря уже объ украинскихъ статьяхъ Драгоманова, письмахъ, автобіографіи и т. д.

tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale“ и статья „Обаятельность энергіи“), и, во-вторыхъ, участіе Драгоманова въ „Вольномъ Словѣ“. Содержанія названныхъ статей г. Дейчъ не излагаетъ, а о второй заявляетъ даже, что не помнить ея содержанія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему помнить объ „огромномъ переполохѣ“, „волненіяхъ“, „взрывѣ возмущенія и негодованія“, наконецъ, о печатныхъ протестахъ, неизмѣнно сопровождавшихъ каждую статью Драгоманова. Все это несомнѣнно было—и статьи Драгоманова, и возмущеніе по ихъ поводу. Я не буду говорить уже о томъ, что такое поведение Драгоманова плохо вяжется съ приписаннымъ ему ранѣе стремленіемъ „играть первенствующую роль“: ищетъ человѣкъ популярности и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нарочно, поступаетъ такъ, чтобы оттолкнуть всѣхъ, отъ себя, раздражить и возстановить,—но странно вотъ что: г. Дейчъ даже теперь, по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не замѣчаетъ что въ этихъ статьяхъ, кромѣ одной, двухъ, быть можетъ, не совсѣмъ удачныхъ фразъ, не было ничего возмутительнаго, и, не замѣчая этого, и теперь продолжаетъ полемизировать съ Драгомановымъ, какъ во времена оны, когда раздраженіе по поводу той или иной фразы могло затемнить истинное содержаніе статей. Получается въ результатѣ цѣлый рядъ грѣховъ Драгоманова, къ которымъ послѣдній былъ совершенно непричастенъ и которые нужно отнести къ той же категоріи—того, чего не было. Такъ, напримѣръ, въ вину Драгоманову ставится, якобы; помѣщенная въ „Вольномъ Словѣ“ „статья по поводу того, какъ слѣдуетъ относиться къ политическимъ эмигрантамъ, совершившимъ на родинѣ преступленіе, носящее уголовный характеръ, иначе говоря, къ террористамъ“ (стр. 226), и „кстати“ по этому поводу припоминается извѣстная исторія съ чуть было не состоявшейся выдачей Гартмана. Между тѣмъ, во-первыхъ, и статьи такой въ „Вольномъ Словѣ“ не было,—была лишь мимоходомъ брошенная фраза ¹⁾ въ большой статьѣ, направленной именно противъ выдачи политическихъ преступниковъ. А, во-вторыхъ, воз-

¹⁾ „Онъ (вопросъ о выдачѣ С. Е.) не долженъ существовать потому, что укрывшіеся отъ преслѣдованія виновники взрывовъ полотна Московско-курской желѣзной дороги и кордегардіи въ Зимнемъ дворцѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ царубійцы, но лишь какъ виновники различныхъ по своимъ послѣдствіямъ преступныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ общими

лагая на Драгоманова отвѣтственность за фразу изъ непринадлежащей ему статьи, оставляется совершенно безъ вниманія протестъ, принадлежащій именно Драгоманову и направленный именно противъ выдачи Гартмана ¹⁾. И вотъ у незнакомаго съ дѣломъ читателя невольно создается совершенно не соотвѣтствующее истинѣ впечатлѣнiе, что Драгомановъ былъ не безъ грѣха въ волновавшемъ тогда всѣхъ вопросѣ о выдачѣ Гартмана. То, чего не было, покрыло собой то, что дѣйствительно было, и привело, помимо отмѣченнаго сейчасъ несправедливаго подозрѣнiя по адресу Драгоманова, еще и къ курьезнѣйшимъ противорѣчiямъ въ изложенiи г. Дейча. Въ частности, что касается „Вольнаго Слова“, то, по словамъ г. Дейча, фактъ участiя въ немъ Драгоманова не только не ставился ему въ вину, но служилъ даже гарантiей добропорядочности журнала. Это на стр. 225, а на слѣдующей уже репутацiя самого Драгоманова оказывается заподозрѣнной благодаря вышеприведенной фразѣ изъ „Вольнаго Слова“. Въ концѣ-концовъ рядовой читатель воспоминанiй г. Дейча запутается въ нихъ вмѣстѣ съ безнадежно запутавшимся авторомъ.

С. Ефремовъ.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ).

уголовными законами, ограждающими общественную безопасность. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ вовсе не было пострадавшихъ, а въ другомъ пострадавшими являются не царственныя особы, а крестьянскiя семьи и люди военнаго званiя изъ той же крестьянской среды. „Вольное Слово“, 1881 г., № 8, стр. 1.

¹⁾ Драгомановъ. Къ общественному мнѣнiю всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. „Собр. полит. сочиненiй“, т. II, стр. 252—254.

О современных національных вопросахъ.

Какъ ни затруднительно въ настоящее время получение заграничныхъ журналовъ, все-же разрозненные №№ „Les Annales des Nationalités“ получаютъ, и по нимъ можно судить, какъ внимательно обсуждаются во Франціи вопросы національнаго освобожденія „малыхъ“ народностей Европы. Война, начавшаяся подъ лозунгомъ національнаго равноправія, конечно, не могла не возбудить во многихъ страдающихъ народностяхъ проблесковъ надеждъ на лучшее будущее: еще какъ-будто острѣе почувствовалось ими тяжелое позорное бремя ихъ зависимости, безправія, несправедливости подавленія ихъ свободы и непризнанія ихъ культурныхъ цѣнностей. Всѣ онѣ какъ-то насторожились, готовыя громко заявить о своемъ правѣ на полную сознательную жизнь. Разгромъ Бельгіи былъ первымъ оглушительнымъ предостереженіемъ маленькимъ государствамъ. Закрытіе украинскихъ національных учреждений въ Галиціи противорѣчило лозунгамъ, провозглашеннымъ въ началѣ войны. Сосредоточенное вниманіе союзниковъ на завоеваніи Дарданеллъ и Босфора выдвигало снова вопросъ о будущей судьбѣ балканскихъ государствъ.

„Анналы Національностей“ въ своихъ весеннихъ №№ рассматриваютъ животрепещущій вопросъ именно о значеніи маленькихъ государствъ. „Цѣнность маленькихъ государствъ“ (La Valeur des petits Etats, Fisher. № 5—6). Авторъ статьи, г. Фишеръ, вице-канцлеръ шеффилдскаго университета, находитъ, что очень трудно учесть тѣ вклады, какіе совершили въ теченіе послѣдняго вѣка маленькія государства въ общемировую культуру. Стоитъ назвать такія имена, какъ Ибсенъ, Метерлинкъ, Ванъ-Хофъ (знаменитый голландскій химикъ), чтобы оцѣнить высоко-интеллектуальное развитіе этихъ странъ. Конечно, можно предполагать, что,

если бы даже Голландія была вынуждена войти въ составъ германскаго союза, то все-же ея живопись, въ своемъ художественномъ развитіи далеко превзошедшая нѣмецкую, не была бы затемнена ею; можно предположить, что и университеты въ Голландіи продолжали бы свои теологическія изслѣдованія. Можно даже думать, что развитое молочное хозяйство Даніи и ея земледѣліе сохранились бы. Но это всецѣло зависѣло бы отъ той степени свободы и самоуправленія, какую соизволилъ бы дать той или другой германскій императоръ; въ зависимости отъ этого продолжался бы притокъ народной энергіи, согрѣтой надеждою, или онъ былъ бы окончательно пресѣченъ по приказу и по произволу угнетающаго господина. Сомнѣнія здѣсь излишни, но слѣдуетъ при этомъ помнить, что маленькія государства, особливо угрожаемая расширеніемъ Германіи, развили въ своей жизни не только особливую экономическую обстановку, но и извѣстныя качества, которыя могутъ усовершенствоваться лишь въ атмосферѣ сравнительнаго спокойствія. Одно изъ преимуществъ существованія маленькихъ государствъ заключается въ томъ, что они дѣйствительно являются лабораторіями для социальныхъ экспериментовъ. Примѣромъ,—говоритъ Фишеръ,—можетъ служить Америка, гдѣ каждый штатъ доставлялъ огромный матеріалъ для сравнительнаго социального изученія преимуществъ различныхъ законодательныхъ актовъ. Такія мѣропріятія, какъ право подачи голоса женщинамъ, уничтоженіе смертной казни, не подлежатъ обсужденію многочисленныхъ парламентовъ. Человѣкъ—подражательное животное. Изученіе сравнительнаго законодѣнія обнаруживаетъ растущее однообразіе законодательныхъ задачъ и увеличивающуюся монотонность рѣшеній, къ которымъ приходитъ законодатель. Мало-по-малу все въ мірѣ промышленности, образованія, уголовного законодательства стремится сообразоваться съ однимъ ходячимъ типомъ, и это стремленіе до извѣстной степени является неизбѣжнымъ и полезнымъ послѣдствіемъ превращающейся въ трафаретъ промышленной жизни. Но эта подражательность представляетъ и очевидныя опасности, какъ, напримѣръ, роковыя попытки заимствовать готовые и не всегда подходящія формы. Въ эти ловушки, конечно, попадаютъ и большія, и малыя государства, но самое существованіе малыхъ государственныхъ единицъ разнообразіемъ своихъ жизненныхъ условій представляетъ нѣкоторую гарантію для многообра-

зія духовной жизни среди подавляющей внѣшней монотонности большихъ государствъ. И вотъ эта многогранность разныхъ государствъ, разныхъ народностей и представляетъ для человѣчества противоядіе противъ все расширяющейся однотонности жизни. Желательно ли губить эти разные грани, обравнивать эти края? „Каждая историческая стадія развитія,—говоритъ Фишеръ,— не можетъ быть подавлена безъ духовнаго обѣднѣнія для переживающей это подавленіе народности. Это нарушеніе естественнаго хода жизни не только раздражаетъ и притупляетъ гражданъ въ завоеванной странѣ; но оно и для завоевателя является условіемъ, огрубляющимъ и озвѣряющимъ приемы политической его дѣятельности. Никогда не проходитъ безвредно для націи неизбѣжность примѣненія грубыхъ жестокихъ мѣръ по отношенію къ какой-либо части своихъ подданныхъ; какъ бы ни вызывались онѣ предполагаемою необходимостью, онѣ всегда ожесточаютъ самый тонъ господствующихъ политическихъ взглядовъ, создаютъ атмосферу притупленной чувствительности, которая господствуетъ гораздо длительнѣе самыхъ мѣръ пресѣченія. Такимъ примѣромъ можетъ служить завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи. А между тѣмъ люди, не придающіе никакого значенія самоуваженію народа и его чувству собственного достоинства, не видятъ никакого вреда въ раствореніи Бельгіи, Голландіи и Даніи въ огромномъ нѣмецкомъ цѣломъ и даже вѣрятъ, что такая инкорпорация можетъ дойти до такой интимности, что и Мольтке, и Бисмаркъ будутъ одинаково обожествляться и голландцами, и датчанами, и др.“. Конечно, такіе люди мало считаются какъ съ самой человѣческой натурой, такъ и съ работою нравственныхъ принциповъ человѣка. Они не хотятъ помнить, что какъ отдѣльный человѣкъ не можетъ безнаказанно для своего нравственнаго „я“ совершенно порвать со своимъ прошедшимъ, такъ и разрывъ исторической жизни народа неизбѣжно приводитъ къ его ослабленію, къ униженію народнаго идеала, вообще могущаго жить въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Такъ, присоединеніе Португаліи къ Испаніи въ 1580 г. вызвало въ жизни первой такое моральное пониженіе, отъ котораго она не можетъ и до сихъ поръ отойти.

Историческое сознаніе есть залогъ жизни для народа; страшно насильственно его подавлять. Фишеръ правильно указываетъ, что „воспоминаніе о Коссовомъ полѣ въ

теченіе многихъ вѣковъ вскармливало героическое чувство сербовъ и не давало ему безнадежно поддаваться турецкому угнетенію. Этотъ эмоціональный патріотизмъ не позволялъ и не позволить никогда маленькой Сербіи перенести какія-либо поползновенія на ея независимость; она не откажется ютъ своего прошлаго, какъ бы угрожающе ни гремѣли вокругъ нея австро-германскія пушки“. Къ этимъ глубоко-вѣрнымъ словамъ англійскаго ученаго мы только прибавимъ: счастлива та самая маленькая страна, у которой въ прошломъ есть опредѣленное воспоминаніе, хотя бы о непродолжительномъ, но вполнѣ независимомъ своемъ національномъ государственномъ существованіи; оно, какъ путеводный огонекъ, свѣтитъ ему въ минуты историческихъ невзгодъ и ведетъ къ опредѣленной цѣли—возстановленію того, что дѣйствительно было. Глубоко несчастенъ тотъ народъ, который въ теченіе всего своего историческаго сознательно-національнаго существованія всегда переходилъ изъ одной государственной зависимости въ другую. Неясны его стремленія, трагична его судьба...

Далѣе г. Фишеръ утверждаетъ, что съ поглощеніемъ маленькихъ государствъ большими изсякаетъ большой факторъ, стимулирующій къ неличнымъ, неэгоистическимъ поступкамъ; „притупилось бы чувство патріотизма—одно изъ наиболѣе активныхъ идеальныхъ побужденій. А патріотизмъ интенсивнѣе тамъ, гдѣ каждый гражданинъ имѣетъ свою неотъемлемую родину. Патріотизмъ не зависитъ отъ величины страны, его интенсивность не опредѣляется квадратными километрами. Между тѣмъ какъ большія государства полны раздоровъ и недовольствомъ ассимилируемыхъ, покоряемыхъ гражданъ, иная маленькая территорія можетъ внушить населяющему народу самыя чистыя и благородныя эмоціи. Нѣтъ той добродѣтели, индивидуальной или общественной, какая не могла бы такъ же полно осуществляться въ маленькомъ государствѣ, какъ и подъ булавою величайшаго тирана. Граждане же большихъ государствъ часто переживаютъ полуисторическое состояніе, не пробуждающее ни творческихъ силъ, ни любви къ краю“¹⁾). Изъ всего этого авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что ни одна изъ маленькихъ странъ, сосѣднихъ съ Германіей, не имѣетъ никакого желанія быть присоединенной къ нѣмецкому стаду (traubeau!).

¹⁾ Стр. 143.

Онъ признаетъ за Британскою имперіею особенное умѣніе сохранить живую сочувственную связь со всѣми очень расчлененными своими частями и поясняетъ его особою терпимостью Англіи ко всякимъ національнымъ, религіознымъ и социальнымъ различіямъ, а главное—тѣмъ, что она не обязываетъ жителей своихъ разнообразныхъ краевъ нести военную повинность. „Какъ только,—говоритъ Фишеръ,—соединяются слова „государство“ и „армія“, въ политическомъ организмѣ устанавливается страшное равненіе, которое рано или поздно увлекаетъ все за собою, исключая только духовныя силы, людямъ остается хоть одна свободная возможность думать, что они хотятъ и писать то, что думаютъ. И каждый разъ, когда поднимется вопросъ о правахъ маленькихъ государствъ, защитники человѣческой свободы будутъ стоять за ихъ независимость и за охрану свободы человѣческой мысли и человѣческаго слова“...

Поднятые современными событіями вопросы о мелкихъ государствахъ приковываютъ вниманіе французскихъ политиковъ и ученыхъ больше всего на тѣхъ изъ нихъ, которымъ современная война можетъ сулить возстановленіе ихъ былой независимости и возсозданіе ихъ государственной самостоятельности, а именно Литва, Польша, Албанія и вообще національное воссоединеніе разныхъ народностей на Балканахъ. Относительно Литвы большая статья подъ заглавіемъ *L'invasion allemande en Lithuanie et Provinces Baltiques* (Германское нашествіе на Литву и Балтійскій край) вся подверглась цензурной смаркѣ и представляетъ бѣлая, не тронутая типографскою краскою страницы, а потому мнѣнія редакціи „Націоналын. Анналовъ“ объ измѣненіи въ судьбѣ Литвы остаются для насъ неизвѣстными. Но другіе органы французской печати могутъ уяснить намъ настроеніе французскаго общества относительно Литвы. Здѣсь обнаруживается незнаніе и непониманіе тѣхъ взаимныхъ отношеній, какія вѣками сложились между Литвой и Польшей. Газета „*Temps*“ передаетъ, что нѣмцы хотятъ создать новое королевство литовское, воссоединяя Литву въ предѣлахъ Пруссіи и Россіи. Главой королевства будетъ король, раздѣляющій свою власть съ сенатомъ, избраннымъ трехстепенными выборами. Въ короли будто бы назначается Іоакимъ, младшій сынъ кайзера.

Историческому очерку Литвы посвящается цѣлый очеркъ Виктора Жозъ въ № 33 газеты „*Polonia*“, выходящей въ

Парижѣ на французскомъ и на польскомъ языкахъ. Но въ газетѣ, редактируемой поляками, Литва, конечно, представлена какъ часть Польши, въ которой и города, и „сельское дворянство“ вполне ополячено. „Они говорятъ, они думаютъ по-польски,—говоритъ Жозъ;—они заимствовали у Польши ея бессмертную душу!“ При такомъ, чисто польскомъ, углѣ зрѣнія французы, конечно, не высказываются опредѣленно относительно возстановленія самостоятельности Литвы. Зато ихъ восторженные симпатіи къ Польшѣ высказываются ими въ самыхъ торжественныхъ и цвѣтистыхъ выраженіяхъ. Будущая независимость Польши для французовъ нѣ всякаго сомнѣнія и притомъ не иначе, какъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: съ Познанью и Западною Пруссіею, обѣими Силезіями, съ устьемъ Вислы и Данцигомъ; невключеніе этихъ областей въ будущее государство польское признавалось бы поляками какъ новое посягательство на ея національную свободу. Сюда же, очевидно, включается и западная Галичина, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ та же франко-польская газета утверждаетъ, что національное возстановленіе Польши должно укрѣпиться на трехъ ея историческихъ городахъ: Варшавѣ, Познани и Краковѣ. „Соединеніе этихъ трехъ историческихъ очаговъ предоставило бы польской націи нормальныя условія для ея развитія“ (№ 33, стр. 3). По словамъ профессора Сорбонны Поля Лаблашъ, „Европа заинтересована въ возстановленіи Польши на національныхъ основахъ: иначе въ самомъ центрѣ Европы постоянно будетъ зіяющая рана. Чтобы добиться этого, другой французскій писатель, редакторъ „*Journal des Débats*“ Морисъ Мюре, совѣтуетъ полякамъ довѣриться Россіи: „Вся ваша бѣда была въ томъ, что вы имѣли трехъ господъ, которые слишкомъ долго сговаривались за вашей спиной и за вашъ счетъ. Вамъ легче будетъ согласиться съ однимъ изъ нихъ. Придетъ день, когда Россія, силою вещей, должна будетъ отказаться отъ своихъ бюрократическихъ пріемовъ и отъ своей централизаціи. День долженъ заблестѣть, когда Россія должна будетъ уступить подъ давленіемъ обстоятельствъ свободу своимъ народамъ. Если вы тогда образуете однородный блокъ подъ ея покровительствомъ, то вы можете надѣяться на лучшую судьбу. А потому пока вы не можете провозгласить *La Poleogne aux Polonais* („Польша для поляковъ“), провозгласите „Польша—русскимъ“. Да, Польша—русскимъ, несмотря на совершенныя ими ошибки, не-

смотря на ихъ заблужденія и ихъ пораженія, конечно, временныя“ (тамъ же). Такіе же совѣты даетъ полякамъ и газета „Le Radical“, взывая къ ихъ довѣрію къ той же Россіи: „Вѣрьте этой либеральной Россіи, которая тоже пробуждается и выйдетъ изъ ужасныхъ пеленъ войны, и, пользуясь вашимъ освобожденіемъ, этотъ великій народъ пойдетъ рядомъ съ вами, возрождающійся самъ, чтобы и васъ возродить. Вѣрьте старымъ друзьямъ, прежде всего старой Англіи; традиціонныя братскія узы соединяють Великобританію съ Польшею. Вѣрьте нашей Франціи, за которую столь многіе изъ васъ проливали кровь! Мы не можемъ высказать всего, что мы думаемъ: будьте увѣрены, что все, что у насъ есть либеральнаго, заботится о вашемъ будущемъ“ ¹⁾).

Хорошія рѣчи, конечно, хорошо и послушать. Пріятно знать, что интересы Сербіи, Бельгіи и Польши имѣютъ такихъ страстныхъ защитниковъ во французской прессѣ. Поищемъ, нѣтъ ли указаній, какъ относится та же печать къ другой славянской націи, тоже немало пострадавшей отъ войны, тоже немало выстрадавшей національных угнетеній, когда-то отстоявшей и Россію, и Европу отъ дикихъ ордъ съ востока,—націи, которой даже отказываютъ въ собственномъ имени, называемой не ея національнымъ именемъ „Украиною“, а переименованною русской бюрократіей въ „Малороссію“. „Національные Анналы“ два года тому назадъ посвятили изслѣдованію украинскаго вопроса цѣлый № и хорошо съ нимъ ознакомлены. Теперь въ дошедшихъ до насъ №№ нѣтъ ни одного слова о тѣхъ гнетущихъ фактахъ, какіе имѣли мѣсто въ Галичинѣ, ни о тѣхъ запретительныхъ административныхъ мѣропріятіяхъ, какими сковано и въ Россіи украинское слово и всякое малѣйшее активное національное самопроявленіе, ни о томъ, чего можетъ ждать Украина по окончаніи войны. Газета „Polonia“ посвящаетъ Украинѣ историческій очеркъ въ № 34. Въ началѣ его авторъ, Paul de Nic, указываетъ на то, что „уже всѣмъ извѣстно, что происходящая война провозгласила громко принципъ національной свободы, и потому каждая нація спѣшитъ заявить свои права и свои требованія. Южные славяне мечтають о независимомъ государствѣ на дымящихся развали-

¹⁾ См. статью Эдуарда Херіо, мэра города Ліона, въ газетѣ „Radical“.

нахъ Австро-венгерской имперіи. Нарождается литовское государство, наконецъ, передъ нами русинскій вопросъ (украинскій). Почти никому неизвѣстный до сихъ поръ, этотъ вопросъ въ настоящее время получилъ одно изъ преобладающихъ значеній“. Далѣе идетъ очень краткій историческій очеркъ, заканчивающійся такими выводами: „Если признана необходимость возвратитъ Польшу ея независимыя учрежденія, почему же,—спрашиваютъ русины (украинцы),—не сдѣлать того же и для украинцевъ, которые нѣкогда составляли часть Польши и получили своимъ прошлымъ неоспоримое право на автономныя учрежденія? Эти требованія,—продолжаетъ де-Никъ,—должны имѣть основаніе, такъ какъ и Австрія, и Германія пользуются ими, чтобы выковать новое оружіе противъ Россіи. Надо замѣтить,—подчеркиваетъ де-Никъ,—что стремленія украинцевъ пользуются благосклонностью и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ. „Союзъ освобожденія Украины“ существуетъ въ Вѣнѣ. Этотъ тревожный симптомъ способенъ отвратить отъ украинскаго вопроса тѣ симпатіи, которыя могли бы благопріятствовать стремленіямъ украинцевъ. Не заблуждаются ли русинскіе патріоты,—восклицаютъ польско-французскіе публицисты,—относительно той роли, какую ихъ „заставляютъ“ играть? Становясь противъ Россіи, величайшаго славянскаго государства, не играютъ ли они въ руку германскимъ аппетитамъ? Въ такомъ случаѣ почему же правительственныя сферы Петрограда, только-что такъ блестяще признавшіяся въ крушеніи русской централистической политики, провозглашая права на самоуправленіе Польши, собирающіяся черпать въ своихъ національныхъ учрежденіяхъ основы для своего будущаго преуспѣянія, почему же по отношенію къ Украинѣ не принимаютъ онѣ такой же инициативы? Пусть дадутъ украинскому народу тѣ свободы, какихъ онѣ требуетъ въ теченіе вѣковъ. Пусть дадутъ ему самоуправленіе и пусть онѣ перестанетъ зависѣть отъ произвола мѣстной и петроградской бюрократіи, которая, зарывшись въ свои бумаги, изъ глубинъ разныхъ вѣдомствъ рѣшаетъ судьбы жителей береговъ Днѣпра. Россіи надлежитъ его спасти, Россія должна совершить тотъ великодушный жестъ, который сможетъ остановить вредныя интриги, узелъ которыхъ гнѣздится въ Вѣнѣ“ ¹⁾.

¹⁾ См. „Polonia“, № 34, стр. 1—2.

Такимъ образомъ, и права украинцевъ какъ-будто признаются франко-польскою газетою, и ею выражаются пожеланія привлечь симпатіи украинскаго народа къ „общему дѣлу“, понимая подъ этими словами дѣло возстановленія правъ угнетаемыхъ націй. Украина долгими годами угнетенія выстрадала себѣ право на возстановленіе утерянныхъ ею культурной и политической свободы, къ тому же украинскій народъ по своей численности и по мѣсту занимаемой имъ территоріи, и по естественнымъ богатствамъ своей земли имѣетъ полное основаніе на признаніе его національныхъ правъ прежде всего тѣмъ государствомъ, въ которомъ Украина занимаетъ одну изъ важнѣйшихъ окраинъ, а также и тѣми объединившимися европейскими народами, которые провозглашаютъ лозунгомъ страшной кровавой войны освобожденіе всѣхъ народностей.

Непонятно только, о какомъ „великодушномъ жестѣ“ говорить „Polonia“. Никогда въ политикѣ не бываетъ великодушія, но и украинцы, и поляки, и бѣлоруссы (о которыхъ молчитъ „Polonia“) имѣютъ свои національныя права, которыя не могутъ не быть удовлетворены.

Огражденіе свободы народностей Балканскаго полуострова возникаетъ при разсмотрѣніи вопроса о проливахъ—Босфоръ и Дарданеллахъ, которому посвящена статья Дасковици „Le question des Detroits et les Nationalités du Sud-Est Européen“ (См. „Les Annal. des Nat“, № 4, 1915); тамъ, подъ Золотымъ Рогомъ, рѣшается теперь вопросъ, тоже много лѣтъ приковывавшій къ себѣ вниманіе европейской дипломатіи. Этотъ вопросъ англійская вліятельная газета „Times“ смѣло разрѣшала весною словами: „Россія—хозяйка Царьграда, обезпечивающая свободу проливовъ отъ имени союзниковъ“. Является ли эта формула осуществленіемъ той исторической миссіи, какую брала на себя Россія, стремясь къ овладѣнію Царьградомъ и принимая на себя роль охранительницы славянскихъ и вообще христіанскихъ народовъ на Балканахъ? Это покажетъ будущее, а теперь всѣ маленькія государства на Балканскомъ полуостровѣ съ тревогою слѣдятъ за дарданельскими боями, и создаются разныя соглашенія между населяющими полуостровъ народами. Всѣ эти народы хотятъ одного—огражденія своей самостоятельности, они спрашиваютъ себя: „почему еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Россія предполагала возможность международнаго управленія въ областяхъ, господствующихъ надъ проходомъ

изъ Мраморнаго моря въ Средиземное, обсуждались тѣ прецеденты, какіе могутъ служить базою управленія Суэцскимъ каналомъ, устьемъ Дуная, Танжера? Мало-по-малу мысли союзниковъ остановились снова на великой традиціи, по которой доступъ къ открытому морю и Царьграду открывается столѣтнимъ усиліямъ Россіи. Почему эта перемѣна?—подозрительно спрашиваетъ румынъ, авторъ цитируемой статьи.—Онъ старается доказать, что ни военно, ни экономично-политическія условія не вызываютъ передачи проливовъ въ руки такой сильной сосѣдки. Его интересуетъ, почему Россія такъ настойчиво этого добивается. И, очевидно, онъ опасается давленія ея на балканскія государства. „Всякое заинтересованное вмѣшательство большихъ государствъ въ жизнь малыхъ,—говоритъ Дасковици,—вызывало всегда для послѣднихъ большія несчастья“.

Эта довольно откровенная статья во многомъ проливаетъ свѣтъ на двусмысленное положеніе Румыніи по отношенію къ четвертому согласію.

Интересно еще такое явленіе: „Les Annales des Nation“ напечатали „Манифестъ друзей моральнаго единства Европы“. Манифестъ составленъ поэтами и писателями Каталоніи. Манифестъ желаетъ напомнить, что война, совершающаяся въ Европѣ, является войною „междоусобною“, происходящею внутри Европы, между народами-братьями, и потому не должна ставить себѣ задачей полное уничтоженіе того или другого противника. Каталонцы напоминаютъ о духовномъ единствѣ всей Европы. Но этотъ манифестъ вызвалъ со стороны французовъ только возмущеніе: очевидно, и у нихъ крушеніе всѣхъ культурныхъ идеаловъ не даетъ имъ возможности безпристрастно отнестись къ воззванію своихъ братьевъ-каталонцевъ и видѣть въ немъ только побужденіе ослабить ненависть къ врагу. Такъ измѣнилась подъ вліяніемъ ужасной кровопролитной борьбы психологія французовъ, всегда проникнутая прежде всего чувствами единенія и взаимнаго довѣрія...

Много обращаютъ вниманія послѣднія книжки „Annales“ на Ирландію, на ростъ въ ней національнаго самосознанія; отмѣчается развитіе ирландской литературы и поэзіи, сообщаются подробности разныхъ національных манифестацій и приводятся интересныя цифры, какъ расширяется изученіе ирландскаго языка въ ирландскихъ школахъ. Ирландскій языкъ только недавно получилъ равноправіе съ англійскимъ

и сталъ обязательенъ во многихъ школахъ. Въ 1913 году число дѣтей, экзаменовавшихся на ирландскомъ языкѣ, представляло такія цифры:

Въ начальныхъ школахъ .	2,240 мальч.	1,088 дѣв.
Въ среднихъ школахъ . .	858 мальч.	340 дѣв.
Въ высшихъ уч. завед. .	388 мальч.	162 дѣв.
Всего . . .	3,486 мальч.	1,582 дѣв.
		5,068.

Въ 1914 г. общее число представляло уже 6,989 учениковъ, учившихся на родномъ языкѣ (4,944 м., 2,045 д.),—за одинъ годъ увеличеніе на 1,921 душъ. Одною изъ лучшихъ ирландскихъ школъ считается Sgoil Eanna (школа св. Енды) около Дублина. Она основана прекраснымъ педагогомъ и выдающимся поэтомъ Mac Piarais. Здѣсь языкъ и душевное общее настроеніе, вся атмосфера—ирландскія; рядомъ съ ирландскимъ языкомъ преподаются французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Кромѣ обыкновенныхъ школъ, Гальская лига организуетъ вечерніе курсы (до 500) съ ирландскимъ языкомъ изложенія; она устраиваетъ 15 ирландскихъ школъ съ лѣтними классами (2,000 уч.) и 4 съ зимними. Ирландскій языкъ изучается еще въ 25 начальныхъ школахъ. Растетъ и число учителей, уже получившихъ подготовку для обученія на обоихъ языкахъ. Эти интересныя числа показываютъ, какъ быстро при первомъ снятіи запрещеній со всякихъ національных самоуправленій устанавливается національная школа и закрѣпляется обученіе на двухъ языкахъ,—на родномъ языкѣ населенія и на государственномъ,—и устанавливается сразу на всѣхъ ступеняхъ общеобразовательной школы.

Наши выписки изъ разныхъ книжекъ „Анналовъ“ могутъ показать читателямъ, что этотъ органъ продолжаетъ внимательно слѣдить за всѣми національными проявленіями, и, вѣроятно, въ часъ разрѣшенія всѣхъ національных вопросовъ послѣ войны его голосъ опредѣленно и громко выскажется за удовлетвореніе правъ всѣхъ націй, за прекращеніе всѣхъ преслѣдованій противъ того, что каждому народу всего дороже: его свободы творчества и свободного пользованія своимъ роднымъ языкомъ какъ въ школахъ, такъ и въ печати.

С. Русова.

Украинскій вопросъ въ нейтральной и союзной прессѣ.

I. Нейтральная пресса.

Покойный М. П. Драгомановъ въ годы лихолѣтія, наступившіе для украинскаго движенія въ 70 и 80-хъ гг. прошлаго столѣтія, придавалъ огромное значеніе дѣлу освѣдомленія европейскаго общественнаго мнѣнія съ украинской проблемою и самъ сдѣлалъ очень много для этого освѣдомленія. Несмотря на то, что за время, протекавшее послѣ смерти Драгоманова, украинское движеніе пережило значительныя измѣненія и достигло нѣкоторыхъ успѣховъ, однако, освѣдомленность широкихъ круговъ въ Западной Европѣ съ нашими національными достиженіями въ послѣднее время стояла на довольно низкомъ уровнѣ, если не считать отдѣльных попытокъ въ родѣ изданія „Ukrainische Rundschau“ или „Les Annales des Nationalités“, пытавшихся стать источникомъ этихъ свѣдѣній. И только въ послѣднее время главныя событія, разразившіяся надъ Европой, заставили иностранную прессу проявить активность и приглядѣться къ украинской проблемѣ и признать ея значеніе. Дѣйствительно, мы видимъ, что интересъ къ украинскому движенію значительно возросъ; появилось большое количество статей, замѣтокъ, брошюръ, съ разныхъ точекъ зрѣнія освѣщающихъ этотъ наболѣвшій вопросъ, знакомящихъ съ исторіей и литературой Украины, съ ея чаяніями и стремленіями.

Всю эту уже довольно обильную литературу можно раздѣлить на двѣ категоріи: съ одной стороны, украинскій вопросъ привлекаетъ вниманіе нейтральной прессы, особенно швейцарской; кромѣ того, встрѣчаются болѣе или менѣе случайныя статьи въ англійской и французской прессѣ. Не всѣ эти статьи одинаково цѣнны, иногда сильно сказывается малая освѣдомленность авторовъ, однако все-же можно

констатировать несомнѣнно возрастающій интересъ къ украинскому движенію и стремленіе посильно освѣтить какъ его прошлое, такъ и настоящее.

Другой родъ інформаціонной литературы—это изданія опредѣленныхъ украинскихъ общественныхъ теченій, какъ, напр., „La Revue Ukrainienne“, „Ukrainische Nachrichten“ и т. п. Къ сожалѣнію, знакомство съ послѣднимъ родомъ литературы является для насъ невозможнымъ по „независящимъ“ и вполне понятнымъ обстоятельствамъ, и въ дальнѣйшемъ мы приводимъ наиболѣе характерныя выдержки, исключительно позаимствованныя изъ изданій перваго рода. Естественно, что событія въ Галиціи и ярко націоналистическій курсъ политики по отношенію къ украинцамъ въ оккупированной странѣ въ первую очередь привлекъ вниманіе иностранной прессы. Такъ, „Gasette de Lausanne“ въ № отъ 7 іюня посвящаетъ этому вопросу обстоятельную статью и отмѣчаетъ ошибочность такой политики...

Вѣроисповѣдная политика по отношенію къ уніатамъ также нашла себѣ осужденіе на страницахъ „Gasette de Lausanne“.

Того же вопроса касается и Альбертъ Боннаръ въ статьѣ „Les Ruthenes“, помѣщенной въ № 113 (1915 г.) „La Semaine Litteraire“. Онъ указываетъ на то печальное положеніе, въ какомъ очутились украинцы въ настоящую войну: „страданія Бельгіи, Эльзась-Лотарингіи, сѣверной Франціи, Польши привлекли всеобщее вниманіе. Населеніе же Галиціи пострадало, быть можетъ, еще больше, такъ какъ на его долю выпало несчастье считаться врагомъ по отношенію къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ“. Авторъ даетъ далѣе краткій очеркъ украинской исторіи и высказываетъ надежду, что, быть можетъ, придутъ и для Украины лучшіе дни. Въ статьѣ „Promesses et réalité“, помѣщенной въ „La Liberté“, содержатся указанія на политику, проводимую въ отношеніи къ недержавнымъ націямъ и въ частности украинцамъ. Другія статьи содержатъ въ себѣ большей частью обзоры того положенія, въ какомъ находится современное украинское движеніе, лишненное возможности жить и нормально развиваться; такія статьи мы находимъ въ „Le Petit Jurassien“ (Mars, 1915), „Journal des Débats“ и др.

Нашумѣвшая статья г. Алексинскаго въ „Соврем. Міръ“ въ извлеченіи помѣщена въ парижской газетѣ „Le Temps“

(du 10 mai 1915 г.); газета всецѣло присоединяется къ освѣщенію австрофильства, данному г. Алексинскимъ.

Кромѣ того, въ органѣ „Polonia“ (21 Août 1915. Paris), выходящемъ на французскомъ и польскомъ языкахъ, помѣщена статья Paul de Nic „La question ruthène“; изложивъ кратко исторію украинскаго вопроса, авторъ останавливается на дѣятельности „Союза Освобожденія Украины“ и указываетъ, что эта дѣятельность идетъ скорѣе на пользу германцамъ; для устраненія же этой гибельной политики необходимо, чтобы русское правительство проявило по отношенію къ Украинѣ ту же инициативу, какую оно проявило по отношенію къ Польшѣ, признавъ за нею право на самоуправленіе.

Отмѣтимъ еще обстоятельную статью Г. Раффаловича „Le problème ukrainien en Russie“, помѣщенную въ „La Revue politique internationale“ за 1914 г.

Изъ всей этой литературы необходимо выдѣлить особую статью, принадлежащую перу проф. М. С. Грушевскаго, „Le problème ukrainien, son évolution historique“ помѣщенную въ указанномъ „Revue“.

Въ яркихъ сжатыхъ чертахъ проф. Грушевскій мастерски оживляетъ всю исторію Украины, и его очеркъ является дѣйствительно лучшимъ изъ всей інформаціонной литературы, появившейся за послѣднее время.

И. Л.

II. Союзная пресса.

Швейцарскій корреспондентъ „Dail Mail“ въ № отъ 13 сентября с. г. пишетъ слѣдующее:

„Свобода печати и свобода обмѣна мыслей въ частныхъ и участныхъ кругахъ является большимъ облегченіемъ для того, кто привыкъ къ парижской или лондонской жизни. Необыкновенно пріятно поражаетъ та легкость, съ какой можно получить доступъ къ посланникамъ союзныхъ державъ, услышать такого авторитета, какъ г. Гирсъ, бывшаго русскаго посланника въ Вѣнѣ и Константинополь, выражающаго свободно свое мнѣніе по вопросу о національностяхъ Россіи, и имѣть возможность запросить графа Михаила Тышкевича, играющаго значительную роль въ качествѣ лидера консервативной партіи на Украинѣ, о будущемъ страны чернозема съ ея 34 милліонами жителей. Швейцарія—

это сборное мѣсто для духовныхъ вождей всѣхъ національностей. Здѣсь можно ихъ встрѣтить бокъ-о-бокъ въ большей части громадныхъ гостиницъ Верне, Монтре, Лозанны и въ другихъ мѣстахъ; и хотя, какъ враги, они не могутъ въ настоящее время вступать другъ съ другомъ въ разговоры, тѣмъ не менѣе не преминаютъ соблюдать формы толерантности.

Космополитизмъ Швейцаріи и свобода, съ какой можетъ здѣсь выражаться всякое мнѣніе, привело къ основанію многихъ повременныхъ изданій, не лишенныхъ большого интереса. Однимъ изъ нихъ является журналъ „L'Ukraine“, издаваемый Г. В. Степанковскимъ и знакомящій съ литературой, искусствомъ и народовѣдѣніемъ Малороссіи. Эта страна предназначена сыграть послѣ войны большую роль въ исторіи міра, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что взоры многихъ политическихъ и торговыхъ круговъ обращены на нее“.

Изъ русскихъ газетъ.

I. Харьковское „Утро“ о современномъ положеніи украинства.

Еще до начала войны журналъ нашъ поднималъ вопросъ объ одномъ изъ ненормальныхъ явленій нашей жизни: отношеніи великорусской прессы нашихъ южныхъ городовъ къ національной жизни того населенія, на территоріи котораго издаются великорусскія газеты и чьей подпиской они поддерживаются. Русская пресса на Украинѣ служитъ однимъ изъ могущественныхъ условій руссификаціи края. Слѣдя за жизнью, положимъ, Кіевщины по русскимъ газетамъ, читатель и предполагать не можетъ, что въ данномъ районѣ борется за свое національное существованіе многомилліонный народъ и что эта борьба даетъ и свои достиженія, а жизнью выдвигаются новыя цѣли и лозунги. Привыкнувъ, такимъ образомъ, видѣть въ русской прессѣ на Украинѣ элементъ не только чуждый, но зачастую и враждебный національной жизни украинцевъ, мы съ тѣмъ большимъ признаніемъ отмѣчаемъ попытку харьковскаго „Утра“ откликнуться хотя на нѣкоторые самые тяжелые и больные вопросы украинской жизни.

Въ первой статьѣ по украинскому вопросу отъ 9-го сент. 1915 г. „Утро“ отмѣчаетъ, что тѣ удары и скорпіоны, которые принялъ на себя украинскій народъ въ Россіи и Галиціи, должны бы породить крикъ отчаянія и протеста, а между тѣмъ мы и голоса украинскаго не слышимъ. Для поверхностнаго взгляда можетъ вѣрнымъ показаться утвержденіе, что весь украинскій вопросъ—„выдумка кучки фантазеровъ или же что нація поставлена въ такія условія благоденствія, что о ней и говорить-то нечего“. На самомъ дѣлѣ это не такъ, и въ дальнѣйшемъ статья излагаетъ, какъ были закрыты въ началѣ войны всѣ украинскія изданія и какія неодолимыя препяды ставились для проявленія минимальной національной дѣятельности, когда даже афиша, отпечатанная на украинскомъ языкѣ, признавалась опасной

для государства. Это вынужденное молчаніе является особенно тягостнымъ въ виду той атмосферы, которая создавалась вокругъ украинскаго народа, когда „на него, какъ изъ рога изобилія, сыплются грязныя обвиненія и обливаютъ его помоями“.

«И въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ принимаютъ участіе не однѣ только черныя сотни.

Такъ, напр., въ январскую сессію съ трибуны Государственной Думы открыто было брошено обвиненіе въ томъ, что украинское движеніе ведется на пресловутыя нѣмецкія марки. И Государственная Дума приняла эти слова, не опротестовавъ ихъ, какъ бы соглашаясь съ этой клеветой. Вскорѣ пришлось услышать подобное обвиненіе и изъ устъ одного изъ самыхъ видныхъ представителей либеральныхъ круговъ россійскаго общества, извѣстнаго депутата Думы В. А. Маклакова. И украинское общество не могло выступить въ свою защиту, за отсутствіемъ своей прессы. Правда, были пробы и попытки заявить о себѣ черезъ русскую либеральную прессу. Но—увы!—попытки эти такъ и остались безрезультатными. Русская пресса, за немногими исключеніями, очевидно, не считаетъ дѣло украинскаго народа заслуживающимъ вниманія и отказываетъ даже въ такихъ вещахъ, какъ печатаніе протестовъ противъ явно безсовѣстной клеветы. Такъ, напр., ни одна русская газета не напечатала открытаго письма С. Ефремова къ В. Маклакову по поводу его обвиненій украинства».

Слѣдующія статьи, отъ 5 и 10 сент. 1915 г., въ „Утрѣ“ посвящены: первая—положенію украинской печати и вторая—запросу, принятому Государственной Думой 29 августа, о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ властей по отношенію къ органамъ повременной печати на украинскомъ языкѣ. Признавая всю важность этого запроса, газета однако находитъ, что „украинство не можетъ исчерпываться однимъ изданіемъ своей печати“, а для того, чтобы цѣлая нація проявляла созидающую, творческую дѣятельность, надо снять общій гнетъ надъ ея національной жизнью. Надо отрѣшиться отъ устарѣлаго взгляда, что „единство и недѣлимость“ зиждутся на политикѣ порабощенія и насильственнаго обрусенія. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ во имя этого „единства“ стиралось національное лицо украинцевъ, „чтобы сдѣлать ихъ официально малороссами, вѣтвью русскаго народа, а неофициально—Иванами, непомнящими родства“.

Благодаря стихійной силѣ украинскій народъ сохранилъ свое національное лицо, свой языкъ, но политика обрусенія довела народъ почти до полной безграмотности и полного культурнаго упадка. При помощи статистическихъ справокъ о быстромъ расхожденіи всѣхъ украинскихъ изданій независимо отъ ихъ цѣны, иногда очень высокой для бѣдняка, авторъ статьи приходитъ къ выводу, что нельзя говорить о природной неспособности украинцевъ и неохотѣ ихъ къ

книгѣ. Бѣда въ томъ, что великорусская книга ему недоступна, непонятна, т. к. изъ русской школы онъ выносить полуграмотность, которая черезъ нѣсколько лѣтъ жизни въ деревнѣ и совсѣмъ испаряется.

«И для того, чтобы народъ поднялся культурно, чтобы развивался, нужно возвратити ему то, что онъ имѣлъ и безъ чего не можетъ двигаться впередъ,—нужно возвратити ему его школу, нужно снять немедленно запрещеніе со слова и предоставить украинскому народу право пользоваться своимъ языкомъ не только въ прессѣ, но и въ школахъ—низшей, средней и высшей. Лишеніе тридцатимилліоннаго народа права говорить на родномъ языкѣ, пользоваться имъ, какъ орудіемъ при созиданіи культурныхъ цѣнностей, вести на немъ дѣла свои въ общественныхъ учрежденіяхъ есть тоже актъ въ высшей степени незаконномѣрный.

Нужно быть послѣдовательными, и этотъ вопросъ необходимо поставить на очередь и довести его до конца. Нельзя отрицать, что украинскій языкъ, какъ таковой, существуетъ. На немъ говоритъ многомилліонный народъ, на немъ написано много выдающихся произведеній какъ художественныхъ, такъ и научныхъ, онъ имѣетъ свои законы и свою исторію, и лишать народъ права учиться на немъ, пользоваться имъ широко въ жизни—это издѣвательство надъ народомъ».

Заговоривъ о некультурности и полуграмотности украинскаго народа, названная газета подошла, такимъ образомъ, къ основному злу, подтачивающему жизнь его,—къ отсутствію у него своей національной школы. И въ № отъ 29-го сентября „Утро“ помѣщаетъ статью г. Чепиги о необходимости національной школы для украинскихъ дѣтей. „Дѣтей вѣдь нельзя считать отдѣльной частью народа. Это не часть, а цѣлый народъ ближайшаго будущаго, молодой лѣсъ, унаслѣдовавшій отъ стараго всѣ ему присущія особенности и растущій ему на смѣну. Что же дѣлаютъ съ молодымъ, созрѣвающимъ украинскимъ народомъ? Наилучшее его пріобрѣтеніе, его духовное украшеніе, родной языкъ, стремятся вырвать изъ его тѣла, чтобы потомъ насмѣяться надъ духовной слабостью народа, его отсталостью, надъ его духовной зависимостью, духовнымъ рабствомъ“. Русская школа для украинскаго ребенка это—„рядъ нечеловѣческихъ усилій пересоздать образы мысли, словесныя идеи языка“.

И хотя какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлая нація таитъ въ себѣ глубокую вѣру въ свое я, въ свое право на жизнь и развитіе, но все же, „когда говорятъ объ украинскомъ вопросѣ, насъ обдаетъ жутью приговореннаго къ смерти“, т. к. циркулярная практика министерства народнаго просвѣщенія запрещаетъ учителю пользоваться украинскимъ языкомъ даже въ цѣляхъ успѣшной руссификации украинскихъ дѣтей. И хотя такія воспрещенія только пара-

лизуютъ свободныя движенія народа, не убивая его духа, котораго, какъ и природу, искусственно убить нельзя, все-же здѣсь очень дорога всякая протянутая рука помощи, почему авторъ статьи привѣтствуетъ начинаніе „Утра“, удѣляющаго мѣсто и украинскому вопросу.

Кромѣ этихъ статей по украинскому вопросу редакція „Утра“ даетъ справочныя сообщенія о проявленіяхъ украинской жизни, поскольку можно о ней знать при отсутствіи украинской прессы, а также сообщаетъ объ украинской жизни г. Харькова, выражающейся въ рядѣ рефератовъ и докладовъ, прочитанныхъ въ харьковскомъ научно-литературно-художественномъ кружкѣ Гр. Квитки-Основьяненко.

Наконецъ, и вопросъ объ украинскихъ выселенцахъ не остался незатронутымъ, и „Утро“ помѣстило 13 сент. статью г. Бичъ-Лубенскаго „Выселеніе и судьбы украинскаго народа“. Тяжелъ и страшенъ путь выселенцевъ, усѣянный преждевременными могилами, но еще грознѣе тѣ перспективы, которыя ожидаютъ цѣлый край и покинувшій его народъ. „Всѣ эти украинцы, насильственно отторгнутые отъ родной земли и разбросанные по необъятному пространству великой Россіи, конечно, сдѣлаются народомъ безъ территоріи, утратятъ свои традиции, свой языкъ, утратятъ все, что живую массу людей дѣлаетъ народомъ, а съ этимъ вмѣстѣ и создаетъ ту народную силу, безъ которой толпа, какъ бы ни была она велика, останется толпой, скопищемъ двуногихъ зоологическихъ существъ, безсмысленнымъ орудіемъ какой угодно авантюры“. Если это безразлично, а то, быть можетъ, и полезно въ глазахъ Щеголевыхъ и Савенокъ, играющихъ на „мазепинствѣ“, то это опасно для самаго государства, которому не безразлично, кто заселить опустошенныя Волынь и Подолію. Авторъ, ссылаясь на Потембу и Южакова, предостерегаетъ противъ стремленія поглотить украинцевъ, т. к. для поработителей никогда не проходитъ безнаказанно угашеніе чужого духа и насиліе надъ личностью человѣка. Напримѣръ, исторія Рима какъ бы сама создала предостереженіе сильнымъ, сама создала границу, которую безнаказанно нельзя переступить. Поэтому во имя инстинкта самосохраненія какъ украинцы, такъ и здраво-мыслящіе великороссы должны всѣми мѣрами стараться остановить принудительное выселеніе, какъ вредное для народа и государства.

Заканчивая пока на этомъ обзоръ украинскаго матеріала,

появившагося на столбцахъ харьковскаго „Утра“, мы отъ души желаемъ газетѣ успѣха въ предпринятой ею работѣ по выясненію интересовъ украинской жизни.

О.

II. Отвѣтъ кооперативнаго журнала „Муравейникъ“ на вопросъ „бѣжать или нѣтъ?“

Органъ кіевскаго союза учрежденій мелкаго кредита, выходившій до войны на украинскомъ и русскомъ языкѣ, а послѣ изданія командующимъ кіевскимъ военнымъ округомъ циркуляра отъ 9 января с. г. выходящій только на русскомъ языкѣ, въ одномъ изъ послѣднихъ №№ (3 сентября) помѣщаетъ статью на тему: „бѣжать или не бѣжать?“, представляющую живой интересъ въ виду болѣзненной жгучести этого вопроса. Мы считаемъ нужнымъ перепечатать статью „Муравейника“ на страницахъ нашего журнала.

«Наступленіе непріятеля въ нашъ край уже вызвало массу бѣженцевъ изъ Волыни и Подоліи. Въ какія тяжкія условія попадаютъ эти несчастные бѣженцы, всякій прекрасно знаетъ изъ газетъ и изъ рассказовъ. Доходитъ дѣло до того, что люди, сорвавшіеся съ родной земли, покинувшіе «рідні оселі і селища», превращаются въ беззащитныхъ, бездомныхъ изгнанниковъ. Во время пути гибнутъ дѣти, старики, женщины. Раскидается и «нищиться» имущество. А «рідні оселі» остаются безъ призора, безъ догляду. Хозяйство, какое было, пропадаетъ. И возстановить его будетъ очень трудно.

Подумаемъ, помиркуемъ, хорошо ли это. Нужно ли бѣжать, если къ этому не принуждаютъ власти изъ военныхъ соображеній? А что власти не вездѣ и не всегда принуждаютъ поголовно все населеніе покидать свои села, это видно изъ объявленій минскаго, виленскаго и, наконецъ, кіевскаго губернаторовъ.

Подумаемъ такъ: опасность все равно есть и въ бѣгствѣ, и въ случаѣ оставленія на мѣстахъ. Но за оставленіе говоритъ та вѣковѣчная культура, которую создавало населеніе на мѣстахъ. «Рідни ниви, рідні оселі» не вездѣ будутъ уничтожены, не вездѣ пройдетъ тяжелая полоса боя. И тамъ останется наша культура, останется и должно остаться населеніе, которое должно будетъ оберегать культуру, хозяйство. Это важно, очень важно для родины, для нашихъ родныхъ очаговъ. И когда пойдетъ обратная война, когда наши войска опять вступятъ въ оставленный край, они найдутъ тамъ родную культуру, родныхъ людей и не покинутое, не разоренное хозяйство.

Итакъ, товарищи, поддержите духъ бодрости, духъ мудрости въ народѣ. Пусть не поддаются люди стадному чувству страха, пусть обсудятъ положеніе и остаются на землѣ дѣдовъ и отцовъ

своихъ, а не бѣгутъ «свѣтъ за очи». Мирное населеніе, поддерживающее культуру края, должно быть на своемъ мѣстѣ, какъ бы ни мѣнялось счастье войны.

И если на мѣстѣ, въ родномъ селѣ, выпадетъ намъ тяжелая доля—что же дѣлать? Такъ видно угодно было судьбѣ—доли. Погибнуть могутъ отдѣльныя лица, отдѣльное имущество, но край, его культура, дидивщина, батькивщина останется, не загинетъ. Ибо люди мѣняются—рождаются и умираютъ, а батькивщина, край, лышаются—они «вични»!

Мысли, высказанныя „Муравейникомъ“, въ основномъ раздѣляются и редакціей „Украинской Жизни“.

III. Ветхій прахъ.

Въ „Рѣчи“ (№ 281) появилась слѣдующая статья проф. М. Грушевскаго, которую мы считаемъ необходимымъ перепечатать и на страницахъ нашего журнала.

„Мнѣ былъ пересланъ номеръ „Кіевлянина“ отъ 19 сѣнбрія съ длинною статьею „Русскимъ людямъ, именующимъ себя „украинцами“, за подписью профессора классической филологіи кіевского университета Юліана Кулаковскаго. По характеру своему она, собственно, принадлежитъ къ категоріи тѣхъ статей, на которыя не принято отвѣчать; но она показательна для даннаго момента,—особенно ея появленіе безъ всякихъ оговорокъ въ газетѣ В. Шульгина, органѣ „прогрессивныхъ націоналистовъ“, недавно опредѣленно отрекавшихся отъ принциповъ національной травли, которою они раньше такъ усердно занимались. Это понуждаетъ меня посвятить ей нѣсколько словъ.“

Статья написана по поводу случайно попавшейся ея автору книжки заграничнаго журнала „La Revue Ukrainienne“, недавно начавшаго выходить въ Лозаннѣ. Проф. Кулаковскій пересказываетъ содержаніе этой книжки (не знаю, насколько полно и точно, такъ какъ это изданіе для меня недоступно) и главнымъ образомъ останавливается на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ въ ней объ „украинскомъ легіонѣ добровольцевъ“. По его словамъ, онъ только отсюда узналъ о существованіи этого легіона, и это извѣстіе показалось ему чудовищно-невѣроятнымъ (свѣдѣнія объ аналогичныхъ польскихъ легіонахъ онъ, по его словамъ, имѣлъ, и они, очевидно, не возбуждали его удивленія). Пересказавъ свѣдѣнія объ этомъ легіонѣ, г. Кулаковскій пускается въ соображенія относительно его происхожденія и по невѣдомымъ побужденіямъ пытается возложить вину его появленія на мою скромную особу.

По его словамъ, „такое помраченіе умовъ въ Галиціи является результатомъ просвѣдательной дѣятельности львовскаго университета“, а „подготовлялось при дѣятельномъ и выдающемся участіи“ пишущаго эти строки. На чемъ же основывается кievскій профессоръ эти обвиненія противъ львовскихъ профессоровъ и меня въ частности? Въ приводимомъ имъ довольно длинномъ перечнѣ лицъ, прикосновенныхъ къ организации легіоновъ и къ выступленіямъ противъ Россіи, я не вижу ни одного имени, сколько-нибудь причастнаго къ львовскому университету, такъ что логическій ходъ соображеній автора остается для меня неяснымъ. Что касается меня лично, то, очевидно, за отсутствіемъ какихъ-либо конкретныхъ указаній на мое участіе въ выступленіяхъ противъ Россіи кievскій профессоръ привлекаетъ мои научныя и публицистическія изданія,—впрочемъ, собственно два изъ нихъ, именно: „Иллюстрированную исторію Украины—Руси“ (какъ онъ ее не совсѣмъ точно называетъ) и небольшую брошюру „Единство или распаденіе Россіи“ (оттискъ изъ моего сборника „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“), неизвѣстно почему называемую имъ „революціонною“ (брошюра появилась въ Петроградѣ въ совершенно легальномъ изданіи, нѣсколько разъ перепечатывалась и десять лѣтъ невозбранно находилась въ продажѣ). Процитировавъ изъ нея нѣсколько выраженій, г. Кулаковскій замѣчаетъ обо мнѣ: „Если онъ былъ такъ дерзокъ въ писаніяхъ на русскомъ языкѣ, напечатанныхъ въ Россіи, то какъ онъ могъ гремѣть на своемъ искусственномъ галицкомъ ученомъ языкѣ, преподавая русскую исторію своимъ студентамъ въ Львовѣ“. И въ заключеніе: „Теперь, когда его ученики наполнили галицкій легіонъ и бахвалятся пролитіемъ крови русскаго солдата, теперь обнажаются во всемъ ужасѣ плоды того посѣва, который дѣлалъ г. Грушевскій. Да образумить эта кровь нашихъ русскихъ „украинцевъ“. Пора имъ понять, что идеи г. Грушевскаго ведутъ ихъ не къ свободѣ, а грозятъ превратить въ навозъ для нѣмецкой культуры“.

Эти построенія г. Кулаковскаго даютъ яркую иллюстрацію того, какъ творятся различныя легенды о современномъ украинствѣ, на которыхъ затѣмъ, при случаѣ, зиждутся всяческія репрессіи и гоненія противъ него. Авторъ изъ многихъ статей моихъ беретъ одну, умалчивая о томъ, что по общей идеѣ своей она является лишь горячимъ призывомъ къ политическому возрожденію Россіи—къ укрѣпленію внутренняго

единства путемъ предоставленія свободы и самоопредѣленія національной жизни входящихъ въ ея составъ народовъ и областей (брошюра писалась во время первой Думы и имѣла въ виду законодательную программу этой послѣдней); авторъ выдерживаетъ изъ нея лишь нѣсколько „дерзкихъ“ фразъ, и, не давая себѣ труда познакомиться съ тѣмъ, что выходило изъ-подъ моего пера за границей, онъ просто ограничивается соображеніемъ, что я тамъ „гремѣлъ“ противъ Россіи. Между тѣмъ мои заграничныя писанія не составляли и не составляютъ секрета въ Россіи, они допускались въ Россію и многія были мною перепечатаны здѣсь.

Если бы авторъ потрудился пересмотрѣть ихъ, то убѣдился бы, что у меня не было двухъ языковъ: одного—для внутренняго, а другого—для заграничнаго употребленія, и то, что я имѣлъ сказать о грѣхахъ стараго режима Россіи въ національномъ вопросѣ и о необходимости ихъ исправленія, я не обинуясь говорилъ въ Россіи же по адресу правительства и общества (впрочемъ, мои дерзкія мысли не составляли моей исключительной собственности и въ формѣ во всякомъ случаѣ не болѣе мягкой высказывались и раньше, и позже меня людьми, одушевленными, какъ и я, желаніемъ лучшей будущности для Россіи). А относительно моей львовской кафедры неужели не приходило проф. Кулаковскому соображеніе, что если бы я дѣйствительно превращалъ ее,—какъ онъ безъ всякаго основанія предполагаетъ,—въ политическую трибуну противъ Россіи, то, при наличности всякихъ казеннокоштныхъ и своекоштныхъ наблюдателей на мѣстѣ во Львовѣ, они не преминули бы доставить куда слѣдуетъ очень обстоятельныя свѣдѣнія и даже стенограммы моихъ лекцій, если бы онѣ представляли какой-либо интересъ съ этой точки зрѣнія? Но,—увы!—онѣ не представляли въ этомъ отношеніи ровно никакого интереса, такъ какъ я вообще въ моей дѣятельности совершенно опредѣленно отграничивалъ сферу научную отъ сферы политической и публицистической, а въ университетскія лекціи свои никогда не привносилъ политики. Немного я вообще и занимался политикою въ Галиціи, такъ какъ все время и всѣ силы мои уходили на научную и культурную работу (укажу хотя бы на тѣ не десятки, а сотни книгъ, которыя вышли подъ моей редакціею,—были частью написаны, частью проредактированы и прокорректированы мною), но и то немногое, что я дѣлалъ въ политикѣ, оставалось не-

измѣнно за порогомъ университета. Что же касается роли вдохновителя галицкихъ легіонеровъ, которую г. Кулаковскій приписываетъ мнѣ, то объ этомъ и мысли не могло бы у него явиться, если бы онъ сколько-нибудь внимательно отнесся къ моей дѣятельности и моимъ руководящимъ идеямъ. Людямъ, сколько-нибудь слѣдившимъ за моими статьями, достаточно хорошо извѣстно, что я, какъ и тѣ украинскія теченія Россіи, къ которымъ я примыкалъ, отнюдь не раздѣлялъ такъ-называемой „австрійской оріентаціи“ и разрѣшеніе украинскаго вопроса въ Россіи видѣлъ не въ какомъ-либо отторженіи украинскихъ земель, а въ урегулированіи его законодательнымъ путемъ, совмѣстными стараніями прогрессивнаго украинскаго и великорусскаго общества, въ рамкахъ русской государственности, на почвѣ развитія конституціоннаго строя, областного самоуправленія и національнаго самоопредѣленія. Въ такомъ направленіи и протекала вся политическая дѣятельность и моя (поскольку я могъ ею заниматься) и другихъ представителей украинскаго общества въ послѣдніе годы, и это лишь свидѣтельствуетъ, насколько вѣрили мы всѣ (и сейчасъ продолжаемъ вѣрить, несмотря на все пережитое за этотъ послѣдній годъ) въ разрѣшеніе украинскаго вопроса указаннымъ выше путемъ. Отъ австрійской оріентаціи украинцы самымъ опредѣленнымъ образомъ отграничивались, и я лично въ статьѣ „Сараевская трагедія“, появившейся за нѣсколько дней передъ войной въ томъ же „Л.-Н. Вѣстникѣ“, категорически отмѣтилъ, что украинскій вопросъ австрійскою оріентаціею не разрѣшается; что это политическое настроеніе не имѣетъ никакой власти надъ умами украинскаго общества въ Россіи и не можетъ никоимъ образомъ разсчитывать на его сочувствіе. Все это вещи, на которыя много разъ указывалось въ русской печати, и все это должно быть извѣстно г. Кулаковскому, разъ онъ берется писать объ украинской политикѣ. За участіе студентовъ львовскаго университета въ галицкихъ легіонахъ—буде между ними есть мои бывшіе слушатели—я могу такъ же мало принимать отвѣтственности на себя, какъ проф. Кулаковскій могъ бы считать себя отвѣтственнымъ за мою украинскую дѣятельность на томъ основаніи, что нѣкогда слушалъ у него курсъ исторіи Римской республики. Точно также было бы достаточно хотя бы поверхностнаго знакомства съ украинской публицистикой, чтобы

удержать г. Кулаковского отъ тѣхъ нравоученій, съ которыми онъ обращался къ украинскому обществу, пугая его перспективой превращенія „въ навозъ для нѣмецкой культуры“. Въдѣ не въ чемъ иномъ и заключается первая и главная задача украинства, какъ въ томъ, чтобы спасти украинскій народъ отъ опасности сдѣлаться этнографическимъ, строительнымъ матеріаломъ или, какъ г. Кулаковскій выражается, обратиться въ навозъ для иныхъ культуръ. Эту именно опасность и имѣли въ виду поколѣнія украинскихъ дѣятелей, направлявшихъ свои усилія къ поднятію въ народныхъ массахъ уваженія къ своему языку и народности, къ возсозданію украинской культуры на народной основѣ, къ распространенію и углубленію ея въ массахъ путемъ экономическаго подъема, распространенія образованія и общественнаго сознанія. Тамъ, гдѣ общественный починъ въ этой области не былъ окончательно стѣсненъ, какъ въ Галиціи, тамъ этимъ путемъ—обращеніемъ къ народной стихіи, къ народному языку—удалось достигнуть дѣйствительно поразительныхъ результатовъ: народныя массы выросли и экономически, и культурно, и опасность стать „навозомъ“ была преодолѣна. Какую же вмѣсто этого перспективу открываетъ г. Кулаковскій передъ украинскимъ обществомъ, порицая его стремленія къ развитію литературы и культуры и рекомендуя возвратиться къ костомаровскому положенію, что украинская литература должна остаться только „мужицкой“? Очевидно, въ этомъ призывѣ кроется именно желаніе обречь украинскій народъ на роль навоза для другихъ національныхъ организмовъ: въ восточныхъ областяхъ—великорусскаго, въ западныхъ—польскаго, въ Венгріи—венгерскаго, а въ конечномъ результатѣ—все же для нѣмецкаго. Это—перспектива захуданія духовнаго и общественнаго, обнищанія экономическаго и культурнаго и въ концѣ-концовъ полной національной гибели. Именно украинцы указывали на опасность мирнаго завоеванія украинскаго населенія, лишеннаго всякихъ культурныхъ средствъ, нѣмецкимъ потокомъ подъ господствомъ стараго режима; въ украинскомъ обществѣ и прессѣ били тревогу по этому поводу еще тогда, когда нѣмецкая колонизація считалась драгоцѣннѣйшимъ оплотомъ существующаго порядка. Изъ тяжелаго экономическаго и культурнаго положенія, въ которое поставитъ украинскія массы тактика преслѣдованія всѣхъ проявленій

національныхъ интересовъ и запросовъ, при неумолимомъ натискѣ вооруженнаго всѣми средствами просвѣщенія и техники западнаго капитала, нѣтъ другого выхода, кромѣ развитія народной украинской культуры, народной украинской школы, народной литературы и прессы. Никакія внѣшнія мѣры тутъ не помогутъ.

Но никакое развитіе культуры невозможно, если ей напередъ указываются границы, внутри которыхъ она можетъ двигаться и за предѣлы которыхъ она не смѣетъ выйти. Фактически та или другая литература или культура можетъ и не выйти, дѣйствительно, за предѣлы „мужичкой“,—это вопросъ ея внутреннихъ ресурсовъ и различныхъ внѣшнихъ условій,—но, какъ и всякое другое творчество, впередъ признать себя только культурой „для домашняго“ или „мужичкаго“ употребленія это значить убить всякую культурную инициативу. Культурное творчество, какъ и научное изслѣдованіе, требуетъ свободы, оно не мирится съ предустановленными предѣлами—„до сихъ поръ и ни шагу дальше“. А размежеваніе сферъ „мужичкой“, низшей культуры, на родномъ языкѣ, и культуры интеллигентской, „панской“, пользующейся чужимъ языкомъ, есть вещь глубоко противная идеѣ демократизаціи культуры и подрѣзываетъ въ корнѣ народное развитіе. Народъ, себя уважающій, чувствующій въ себѣ силы для жизни и развитія, не можетъ мириться съ тѣмъ, что надъ его народною культурою существуетъ культурная надстройка высшаго сорта, онъ долженъ неизбѣжно стремиться къ полнотѣ своей культуры. Удастся ли ему достигнуть этой полноты, это другой вопросъ,—конечно, народъ безъ будущаго—народъ пропащій, но если онъ къ этому не стремится, то это должно быть понятно доктору римской словесности.

Проф. Кулаковскій посвящаетъ въ своей статьѣ такъ много вниманія моей научной дѣятельности или, какъ онъ выражается, „огромной и весьма напряженной дѣятельности въ сферѣ фальсификаціи русской исторіи“, что съ моей стороны, пожалуй, было бы не деликатно пройти молчаніемъ эту сторону его статьи. Повидимому, въ цѣляхъ общей характеристики моихъ научныхъ трудовъ онъ останавливается на моей „Иллюстрированной исторіи Украины“ и даетъ слѣдующій отзывъ объ ея авторѣ: „Не обинуясь и не стѣсняясь, онъ выставялъ тамъ и заслуги Мазепы, и подвигъ Капниста, вѣздившаго въ концѣ XVIII вѣка къ прус-

скому королю съ просьбой освободить Малороссію, и давалъ портреты всѣхъ видныхъ дѣятелей, часто подпольныхъ, украинскаго сепаратизма“. При всемъ желаніи здѣсь нельзя найти доказательствъ фальсификаціи русской исторіи съ моей стороны; отзывомъ проф. Кулаковскаго брошенъ только неблаговидный „политическій“ свѣтъ на книгу, но и то путемъ описанія... не совсѣмъ точнаго, что ли. „Заслуга Мазепы“—это, очевидно, отмѣчаемая въ моей „Исторіи“ всѣмъ извѣстная щедрость Мазепы для церковныхъ построекъ и пожертвованій на духовныя и просвѣтительныя цѣли, которою онъ, по словамъ моей книги, какъ бы старался преодолѣть общее недовѣріе къ нему, какъ къ человеку чужому, „ляху“; оцѣнивается эта культурная дѣятельность, имѣвшая цѣлью скрасить крайне непопулярныя, антидемократическія и антинаціональныя стороны мазепинскаго режима, въ моей книгѣ болѣе чѣмъ сдержанно, и если на основаніи сообщаемого въ ней матеріала г. Кулаковскому угодно говорить „о заслугахъ“ Мазепы, то слѣдуетъ ему говорить о нихъ отъ себя, а не съ кивкомъ въ мою сторону. Кстати замѣчу, что вообще нѣтъ ничего болѣе безпочвеннаго, чѣмъ навязываніе современному украинству въ патроны именно Мазепы; его дѣятельность, его карьера, построенная не на политическихъ или національныхъ украинскихъ идеалахъ, не на солидарности съ широкими массами или даже общественными кругами, а на угодливости московскому централизму, московскому двору, передъ которымъ Мазепа вѣчно жаловался на украинскую неloyальность и на враждебное къ нему отношеніе украинскаго народа, никогда не пользовалась популярностью въ украинскомъ движеніи, и подкупить его не было въ состояніи и то показное меценатство Мазепы, о которомъ я говорилъ. Послѣдовательные представители національной украинской идеи слишкомъ мало имѣютъ общаго съ этою историческою личностью. И кличка „мазепинцевъ“, которую усваиваютъ въ послѣднее время и публицисты даже не очень правой марки, бьетъ мимо цѣли, не задѣвая тѣхъ, къ кому адресуется.

Капниста съ его побѣдкою въ Берлинъ въ 1791 году я, конечно, не имѣлъ никакихъ поводовъ замалчивать: это фактъ, характерный для тогдашнихъ настроеній украинскаго общества. Но кто называетъ эту побѣдку подвигомъ,—я или г. Кулаковскій? Выходитъ, какъ-будто бы г. Кула-

ковскій хочетъ приписатьъ мнѣ эту, отсутствующую у меня, характеристику.

Точно такъ же остается для меня неяснымъ, кого изъ украинскихъ дѣятелей, портреты которыхъ помѣщены въ моей „Иллюстрированной исторіи Украины“, г. Кулаковскій аттестуетъ какъ „подпольныхъ дѣятелей украинскаго сепаратизма?“ Изъ украинцевъ, російскихъ уроженцевъ, дѣятельность которыхъ принадлежитъ XIX вѣку, у меня помѣщены портреты Котляревскаго, Квитки, Шевченка, Костомарова, Кулиша, Антоновича, Драгоманова, Лисенка, Конисскаго, Карпенка-Тобилевича, Старицкаго, Гринченка. Кто же тутъ „подпольные дѣятели“ (да еще и „часто“), я рѣшительно недоумѣваю. Въ виду такъ пристрастно состряпанной характристики моего курса, титулъ фальсификатора не долженъ ли быть возвращенъ автору статьи? Какъ думаетъ объ этомъ г. Кулаковскій? Въ ученой литературѣ меня во всякомъ случаѣ въ нечестномъ обращеніи съ матеріаломъ никто не упрекалъ, какъ не могли упрекнуть и покойниковъ Костомарова и Антоновича, которыхъ тоже привлекаетъ къ своему обслѣдованію авторъ. Со стороны же разныхъ безотвѣтственныхъ наѣздниковъ и имъ, и мнѣ приходилось выслушивать, конечно, разную брань издавна. Ряды этихъ наѣздниковъ неосторожно пополнилъ своей особой кievскій профессоръ римской словесности.

Все-таки самое характеристическое въ этомъ маленькомъ эпизодѣ это то, что въ такое серьезное, отвѣтственное время, послѣ всѣхъ жестокихъ уроковъ, полученныхъ воинствующимъ націонализмомъ на поприщѣ искорененія украинства въ Галиціи,—уроковъ, осознанныхъ, какъ казалось, не только людьми нейтральными (ср. недавнюю статью преосв. Никона въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“), но и самими представителями кievскихъ націоналистическихъ круговъ,—не оказывается ничего болѣе важнаго для этихъ круговъ, какъ заниматься дальнѣйшею травлею лишеннаго всѣхъ, даже элементарнѣйшихъ средствъ самообороны украинства. Стоило ли тогда торжественно отряхивать отъ ногъ своихъ ветхій прахъ, присоединяясь къ требованію о прекращеніи гоненій на украинскую прессу и на украинскихъ общественныхъ дѣятелей, чтобы такъ скоро и непринужденно, безъ всякой побудительной причины, возвратиться къ этому старому занятію?

М. Грушевскій.
(„Рѣчь“, № 287).

О новомъ сборникѣ разсказовъ В. Винниченка.

Твори. Книжка IX ¹⁾.

Недавно вышедшая изъ печати девятая книжка сочиненій В. Винниченка состоитъ изъ четырехъ разсказовъ: „Босякъ“, „Радисть“, „Терень“ и „Талисман“.

Босякъ, партійный работникъ, деревенскій парень стихопиसेцъ-сатирикъ, сельскій комикъ и дѣвушка-лавочница... Большинство персонажей, встрѣчающихся у Винниченка, мы видѣли, и ужъ порядкомъ пріѣлся намъ и босякъ, бывшій одно время въ большой модѣ, и партійный дѣятель въ трафаретномъ изображеніи литературы 1905—6 гг.

Но разсказы Винниченка не только не нагоняють скуки, не только не заставляютъ закрывать книгу со второй—третьей страницы, а, наоборотъ, захватываютъ читателя и приковываютъ его вниманіе къ этимъ, казалось бы, захватаннымъ, избитымъ фигурамъ.

Дѣло въ томъ, что дѣйствующія лица произведеній Винниченка какъ-разъ не носятъ на себѣ печати той трафаретности, какая замѣчается у многихъ другихъ беллетристовъ; у него ходятъ и дѣйствуютъ живые люди, а не манекены, отличающіеся одинъ отъ другого только шляпами и цвѣтомъ волосъ.

Задача беллетриста не только въ томъ, чтобы писать красиво, купаться въ волнахъ стилизации, а и въ томъ, чтобы писать правдиво, и однимъ изъ отличительныхъ признаковъ, отмѣчающихъ подлиннаго писателя, является его способность глядѣть глубже и, ужъ само собой, видѣть больше, чѣмъ всѣ другіе люди.

Секретъ успѣха и популярности г. Винниченка въ его правдивости, въ реализмѣ изображенныхъ имъ людей, въ психологической чуткости, позволяющей ему проникнуть въ

¹⁾ Въ изданіи „Дзвін“. Москва. 1915.

тайники человеческой души, въ его искреннемъ демократизмѣ и большомъ литературномъ дарованіи.

Всѣ особенности таланта В. отразились и въ тѣхъ четырехъ рассказахъ, которые вошли въ IX томъ.

Въ первомъ рассказѣ центральная фигура—босякъ Хома Ивановичъ Каленикъ.

Это не философствующій босякъ Горькаго, не „бывшій человѣкъ“, а просто-на-просто бродяжничающій селянинъ, лѣнивый, хитрый, имѣвшій, повидимому, столкновения съ правосудіемъ, наглый. Положительно ничего въ немъ „героическаго“ нѣтъ. Изображенъ онъ Винниченкомъ прекрасно: сочно, умѣло. Даже „жаргонъ“ его схваченъ,—эта знакомая смѣсь украинскаго съ русскимъ. Но все-же не въ одномъ реализмѣ этой фигуры, хотя бы и въ мастерскомъ изображеніи, кроется самая суть рассказа, а въ томъ, что этотъ эгоистичный и въ достаточной степени мерзопакостный Хома жизнь свою кончаетъ при попыткѣ... освободить изъ-подъ ареста арестованнаго шахтера.

Что побудило его къ этому: любовь ли къ Ольгѣ, сестрѣ арестованнаго, или другія соображенія,—осталось невыясненнымъ, смерть загадала неразрѣшимую загадку, и самъ авторъ, кончая рассказъ, говоритъ: „багато хотів би узнати, багато хотів би уяснить собі, і не знаю, чи буде те коли“.

Невѣдомо, сможетъ ли кто-нибудь разрѣшить и другой вопросъ, vyplывающій въ рассказѣ „Радість“. Тамъ партійный работникъ „Запечатаний“, онъ же „Схимник“ и „Містер Тах“, человѣкъ до болѣзненности любящій правду, честный и прямой, заявляетъ на партійномъ собраніи о томъ, что онъ является авторомъ анонимнаго письма, писаннаго мужу Ольги Ивановны, товарища по организаціи, и содержащаго въ себѣ указанія на то, что жену въ ея партійной работѣ интересуется не одна идея. Это заявленіе было сдѣлано тогда, когда всѣмъ было ясно, что письмо послано „товарищемъ“ Виталиемъ. Признаніе было настолько неожиданно и такъ не вязалось со всѣмъ предшествовавшимъ, что „ніхто нічого не розумів“, но въ этомъ поступкѣ „Запечатаного“, во всей неразберихѣ, нелѣпости этой исторіи чувствуется большая настоящая драма, сущность которой авторъ предоставилъ читателю только угадывать.

Хорошъ рассказъ „Терень“. Человѣка, интересующагося

жизнью деревни, этотъ разсказъ познакомить съ любопытной фигурой доморощенного поэта, причемъ поэта главнымъ образомъ сатирика, складывавшаго такія пѣсни, за которыя на него сердились и не любили, мало того—даже ребра собирались поломать задѣтые ядомъ сатиры сельскіе тузы.

Вокругъ поэта Тереня и вьется разсказъ, его судьбою заинтересовался авторъ и прослѣдилъ ее до конца, а конецъ былъ, по правдѣ сказать, прескверный. Любимецъ сельской молодежи, безродный „парубок“, котораго не переваривали за пѣсни „начальство“ и всѣ солидные люди, сталъ... волостнымъ писаремъ. Авторъ видитъ его въ послѣдній разъ, когда Терень пьяный и озвѣрѣлый бьетъ мужика, пріѣхавшаго къ нему поговорить о своемъ дѣлѣ, безконечно тянущемся въ волостномъ судѣ.

И въ писаря Тереня постарались провести его же недоброжелатели, хотѣвшіе обезвредить такимъ образомъ назойливаго поэта и сдѣлавшіе такъ по совѣту мѣстнаго попака о. Савватія. Способъ оказался дѣйствительнымъ: Терень пересталъ складывать пѣсни.

„У мене було жагуче бажання,—говорить разсказчикъ,—повернути на Грузьке, приїхати до мого старесенького, ласкового попа і так здушити його за горло, щоб він уже ніколи більше не зміг давати кротких, розумних порад“.

Но лучшимъ разсказомъ въ книгѣ нужно признать „Талісман“.

Среди политическихъ узниковъ одной изъ безчисленныхъ російскихъ тюремъ, среди с-ровъ, с-дековъ, анархистовъ, ютсизиваль с.-д. „Піня“, робкая, тихая фигура. О немъ авторъ говоритъ такъ: „Напавне колись давно уже, може ще тоді, як був Піня у „жестяного мастера“ в науці, коли той бив його паяльником по голові, або як „гоіше інгел“ цькували по улицям собаками, мазали губи салом, він раз на все собі сказав: „знаєш що, Піню, ти мовчи! Ти найменьчій, найпослѣдній чоловік у світі і ти собі мовчи та посміхайся. Так буде лучче. Тебе б'ють по голові, а ти собі посміхайся. Тобі дають разом з Шорихом вилизувать миски,—вилизууй собі. Есть люди більші, багатші, дужчі, есть меньчі, бідніші, слабші, ти-ж, Піню, найменьчий, найбідніший, найслабший“.

И вотъ этотъ Піня, образъ котораго такъ хорошо на-

бросанъ В. Винниченкомъ, перемѣнился. Пиню полушутя, полусерьезно выбрали старостой, и, сверхъ всякихъ ожиданій, изъ Пини вышелъ чудесный староста: сталъ распорядительнымъ, строгимъ, энергичнымъ.

„Безумовно, въ цій історії з Піньюю ми мали диво, такого самого характеру, я думаю, якъ въ казкахъ, коли герой її, миршавий, зобитий, запехаяний всіма Іванко-дурникъ раптомъ дістає звідкись талісман і робиться знаменитимъ богатыремъ, царевичемъ і т. д. В казкахъ процессу перевертання на царевича нікто не бачить, а у насъ це відбувалось на нашихъ власнихъ очахъ“.

И когда понадобились люди, руководящіе подкопомъ для побѣга, то Пиня и здѣсь сохранилъ за собою позицію *primus inter pares*—старосты: всю енергію употребилъ для этого дѣла и, взявши на себя самую трудную и опасную роль, былъ убитъ въ борьбѣ съ часовымъ. Цѣною жизни „наименьшого, найбіднішого і найслабшого“ Пини бѣглецы купили себѣ свободу. И какимъ большимъ и сильнымъ становится Пиня въ глазахъ читателя въ изображеніи писателя. В. Винниченку прекрасно удаются фигуры вотъ такихъ тихихъ, скромныхъ и застѣнчивыхъ людей, у которыхъ такъ мало „героическаго“ во внѣшности и такъ мало подлиннаго героизма въ душѣ. Они удаются ему лучше, чѣмъ такіе „герои“—проповѣдники новой морали, новой религіи,—какъ, напримѣръ, Миронъ изъ „Щаблівъ життя“, который почему-то всегда казался мнѣ какимъ-то гомункуломъ изъ писательской лабораторіи, а не подлиннымъ человекомъ.

В. Винниченко—большой мастеръ разсказа, и появленіе новой книжки его разсказовъ должны привѣтствовать всѣ истинные друзья родной литературы.

Издана книга, какъ всѣ изданія „Дзвона“, со вкусомъ. Удачна обложка въ украинскомъ стилѣ.

Отпечатана книга въ Москвѣ, повидимому, благодаря неустанной и энергичной дѣятельности гг. Флоринскаго и Щеголева въ Кіевѣ.

Л. Бурчакъ.

На украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяць.

Смерть проф. А. А. Русова. Въ Саратовѣ, 8 октября 1915 г. скончался извѣстный статистикъ и общественный дѣятель—украинецъ проф. А. А. Русовъ. Русская пресса откликнулась на смерть его рядомъ статей. Наиболѣе обстоятельныя изъ нихъ помѣщены въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Саратовскомъ Вѣстникѣ», «Кіевской Мысли». ¹⁾

— **Проф. М. Грушевскому**, высланному, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, изъ Кіева въ Симбирскъ, нынѣ разрѣшено военными властями переѣхать на жительство въ г. Казань.

— **И. А. Алчевскій**, возвратившись изъ-за границы въ Россію, снова приглашенъ на сцену Императорскихъ оперныхъ театровъ. Алчевскій будетъ пѣть въ Петроградѣ и Москвѣ. Возвращается Алчевскій и къ дѣятельности въ московскомъ украинскомъ «Кобзарѣ», предсѣдателемъ комитета котораго онъ избранъ единогласно.

— **Лекція И. Хоткевича.** На послѣднемъ собраніи «Літературно-Наукового Відділу» Квитки-Основьяненскаго общества И. М. Хоткевичемъ былъ сдѣланъ интересный докладъ на тему «Народня розвага въ Галичині». Этотъ докладъ предназначался авторомъ для имѣвшаго мѣсто въ Харьковѣ въ началѣ минувшаго іюня съѣзда по устройству разумныхъ развлеченій для народа. Онъ былъ отпечатанъ на ремингтонѣ и представленъ для предварительнаго просмотра организаціонному комитету упомянутаго съѣзда. Но, къ сожалѣнію, комитетомъ онъ не былъ принятъ подъ тѣмъ предлогомъ, что якобы совсѣмъ неразборчиво былъ отпечатанъ!..

Основную идею доклада можно формулировать такъ: какія бы то ни было развлеченія, предлагаемыя интеллигенціей народу, могутъ достигъ цѣли—отвлечь отъ развлеченій неразумныхъ, каковымъ въ первую очередь является потребленіе алкоголя—только въ томъ случаѣ, когда интеллигенція въ своей просвѣтительной дѣятельности встрѣчается съ народомъ, какъ съ чѣмъ-то органически съ нею неразрывнымъ и роднымъ, когда интеллигенція и народъ, не отдѣленные другъ отъ друга пропастью, составляютъ единое цѣльное и эту общность и цѣльность одинаково сознаютъ, ощущаютъ и цѣнятъ какъ послѣдній простецъ-крестьянинъ, такъ и избалованный утонченностью наслажденій духа интеллигентъ.

¹⁾ По техническимъ условіямъ въ текущемъ № „Укр. Ж.“ мы не можемъ помѣстить телеграммъ, полученныхъ семьею А. А. Русова. Таковыя будутъ помѣщены въ слѣдующемъ номерѣ „Укр. Ж.“.

бросанъ В. Винниченкомъ, перемѣнился. Пиню полушутя, полусерьезно выбрали старостой, и, сверхъ всякихъ ожиданій, изъ Пини вышелъ чудесный староста: сталъ распорядительнымъ, строгимъ, энергичнымъ.

„Безумовно, въ цій історіі з Піньюю ми мали диво, такого самого характеру, я думаю, якъ въ казкахъ, коли герой її, миршавий, зобитий, запехаяний всіма Іванко-дурникъ раптомъ дістає звідкись талісманъ і робиться знаменитимъ богатыремъ, царевичемъ і т. д. В казкахъ процессу перевертання на царевича нікто не бачить, а у насъ це відбувалось на нашихъ власнихъ очахъ“.

И когда понадобились люди, руководящіе подкопомъ для побѣга, то Пиня и здѣсь сохранилъ за собой позицію *primus inter pares*—старосты: всю енергію употребилъ для этого дѣла и, взявши на себя самую трудную и опасную роль, былъ убитъ въ борьбѣ съ часовымъ. Цѣною жизни „наименьшого, найбіднійшого і найслабшого“ Пини бѣглецы купили себѣ свободу. И какимъ большимъ и сильнымъ становится Пиня въ глазахъ читателя въ изображеніи писателя. В. Винниченку прекрасно удаются фигуры вотъ такихъ тихихъ, скромныхъ и застѣнчивыхъ людей, у которыхъ такъ мало „героическаго“ во внѣшности и такъ мало подлиннаго героизма въ душѣ. Они удаются ему лучше, чѣмъ такіе „герои“—проповѣдники новой морали, новой религіи,—какъ, напримѣръ, Миронъ изъ „Щаблівъ життя“, который почему-то всегда казался мнѣ какимъ-то гомункуломъ изъ писательской лабораторіи, а не подлиннымъ человекомъ.

В. Винниченко—большой мастеръ разсказа, и появленіе новой книжки его разсказовъ должны привѣтствовать всѣ истинные друзья родной литературы.

Издана книга, какъ всѣ изданія „Дзвона“, со вкусомъ. Удачна обложка въ украинскомъ стилѣ.

Отпечатана книга въ Москвѣ, повидимому, благодаря неустанной и энергичной дѣятельности гг. Флоринскаго и Щеголева въ Кіевѣ.

Л. Бурчакъ.

На украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяць.

Смерть проф. А. А. Русова. Въ Саратовѣ, 8 октября 1915 г. скончался извѣстный статистикъ и общественный дѣятель—украинецъ проф. А. А. Русовъ. Русская пресса откликнулась на смерть его рядомъ статей. Наиболе обстоятельныя изъ нихъ помѣщены въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Саратовскомъ Вѣстникѣ», «Кіевской Мысли». ¹⁾).

— **Проф. М. Грушевскому**, высланному, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, изъ Кіева въ Симбирскъ, нынѣ разрѣшено военными властями переѣхать на жительство въ г. Казань.

— **И. А. Алчевскій**, возвратившись изъ-за границы въ Россію, снова приглашенъ на сцену Императорскихъ оперныхъ театровъ. Алчевскій будетъ пѣть въ Петроградѣ и Москвѣ. Возвращается Алчевскій и къ дѣятельности въ московскомъ украинскомъ «Кобзарѣ», предсѣдателемъ комитета котораго онъ избранъ единогласно.

— **Лекція И. Хоткевича.** На послѣднемъ собраніи «Літературно-Наукового Відділу» Квитки-Основяненскаго общества И. М. Хоткевичемъ былъ сдѣланъ интересный докладъ на тему «Народня розвага въ Галичині». Этотъ докладъ предназначался авторомъ для имѣвшаго мѣсто въ Харьковѣ въ началѣ минувшаго іюня съѣзда по устройству разумныхъ развлеченій для народа. Онъ былъ отпечатанъ на ремингтонѣ и представленъ для предварительнаго просмотра организаціонному комитету упомянутаго съѣзда. Но, къ сожалѣнію, комитетомъ онъ не былъ принятъ подъ тѣмъ предлогомъ, что якобы совсѣмъ неразборчиво былъ отпечатанъ!..

Основную идею доклада можно формулировать такъ: какія бы то ни было развлеченія, предлагаемыя интеллигенціей народу, могутъ достигъ цѣли—отвлечь отъ развлеченій неразумныхъ, каковымъ въ первую очередь является потребленіе алкоголя—только въ томъ случаѣ, когда интеллигенція въ своей просвѣтительной дѣятельности встрѣчается съ народомъ, какъ съ чѣмъ-то органически съ нею неразрывнымъ и роднымъ, когда интеллигенція и народъ, не отдѣленные другъ отъ друга пропастью, составляютъ единое цѣльное и эту общность и цѣльность одинаково сознаютъ, ощущаютъ и цѣнятъ какъ послѣдній простецъ-крестьянинъ, такъ и избалованный утонченностью наслажденій духа интеллигентъ.

¹⁾ По техническимъ условіямъ въ текущемъ № „Укр. Ж.“ мы не можемъ помѣстить телеграммъ, полученныхъ семьею А. А. Русова. Таковыя будутъ помѣщены въ слѣдующемъ номерѣ „Укр. Ж.“.

Такой междуклассовой спайкой въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ должны служить національные идеалы и національныя формы, одинаково понятныя и дорогіе лучшимъ здоровымъ элементамъ какъ украинской интеллигенціи, такъ и украинскаго простонародья. Свою общую мысль докладчикъ на примѣрѣ Галиціи иллюстрировалъ конкретной картиной украинскаго національнаго движенія послѣднихъ лѣтъ, своимъ мощнымъ теченіемъ захватившаго въ Галиціи и крестьянина, и рабочаго, и священника, и учителя, и студента, и городского интеллигента. И вотъ на послѣдніе гроши галиційскаго крестьянина, экономически стоящаго въ нѣсколько разъ ниже нашего крестьянина, на «внески» изъ мизерныхъ заработковъ галицкой интеллигенціи и на помощь—правда, въ весьма микроскопическихъ размѣрахъ—галиційскаго сейма создаются многочисленныя національно-культурныя институціи, начиная отъ «Літературно-Наукового Т-ва імени Шевченка у Львові» и кончая тысячами бібліотекъ такихъ организацій, какъ «Просвіта», «Сокіл», «Січ», «Сільскій Господарь», разбросанныхъ по самымъ глухимъ и бѣднымъ селамъ галиційской Украины. Въ часы досуга въ стѣнахъ этихъ учреждений звучитъ украинская пѣсня, музыка и декламация, читается газета и тутъ же вслухъ обсуждается содержаніе горячо написанной статьи; здѣсь и членъ парламента даетъ отчетъ о своей политической дѣятельности, и простой крестьянинъ высказываетъ свои мысли и пожеланія, занимая ораторскую трибуну послѣ своего «посла»; здѣсь общенациональныя и общекультурныя требованія формулируются, утверждаются и санкціонируются въ сознаніи всего народа; здѣсь нѣтъ «развлекающихъ» и «развлекающихся», а есть зато люди-граждане, объединенные общими національными горестями и радостями, сознающіе, что они творятъ живое дѣло своего возрожденія, испытывающіе высочайшее наслажденіе борьбы за поправную правду, за свое національное, а тѣмъ самымъ и человѣческое достоинство.

И вотъ мы видимъ, что для удовлетворенія (а тѣмъ самымъ и для развитія) высшихъ духовныхъ потребностей въ Галиціи существуетъ цѣлая система соотвѣтственныхъ организацій отдѣльно для города, мѣстечка и села, отдѣльно для взрослыхъ и дѣтей; что между этими организаціями существуетъ тѣсная связь, наиболѣе очевидно проявляющаяся въ дни такихъ національныхъ праздниковъ, какъ «Шевченкові роковини».

Въ короткой замѣткѣ мы лишены, конечно, возможности передать хотя бы вкратцѣ все совершаемое галичанами въ этой области, которую съ равнымъ правомъ можно назвать и народными развлечениями, и національнымъ дѣломъ. Но особенно чувство зависти вызываетъ у російскаго украинца возможность широкой просвѣтительно-национальной работы со стороны учащейся молодежи.

Оказывается, напримѣръ, что украинскіе студенты, семинаристы и даже гимназисты имѣютъ полное право и возможность образовывать особые пѣвческіе кружки (по числу участниковъ называемые «вісімки» и «дванадцятки») и затѣмъ безъ какихъ

бы то ни было дальнѣйшихъ разрѣшеній разрѣзжать «по градамъ и весямъ» всей Галичины и давать концерты для народа съ пѣніемъ, музыкой и декламаціей. Львовскіе студенты образовали вдобавокъ еще особыя организаціи, готовящія и распредѣляющія между своими членами лекціи на разнообразнѣйшія темы. Послѣ того, какъ лекціи просмотрѣны, одобрены и исправлены (если это нужно), онѣ читаются членами организаціи по всей Галиции.

Такой характеръ носятъ (по крайней мѣрѣ носили до начала войны) народныя развлеченія въ Галиции. Неудивительно, конечно, послѣ этого, что галицкіе украинцы жили болѣе повышеннымъ тономъ, что они боролись и не только терпѣли пораженія, что даже центральное австрійское правительство принуждено было считаться съ новой политической силой и не только принимать депутаціи галиційскихъ украинцевъ, но иногда даже вмѣшиваться въ украинско-польскую распрю, становясь на сторону украинцевъ. Не удивительна и эта трогательная готовность нести послѣдній «крейцаръ» на удовлетвореніе своихъ національных нуждъ,—не только въ Галиции, но и въ далекой Канадѣ, Америкѣ и Бразиліи (куда эмигрировало до полумилліона галиційскихъ «халупниковъ») при всякомъ удобномъ случаѣ, даже при такихъ семейныхъ празднествахъ, какъ «хрестини», собираются поистинѣ «въ поті чола» заработанные доллары и пересылаются за океанъ на свою украинскую гимназію или на «квадратовый метр» земли подъ укр. націон. театр во Львовѣ.

Аудиторія съ большимъ вниманіемъ выслушала докладъ, задавъ нѣсколько вопросовъ для разъясненія. Но все-же нѣкоторые изъ присутствовавшихъ находили, что, выдвинувъ объединяющее значеніе національнаго принципа, докладчикъ слишкомъ, что называется, перегнулъ палку въ одну сторону.

Всѣ возражавшіе (кромѣ одного г. П.) признавали всю важность національной проблемы, но въ то же время не согласны были съ положеніемъ докладчика,—правда, высказаннымъ имъ вскользь и, такъ сказать, лишь попутно,—положеніемъ, гласившимъ, что лишь національный принципъ способенъ крѣпко,—во всякомъ случаѣ, крѣпче классового,—объединять людей.

Возражавшіе указывали, что не всегда это такъ бываетъ и не всегда это даже желательно, такъ какъ, кромѣ общеклассовыхъ національных требованій, существуютъ еще и классовыя домогательства, проходящія иногда подъ флагомъ «общенациональности», и послѣднее явленіе, съ точки зрѣнія интересовъ демократіи и даже общенациональныхъ, совершенно нежелательно, ибо ведетъ лишь къ ненужному обостренію ненужной борьбы между отдѣльными національными коллективами.

За позднимъ временемъ не было возможности подробно высказаться всѣмъ желавшимъ на затронутую оппонентами тему. Докладчикъ на предъявленные ему возраженія отвѣчалъ, что и онъ не отрицаетъ опасности укорененія въ широкихъ массахъ «национальнаго идеала», если этотъ идеалъ вырабатывается буржуазіей (и вообще господствующими классами), ведущей империалистическую политику и вдобавокъ угнетающей другія націи;

но онъ, докладчикъ, имѣлъ въ виду націи угнетенныя, а для нихъ національный идеалъ и національныя требованія являются идеаломъ и требованіями простого человѣческаго достоинства.

Въ общемъ за позднимъ временемъ, затронутый важный вопросъ далеко не вполне былъ выясненъ; поэтому высказано было пожеланіе и предложеніе посвятить одну изъ средъ специально докладу на тему объ отношеніяхъ между національнымъ и общечеловѣческимъ моментами современности («Утро», 7/x).

Украинская жизнь въ Харьковѣ.

До настоящаго времени, со дня возникновенія войны, украинская жизнь вообще, а въ Харьковѣ въ частности, находилась въ состояніи невольнаго анабіоза. Нѣсколько раньше войны она все-таки, при наличіи своей прессы, проявлялась болѣе интенсивно,—интенсивно настолько, что имѣла, на примѣръ, предвыборный органъ. Харьковъ первый на Украинѣ самостоятельно избиралъ кандидата въ Госуд. Думу отъ украинцевъ, какъ національной большой группы; учительскіе курсы выработали каталогъ книгъ на украинскомъ языкѣ для вѣтшкольнаго чтенія для народа; общество имени Гр. Квитки-Основьяненка давало концерты для широкой публики и т. п.

Мыслимъ ли какой-либо клубъ безъ газетъ и журналовъ? А между прочимъ украинскій клубъ въ Харьковѣ (о-во Квитки) съ начала войны остался безъ единой газеты на украинскомъ языкѣ.

Есть надежда, что съ открытіемъ новой сессіи Государственной Думы анабіозъ украинской жизни прекратится, и она проявится ярче прежняго. А пока появляются только первые признаки нѣкотораго оживленія.

На примѣръ, оживаетъ харьковская украинская «громада», объединенная въ литературно-научно-художественное общество Гр. Квитки-Основьяненка. Общество остается въ прежнемъ вновь отремонтированномъ помѣщеніи (Садовая, 15), нанявъ вдобавокъ двѣ большихъ комнаты для своихъ засѣданій. Литературно-артистическая коммисія готовится къ устройству первой субботней вечеринки въ осеннемъ сезонѣ.

Производится запись хористовъ.

Состоялось (15-го октября) засѣданіе президіума литературно-научнаго отдѣла. За два весеннихъ мѣсяца (апрѣль и май с. г.) своего существованія послѣдній далъ рядъ докладовъ: г. Хоткеча—«Финансовая реформа за часів Яна Казимира», 2) «Про Б. Грінченка», 3) «Негативні прикмети української інтелігенції»; А. Яноты: 1) «Про Кримські гори», «Про природу Кримських гір»; А. Мицюка—«Шаповал як поет»; Я. Довбищенко—«Драгоманив»; К. Жукова—«Будівництво церковне въ Галичині» были прочитаны мѣстными авторами (К. Бичъ-Лубенскимъ, Г. Чубукомъ, П. Воронинымъ) свои произведенія. На послѣднемъ засѣданіи президіумъ отдѣла намѣтилъ къ прочтенію рядъ интересныхъ докладовъ по средамъ.

23 сентября былъ прочитанъ докладъ И. Хоткевича «Народня розвага въ Галичині», интересное содержаніе котораго приведено выше,—и А. Яноты «Популярні читанки і лекції на Україні». Доклады имѣютъ особый интересъ, какъ неодобренные къ прочтенію «прогрессивнымъ» президіумомъ бывшаго въ Харьковѣ съѣзда по устройству разумныхъ развлеченій. 30-го сентября—докладъ В. Коряка: «Громадські ідеї в освітленні вегетаризму». Открытыя засѣданія литературно-научнаго отдѣла общества могутъ посѣщать за небольшую плату кромѣ членовъ о-ва и посторонніе гости, имѣя рекомендацію отъ члена о-ва («Утро», 23 октября).

Дѣятельность общества помощи населенію юга Россіи, пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій. Въ концѣ мая текущаго года въ Кіевѣ, какъ мы уже сообщали, организовалось «Общество для оказанія помощи населенію юга Россіи, пострадавшему отъ военныхъ дѣйствій». Появленіе новаго органа помощи жертвамъ войны встрѣчено было кіевлянами весьма сочувственно, и въ настоящее время число членовъ общества превышаетъ 250 душъ. Предсѣдателемъ комитета состоитъ директоръ Государственнаго банка В. В. Игнатовичъ, его товарищи—землевладѣлецъ Полтавской губерніи В. Н. Леонтовичъ и преподаватель исторіи Д. И. Дорошенко. Средства общества составляются изъ членскихъ взносовъ, а также добровольныхъ пожертвованій членовъ общества и сочувствующихъ цѣлямъ общества общественныхъ организаций.

До настоящаго времени обществомъ юга Россіи основанъ и оборудованъ пріютъ для бѣженцевъ и выселенцевъ, рассчитанный на сто человекъ. Для этого пріюта снятъ домъ въ 45 комнатъ съ отдѣльной усадьбой (Федоровскій проул., домъ № 11). Въ этомъ пріютѣ призрѣваемые получаютъ квартиру, полное содержаніе (чай, молоко, бѣлый хлѣбъ, обѣдъ изъ двухъ блюдъ—одно мясное, горячій ужинъ), а также бѣлье, одежду, обувь, медицинскую помощь и бесплатную раздачу лѣкарствъ. Какъ въ бюро комитета, такъ и во многихъ пунктахъ скопленія бѣженцевъ представители общества раздаютъ бѣженцамъ бѣлье, одежду, обувь, а также оказываютъ имъ, по силѣ возможности, и денежную помощь.

Комитетъ принимаетъ на себя хлопоты передъ полиціей о выдачѣ свидѣтельствъ на право жительства бѣженцамъ, не имѣвшимъ или утерявшимъ этотъ документъ, а также свидѣтельства на льготный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Врачами, членами общества, оказывается первая медицинская помощь бѣженцамъ, обращающимся въ комитетъ, съ бесплатной выдачей лѣкарствъ.

Обществомъ устроены два питательныхъ пункта: одинъ—на товарной станціи, другой—у пароходной пристани. Число выдаваемыхъ на пунктахъ порцій доходитъ до 1,200 порцій ежедневно.

Въ настоящее время комиссіей общества, завѣдующей питательными пунктами, разрабатывается планъ устройства еще одного питательнаго пункта внѣ черты города.

Бюро комитета помѣщается на Большой Подвальной улицѣ, въ домѣ № 36, кв. 12. Всѣ справки, а также пожертвованія ве-

щами и деньгами принимаются въ бюро отъ 10 до 3 ч. дня ежедневно («Послѣднія Новости», 28 сентября, № 3330).

Украинскій языкъ и помощь украинцамъ-бѣженцамъ. Въ Екатеринославѣ при обсужденіи вопроса объ организаціи помощи бѣженцамъ рѣшено было между прочимъ обратиться съ воззваніемъ къ обществу. Внесено было предложеніе, чтобы воззваніе было отпечатано кромѣ русскаго и на украинскомъ языкѣ. Возникли горячія пренія по этому поводу, закончившіяся тѣмъ, что предложеніе объ отпечатаніи обращенія на двухъ языкахъ, русскомъ и украинскомъ, было принято большинствомъ 39 голосовъ противъ 20 («Приднѣпр. Кр.»).

Чествованіе Г. Н. Потанина. 21-го сентября въ Томскѣ съ чрезвычайной торжественностью чествовалось 80-лѣтіе Г. Н. Потанина, извѣстнаго дѣятеля Сибири и виднаго представителя и идеолога областническаго теченія въ Россіи. Не было, кажется, ни одного учрежденія не только въ Томскѣ, но и во всей Сибири, которое бы не откликнулось на это торжество. Самъ юбиляръ, несмотря на свои 80 лѣтъ сохранившій полную ясность ума, сказалъ рѣчь о чувствѣ мѣстнаго патриотизма:

«Въ настоящее время мы наблюдаемъ, что жизнь духовная вся сосредоточивается въ столицахъ. Провинція представляетъ пустыню. Провинціальное общество очень сонно, не реагируетъ на внѣшнія событія.

На границѣ государства совершаются разныя событія, угрожающія отечеству гибелью. Въ столицахъ общество начинаетъ шевелиться, но въ провинціи—никакого движенія. Провинція лежитъ какъ неподвижное тѣло, какъ бы парализованное какими-то ядовитыми уколами или придавленное производящими кошмаръ чудовищами.

Необходимо пробудить провинцію къ дѣятельности. Нужно пробудить въ провинціи творческую дѣятельность и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ законодательствѣ.

Процессъ расчлененія пугаетъ робкихъ публицистовъ, они думаютъ, что тутъ и конецъ Россіи. Этотъ страхъ напрасный: расчлененіе еще не есть распаденіе,—есть могущественная сила, которая всегда области русской территоріи будетъ удерживать въ связи и единеніи.

Эта сила—русская литература и тотъ духовный багажъ, который созданъ творческимъ духомъ русской народности. Изъ этой власти мы никогда не выйдемъ. Мы всегда будемъ чувствовать на себѣ власть этой силы.

Когда въ нашемъ обществѣ раздаются смѣлыя гражданскія слова, въ родѣ словъ Лермонтова—«На смерть Пушкина», или въ родѣ толстовскихъ—«Не могу молчать»,—всѣ русскія сердца начинаютъ волноваться до самыхъ окраинныхъ предѣловъ русской территоріи. И какъ бы центробѣжные ручьи русской жизни ни сдѣлались многочисленны, какъ бы русскія области въ своемъ стремленіи къ самоопредѣленію ни разошлись далеко одна отъ другой въ своихъ культурныхъ особенностяхъ,—всегда смѣлый,

честный, искренний голосъ русской публицистики заставить насъ всѣхъ почувствовать, что мы одинъ народъ.

И потому, господа, напрасно не трепеща за судьбу Россіи, въ полной надеждѣ на ея культурный расцвѣтъ и славное будущее, снимаемъ съ нея пеленки, которыя окутываютъ ея тѣло. Пусть въ воздухѣ свободно расправятся члены этого тѣла» («Сиб. Ж.»).

Къ ревизіи одесскаго учебнаго округа. Ревизія одесскаго учебнаго округа, для которой, по убѣжденію одесситовъ, хватило бы дѣла на цѣлый мѣсяцъ, какъ-то очень скоро закончилась. Можно допустить, что, обладая всей полнотой власти, она собрала достаточно фактическаго матеріала, чтобы оправдать основательность своего назначенія. Но въ дѣятельности каждаго учрежденія есть много такихъ дѣлъ, которыя нигдѣ не запротоколированы и на первый взглядъ не видны, но которыя и составляютъ систему учрежденія, его душу. Душой г. Смольянинова, попечителя одесскаго округа, владѣютъ образы Кассо и Столыпина. Начавъ съ культа «потѣшныхъ», доведеннаго до забвенія образовательныхъ задачъ школы, г. Смольяниновъ, какъ только ослабла мода на «потѣшныхъ», приналегъ на осуществленіе «національныхъ завѣтовъ Столыпина». Началось гоненіе на «жидовъ» и «мазепинцевъ», причемъ попечитель округа не стѣснялся ни средствами обнаруженія ихъ, ни способами преслѣдованія. Такъ, напримѣръ, являясь въ частныя учебныя заведенія, содержимыя евреями, попечитель учинялъ «разность» преподавателямъ русскимъ за то, что они «служатъ жидамъ», стали «жидовскими наймитами». Около попечителя вскорѣ образовался соотвѣтственный кадръ «кассо-столыпинцевъ», изъ которыхъ наиболѣе рѣзвые индивидуумы успѣли уже сдѣлаться директорами, инспекторами гимназій. Эти носители «духа» разсѣяны по всему округу, и одесситы не безъ тревоги раздумываютъ надъ тѣмъ, какъ въ конкретныхъ условіяхъ будутъ осуществляться прекрасныя слова гр. Игнатѣева, выражающія увѣренность, что «всѣ лица, призванныя къ руководству школой, получивъ необходимую полноту власти, воспользуются ею не только для цѣлесообразнаго примѣненія дѣйствующихъ правилъ, но и проявятъ инициативу для борьбы съ отрицательными явленіями въ школьной жизни», и пр. Не похоже ли на насмѣшку, что «децентрализованные» Смольяниновы и ихъ ставленники приглашаются проявить инициативу для борьбы съ отрицательными явленіями, тогда какъ они сами и есть самое отрицательное явленіе въ нашей школѣ?» («Рѣчь», № 247).

Львовскіе заложники. Находящіеся въ Кіевѣ заложники обратились къ Верховному Главнокомандующему съ просьбой объ освобожденіи ихъ. Въ своемъ ходатайствѣ они указываютъ, что съ очищеніемъ Львова исчезла нужда въ заложникахъ и теперь заложники не знаютъ, за какія дѣйствія населенія Львова они несутъ отвѣтственность.

По распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго въ Кіевѣ образовано совѣщаніе по вопросу о заложникахъ. Состоялось первое засѣданіе членовъ этого совѣщанія.

Совѣщаніе выяснило, что въ Кіевѣ находятся слѣдующіе львовскіе заложники:

Отъ поляковъ—глава ордена іезуитовъ ксендзь Серпудъ, профессоръ львовскаго университета Дуниковскій, директоръ архива Чоловскій, профессоръ химіи Владзимірскій, членъ судебной палаты Левицкій, членъ окружнаго суда Любинецкій, членъ управы Ширмеръ, уѣздный судья Ганъ, директоръ банка Каучинскій, владѣлецъ гостиницы Кинеръ, управляющій контрольной палатой Холодецкій, гласный Тепферъ.

Отъ украинцевъ—викарій церкви св. Юра Шепанюкъ, адвокатъ Оедакъ, членъ суда Сосновскій, членъ управы Баньковскій, инспекторъ народныхъ училищъ Коцюба, членъ школьной дирекціи Матвѣевъ, директоръ банка Панькивскій, профессоръ Левицкій, директоръ національнаго музея Свѣнцицкій, адъюнктъ политехникума Бачинскій.

Отъ евреевъ—ректоръ львовскаго университета извѣстный физиологъ Бекъ, предсѣдатель львовской еврейской общины адвокатъ Діаментъ, предсѣдатель львовскаго общества врачей извѣстный окулистъ Ціонъ, присяжный повѣренный Рейкъ, крупный землевладѣлецъ Бернъ, крупные фабриканты Секлеръ и Сольдфруктъ и нѣсколько видныхъ львовскихъ купцовъ.

Совѣщаніе рѣшило заняться выясненіемъ положенія каждаго изъ перечисленныхъ заложниковъ отдѣльно («Русск. Слово»).

Въ дополненіе къ этому сообщенію «Русск. Слова» петроградскій «День» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Компетенція комиссіи по разсмотрѣнію дѣлъ о заложникахъ гор. Львова расширена. Ей поручено разсматривать, по мѣрѣ поступленія, дѣла и другихъ заложниковъ, взятыхъ нашими войсками въ разныхъ мѣстностяхъ и городахъ Австріи, а также административно выселенныхъ галичанъ разныхъ національностей. На послѣднемъ засѣданіи при разсмотрѣніи одного дѣла возникъ вопросъ о томъ, какъ поступать съ лицами, которыхъ комиссія признаетъ возможнымъ освободить: дѣлать ли распоряженія отъ имени предсѣдателя комиссіи, или же входить съ соотвѣтствующими представленіями къ высшимъ военнымъ властямъ. Для выясненія этого вопроса предсѣдатель комиссіи баронъ Кноррингъ на-дняхъ выѣзжаетъ въ ставку главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта.

Какъ передаютъ «К. М.», вопросъ объ освобожденіи львовскихъ заложниковъ отъ польскаго населенія и отъ евреевъ будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Что же касается русинъ и малороссовъ, то о нихъ будетъ сдѣланъ особый докладъ.

Въ комиссію о заложникахъ поступило ходатайство отъ имени 700 галичанъ-евреевъ, административно высланныхъ въ Нижній-Новгородъ. Евреи ходатайствуютъ передъ комиссіей о разрѣшеніи имъ возвратиться къ себѣ на родину («День», № 278).

Кіевское отдѣленіе Русскаго Народнаго Совѣта Прикарпатской Руси. Въ виду послѣдовавшей эвакуаціи главной массы карпаторусскихъ бѣженцевъ въ область Войска Донскаго Русскій Народ-

ный Совѣтъ Прикарпатской Руси, временно находившійся въ Кіевѣ, перенесъ свою дѣятельность въ Ростовъ-на-Дону.

Для призрѣнія же тѣхъ карпато-русскихъ бѣженцевъ, которые еще почему-либо остались въ Кіевѣ, и для направленія въ глубь Россіи новыхъ бѣженцевъ-галичанъ, прибывающихъ въ Кіевъ изъ губерніи Юго-западнаго края, учреждено особое кіевское отдѣленіе Народнаго Совѣта Прикарпатской Руси, контора котораго помѣщается на Львовской ул., д. № 45, гдѣ также находится и пріютъ для карпато-русскихъ бѣженцевъ-интеллигентовъ. Завѣдываніе кіевскимъ отдѣленіемъ поручено г. Ю. Яворскому. («Кіевъ»).

Изъ дѣятельности народнаго совѣта русской партіи. М. Анчарова на столбцахъ «Пріазовскаго края» (13 окт.) дѣлится своими впечатлѣніями отъ посѣщенія пріютовъ для галичанъ, эвакуированныхъ въ Ростовъ-на-Дону. Впечатлѣнія эти тяжелыя, угнетающія. При посѣщеніи г-жей Анчаровой пріюта для гимназистовъ-галичанъ ей сообщили слѣдующее:

«Мы получаемъ по полтиннику въ день изъ конторы нашего народнаго совѣта, да только неаккуратно очень. Студентамъ лучше,—имъ сразу выдаютъ за мѣсяцъ пятнадцать рублей, а намъ выдаютъ рубля по три, а потомъ ходи двѣ недѣли, пока опять получишь... Часто безъ обѣда сидимъ.

Перехожу въ другую комнату. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ коекъ, одни грязные комочки постелей лежатъ у стѣнъ на полу...

Тягостная картина. На полу приходится спать, ѣсть, сидѣть... Жизнь обращается въ какую-то звѣриную...

Въ слѣдующей комнатѣ на койкѣ лежитъ, широко раскрывъ глаза, юноша лѣтъ семнадцати. Лицо пылаетъ.

— Что съ нимъ?

— Боленъ. У насъ часто болѣютъ.

Сначала здѣсь полежитъ, потомъ въ больницу забираютъ. Одинъ товарищъ умеръ на-дняхъ. Мы только черезъ два дня послѣ смерти его узнали объ этомъ. Пришли въ больницу проститься, а онъ въ покойницкой на полу лежитъ, голый совсѣмъ. Обратились въ народный совѣтъ, просимъ похоронить товарища, а они отвѣчаютъ, что это роскошь—«одѣвать нужно живыхъ, а не мертвыхъ»... Обидно намъ стало. Сложились сами, одѣли его, гробъ купили; пригласили священника для отпѣванія... Не зарывать же человѣка какъ собаку»...

При посѣщеніи пріюта для галичанъ-курсистокъ, вывезенныхъ изъ Галичины членомъ Думы Чихачевымъ, курсистки сообщили:

— Намъ еще весной привезъ въ Кіевъ учиться членъ Государственной Думы Чихачевъ. Мы во Львовѣ учительскую семинарію кончили, а въ Кіевѣ предполагали учиться русскому языку. Поступили на специально для насъ открытые двухмѣсячные курсы. Потомъ въ связи съ военными событіями срокъ нашего пребыванія на курсахъ продолжили еще на три мѣсяца, а теперь насъ привезли сюда вмѣстѣ съ эвакуированными изъ Кіева бѣженцами-галичанами. Что съ нами будетъ, не знаемъ. Все мечтаемъ, что война кончится, вернемся на родину.

— Тамъ все сожгли, говорятъ, а жителей убили,—вмѣшалась другая въ разговоръ, высокая, красивая дѣвушка съ грустными глазами,—кто насъ тамъ встрѣтитъ?.. Кого тамъ найдемъ?..

Я молчу... Нѣтъ у меня словъ утѣшенія... Молчать и дѣвушки... Вздыхаютъ...

Опять обхожу холодныя, сырыя комнаты съ грустными узелочками у стѣнъ на полу...

— Что вы дѣлаете по цѣлымъ днямъ?

Я, видно, затронула больное мѣсто. Всѣ заговорили.

— Скучаемъ, томимся... Хотя бы книгъ дали или работу какую-нибудь... Для развлечения въ контору народнаго совѣта ходимъ, да и этого скоро нельзя будетъ дѣлать; наступаютъ холода, а у насъ съ собой теплаго ничего нѣтъ. Да и грустно бывать тамъ, на крестьянъ нашихъ глядѣтъ тяжело, имъ еще хуже нашего несчастнымъ живется. Получаютъ по двадцать копеекъ въ день, да и то не всѣ, съ голоду, говорятъ, умираютъ...

За ново-поселенскомъ кладбищемъ, на Лермонтовской улицѣ, въ сыромъ темномъ подвалѣ устроены пріюты для бѣженцевъ-галичанъ на сто человѣкъ.

Мужчины, женщины, дѣти сидятъ и лежатъ на нарахъ и на полу.

Дѣти сплошь кашляютъ... Тяжелый надрывной кашель не переставалъ раздаваться въ углахъ все время, пока я тамъ была...

Восковыя лица и не по-дѣтски покорные глаза малютокъ... Ни крика дѣтскаго, ни движенія... Откашливается ребенокъ и замолчитъ... И опять смотрятъ съ печальной покорностью дѣтскіе глазки...

Апатичны и взрослые. Большинство сидитъ какъ-то тупо застывши и, видимо, не ощущаетъ жизни, а терпитъ ее минута за минутой въ нѣмомъ отчаяніи. Задаю обычные вопросы.

— Что дѣлаете, гдѣ кормитесь, гдѣ деньги получаете?..

Системы здѣсь нѣтъ никакой. Нѣкоторые получаютъ обѣдъ на Скобелевской улицѣ, но туда очень далеко ходить—версты двѣ... Другихъ кормили прежде на вокзалѣ, теперь отказываютъ въ обѣдѣ, посылаютъ въ контору за пайкомъ. Паекъ, двугривенный въ день, выдается конторой народнаго совѣта очень неаккуратно. Нѣкоторые по недѣлямъ ходятъ, пока получаютъ его».

Присоединеніе къ православію дѣвочекъ-галичанокъ. 4 сентября въ Кіево-Межигорскомъ женскомъ монастырѣ присоединены къ православію 60 душъ униатокъ-галичанокъ, бѣженцевъ г. Львова, гдѣ онѣ учились въ разныхъ училищахъ и откуда въ маѣ прибыли въ Кіевъ и были поселены въ числѣ 120 душъ въ Межигорскомъ монастырѣ. Проводившія все лѣто въ учебныхъ занятіяхъ на подготовительныхъ курсахъ, дѣвочки каждое утро и вечеръ стройными рядами проходили въ соборный храмъ и здѣсь усердно на колѣняхъ прочитывали утреннія и вечернія молитвы.

Послѣ подачи галичанками коллективнаго прошенія митрополиту кіевскому и галицкому объ архипастырскомъ благословеніи имъ присоединиться къ православію и послѣ полученія такового

благословенія всѣ галичанки, въ числѣ 60 человѣкъ, были присоединены 4-го сентября, въ день памяти святителя Іосафа Бѣлгородскаго, получившаго въ Межигорскомъ мужскомъ монастырѣ первое свое постриженіе въ иноки. Чинъ присоединенія посредствомъ исповѣди и причащенія св. Таинъ совершилъ протоіерей Зиновій Гребелѣтскій, привѣтствовавшій новоприсоединившихся прочувствованною рѣчью.

Въ настоящее время всѣ дѣвочки-галичанки со своими надзирательницами и учительницами и со всѣмъ своимъ имуществомъ, послѣ путешествія на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, «нашли себѣ, какъ выразились галичанки въ письмахъ, обѣтованную землю» въ гор. Бердянскѣ Таврической губерніи, гдѣ наняли роскошное въ 18 комнатъ помѣщеніе, съ электрическимъ освѣщеніемъ, ваннами и со всѣми удобствами для хозяйства, гдѣ онѣ надѣются благополучно прожить до возвращенія на родину въ Галичину.

Сообщеніе это взято нами изъ «Кіева» (№ 627), который не приводитъ данныхъ о возрастѣ дѣвочекъ, подавшихъ коллективное прошеніе о переходѣ въ православіе.

Выселенцы-галичане. Московскій американскій консулъ, который принялъ на себя защиту интересовъ галичанъ-выселенцевъ, получилъ вчера двѣ телеграммы изъ Казани. Первая телеграмма извѣщаетъ консула о томъ, что въ Казань присланы большія партіи выселенцевъ-галичанъ. Они будутъ расселены по губерніи. Всѣ галичане—безъ средствъ. Положеніе критическое. Вторая телеграмма сообщаетъ, что расселяться галичанамъ по уѣзднымъ городамъ придется или на подводахъ, или пѣшкомъ. Консула просятъ о томъ, чтобы онъ возбудилъ ходатайство объ оставленіи галичанъ въ селахъ Казанскаго уѣзда и въ Свияжскѣ.

Консулъ ходатайствуетъ, чтобы галичане-выселенцы были сосредоточены въ крупныхъ центрахъ, такъ какъ это въ значительной степени сократитъ расходы по ихъ содержанію путемъ устройства коллективныхъ квартиръ и кухонъ и дастъ возможность въ каждую колонію направить спеціальнаго уполномоченнаго. Такіе уполномоченные необходимы для выселенцевъ, такъ какъ они совершенно не знаютъ русскаго языка.

Вчера американскій консулъ отправилъ своего уполномоченнаго въ Казань для выясненія на мѣстѣ вопроса о положеніи выселенцевъ-галичанъ и возможности оставленія ихъ въ Казани. вмѣстѣ съ тѣмъ консулъ телеграфировалъ казанскому губернатору, прося его не эвакуировать выселенцевъ-галичанъ до прибытія въ Казань уполномоченнаго консула.

Изъ Троицка Оренбургской губерніи консулу сообщили, что проживающіе тамъ выселенцы-галичане эвакуируются въ Кутанайскій уѣздъ. У консула просятъ субсидій на покупку обуви и бѣлья для выселенцевъ, на наемъ квартиръ.

Изъ Калуги американскому консулу телеграфируютъ о томъ, что въ тамошнихъ тюрьмахъ находится до 30 евреевъ-галичанъ, австрійскихъ подданныхъ. Въ виду того, что большинство галичанъ, содержавшихся въ другихъ тюрьмахъ, уже освобождено, за

самыми малыми исключениями, американскій консулъ обратился въ Калугу къ прокурору окружнаго суда съ просьбой сообщить, не найдетъ ли онъ возможнымъ освободить этихъ выселенцевъ. («Русскія Вѣдомости», 16 окт.).

Къ привлеченію на окопныя работы бѣженцевъ-галичанъ. Волинскимъ губернаторомъ получена отъ главнаго начальника снабженія арміи юго-западнаго фронта телеграмма слѣдующаго содержанія: «Галичане-бѣженцы, разселенные по нѣмецкимъ колоніямъ, равно устроенные въ другихъ селеніяхъ, подлежатъ принудительному наряду на окопныя или дорожныя и другія казенныя и земскія работы наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ. Всѣмъ галичанамъ-бѣженцамъ, разселеннымъ по нѣмецкимъ колоніямъ на свободныя мѣста, главнокомандующій приказалъ прекратить выдачу казеннаго продовольствія и выдавать его лишь тѣмъ семьямъ, въ которыхъ нѣтъ трудоспособныхъ мужчинъ («Кіевъ», 6 октября).

Галиційскіе евреи въ Нарымскомъ краѣ. Въ засѣданіи петроградскаго комитета отдѣла о-ва охраненія народнаго здоровья еврейскаго населенія было заслушано письмо томской еврейской общины къ иркутской общинѣ съ просьбою объ оказаніи помощи галиційскимъ евреямъ, высланнымъ въ Нарымскій край.

«Въ настоящее время,—говорится въ этомъ письмѣ,—въ Нарымскомъ краѣ проживаютъ сотни, если не тысячи, евреевъ, высланныхъ туда административнымъ порядкомъ изъ Галиціи и Европейской Россіи до окончанія войны. Значительное число этихъ несчастныхъ пришло безъ всякихъ средствъ и безъ всякой надежды получить какую-либо помощь изъ родныхъ мѣстъ, охваченныхъ войной. Разоренные дома, изнуренные долгимъ этапнымъ путемъ, полуголые, полубосые, они сотнями проходили черезъ Томскъ, съ нѣмымъ отчаяніемъ въ глазахъ и мучительной мольбой о помощи на устахъ. Но что могли сдѣлать мы со своими маленькими силами? Нужны были крупныя тысячи,—а имѣлись считанныя сотни. Не хватило средствъ даже на то, чтобы крайне нуждающихся снабдить одной смѣной бѣлья и пищей на пути до мѣста ссылки. Объ одеждѣ и обуви и мечтать не приходилось. Нынѣ эти несчастные братья наши взываютъ къ намъ изъ своихъ далекихъ заброшенныхъ деревень и селъ. Приближается долгая, суровая сибирская зима, а у сотенъ людей не въ чемъ выходить днемъ и ночью укрываться ночью. Давно ли они были сами хозяевами, давно ли ихъ грѣло теплое солнце Галиціи и безбѣдно кормила кипучая, богатая Польша?»

Комитетъ иркутскаго отдѣла о-ва охраненія народнаго здоровья еврейскаго населенія постановилъ оказывать планомѣрную помощь невольнымъ нарымскимъ жителямъ. Размѣръ этой помощи, а также источники, откуда можно будетъ черпать средства, рѣшено выяснить по соглашенію съ другими еврейскими благотворительными организаціями въ Иркутскѣ («День», 11 сентября, № 250).

Библіографія.

Украинскій литературный отдѣлъ Новаго „Энциклопедическаго Словаря“.

Въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона, какъ и въ первомъ изданіи «Словаря», съ особой тщательностью поставленъ отдѣлъ литературный. Къ сотрудничеству въ отдѣлѣ подъ общей редакціей проф. С. А. Венгерова приглашенъ рядъ извѣстныхъ критиковъ и историковъ литературы. Статьи, посвященныя «Словаремъ» нѣкоторымъ писателямъ, представляютъ собою нерѣдко обстоятельныя изслѣдованія, далеко выходящія за рамки справочныхъ цѣлей. Редакція стремится при этомъ къ постоянному улучшенію отдѣла, къ большей современности его литературныхъ оцѣнокъ. Такъ, напримѣръ, даже инныя обстоятельныя статьи, принадлежащія перу извѣстныхъ специалистовъ, о писателяхъ-классикахъ (напр., о Лермонтовѣ, Достоевскомъ) въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» замѣнены новыми работами.

Тѣмъ большаго упрека заслуживаетъ недостатокъ необходимой тщательности, отсутствіе общаго плана и выдержанности, проявляемые «Словаремъ» въ отношеніи къ украинской литературѣ. Въ «Новый Словарь» введенъ рядъ именъ украинскихъ авторовъ, въ первомъ изданіи «Словаря», характеризованныхъ лишь въ извѣстной работѣ И. Франка «Южно-русская литература», помѣщенной въ 81 полутомѣ. Но сдѣлано это безъ всякаго плана: удѣляя мѣсто для литературной характеристики такихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ авторовъ, какъ Вербицкій, Забѣлла и т. п., «Новый Словарь» о такомъ крупномъ литературномъ дарованіи, какъ О. Кобылянская, ограничивается слѣдующими строками: «Кобылянская, Ольга—украинская писательница (родилась въ 1065 году); сторонница равноправности женщинъ. Напечатала до 20 повѣстей и рассказовъ, лучшіе изъ нихъ—«Природа» (1895), «Битва» (1896), «Некультурна» (1897) и „Valse Melancolique“ (1898)».

Статья объ И. С. Левицкомъ почти-что ограничивается библиографіей. Литературная оцѣнка исчерпывается слѣдующими строками: «Повѣсти Левицкаго отличаются серьезнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ народной жизни и добросовѣстнымъ ея изученіемъ. Основное стремленіе автора — нравственное объединеніе всѣхъ слоевъ украинскаго населенія на народныхъ началахъ».

Ограничиться сказаннымъ въ оцѣнкѣ такого центрального въ исторіи украинской художественной прозы автора, какъ И. С. Левицкій, о блестящемъ литературномъ дарованіи Кобылянской сообщитъ: «сторонница равноправности женщинъ» и въ то же время больше мѣста удѣлять оцѣнкѣ, Забѣллы, какъ бы ни было интересно мѣсто послѣдняго въ украинскомъ литературномъ развитіи, значитъ обнаружить полное отсутствіе плана и перспек-

Но лучше ужъ знать о Кобылянской, что она «сторонница тивы.

равноправности женщинъ», а о Левицкомъ, что его повѣсти «отличаются серьезнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ народной жизни», чѣмъ имѣтъ дѣло съ оцѣнкой, подобной той, какая дана въ послѣднемъ (24) томѣ «Новаго Словаря» о Лесѣ Украинкѣ. О ней читаемъ: «Сборникъ стихотвореній Л. «На крилахъ пісень» вышелъ въ 1893 году, затѣмъ въ 1904 году. Обычный ихъ недостатокъ—многословіе. Съ выходомъ 2-го изданія лучшія стороны поэзіи Л. выступаютъ болѣе рельефно». Какія «лучшія стороны» имѣются въ виду,—предоставляется догадываться читателю. Затѣмъ добавляется: «Собственно Малороссія въ поэзіи Л. представлена мало; нѣтъ ни украинской природы, ни украинскаго народнаго быта. Съ Малороссіей Л. связываетъ главнымъ образомъ языкъ». Въ дальнѣйшихъ библиографическихъ указаніяхъ упоминается (только упоминается) о прозаическихъ произведеніяхъ писательницы и даже не упоминается (!) объ ея стихотворныхъ драмахъ, среди которыхъ имѣются такіе шедевры, какъ «Оргія», «Адвокатъ Мартіянъ» и др. Такъ оцѣнена и характеризована писательница, представляющая собой крупную и столь своеобразную величину въ новѣйшей украинской литературѣ, о которой автору замѣтки слѣдовало бы прочесть хотя бы слѣдующія строки Франка въ 81 полutomѣ «Словаря» перваго изданія: «Здѣсь (въ лирической поэзіи) на первомъ мѣстѣ стоитъ сильный талантъ Л. Украинки, у которой нота глубокой гражданской скорби сливается съ энергической рѣшимостью бороться за осуществленіе высокихъ идеаловъ и съ нѣсколько аскетическимъ отреченіемъ отъ личныхъ удовольствій (см. особенно ея прекрасный драматическій этюдъ «Одержима»)»...

Повидимому, авторъ замѣтки о Л. Украинкѣ стоитъ на струвинской точкѣ зрѣнія въ отношеніи къ украинской литературѣ: нѣтъ у Л. Украинки въ лирической поэзіи украинской природы, украинскаго народнаго быта, и онъ меланхолически заявляетъ: кромѣ языка, ничего «малороссійскаго»...

И никакого чутья, что въ лицѣ Л. Украинки мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ высшихъ достиженій украинской литературы въ ея новѣйшей эволюціи! «Новый Словарь» и въ отношеніи терминологіи двойствененъ: въ статьяхъ г. Могилянскаго, а также въ нѣкоторыхъ анонимныхъ статьяхъ (напримѣръ, въ краткой, но вполне отвѣчающей своему назначенію статьѣ «Леонтовичъ, В. Н.»), твердо установленъ терминъ «украинскій писатель», «украинская литература», эти статьи (напримѣръ, статьи г. Могилянскаго «Коцюбинскій, М. М.», «Винниченко, Вл.» и др.)

имѣють въ виду и новѣйшія работы по исторіи украинской литературы. Въ статьяхъ проф. Сумцова, перепечатаваемыхъ въ «Новомъ Словарѣ» изъ «Словаря» 1-го изданія, всюду «малорусскій писатель», «малорусская литература», что объясняется условіями времени, когда статьи писались. Въ новомъ изданіи слѣдовало статьи, написанныя много лѣтъ тому назадъ, пересмотрѣть не только на предметъ ихъ сокращенія, но и для принятія во вниманіе результатовъ новѣйшихъ работъ, чего не сдѣлано, къ сожалѣнію. Повидимому, мы имѣемъ дѣло съ редакціонными измѣненіями безъ участія въ нихъ уважаемаго автора статей. Оттого въ нихъ и не измѣнена терминологія и весь «Новый Словарь» страдаетъ въ этомъ отношеніи указанной двойственностью.

Редакція «Новаго Энциклопедическаго Словаря», несомнѣнно, многое сдѣлала для постановки украинскаго литературнаго отдѣла въ соотвѣтствующемъ современнѣмъ литературнымъ требованіямъ масштабѣ и на правильныхъ литературныхъ началахъ. Къ сожалѣнію, при этомъ не было выработано предварительнаго плана, и во многихъ отношеніяхъ улучшенія «Новаго Словаря» носятъ печать случайности. Этимъ объясняются и указанные въ нашей замѣткѣ дефекты «Словаря» въ интересующемъ насъ отдѣлѣ.

Андрійко.

Буковина („Зелена Русь“) и ея прошлое. *Историко-географическій очеркъ съ 36-ю рисунками. К. Баладыженко. Петроградъ.*

На пятидесяти небольшихъ страницахъ авторъ сжато излагаетъ географію и исторію Буковины, ознакомляя такимъ образомъ читателя съ ея прошлымъ и настоящимъ. Очеркъ написанъ легко и читается съ увлеченіемъ. Видное мѣсто отвелъ авторъ искусству Буковины въ его прошломъ и настоящемъ, что, однако, въ виду ея живой связи съ начертаннымъ авторомъ образомъ культурнаго развитія не утомляетъ, а, напротивъ, возбуждаетъ живой интересъ. Буковина—страна необыкновенно интересная благодаря тѣмъ особенностямъ, которыя создались въ теченіе столѣтій ея исторической и культурной жизни. Несмотря на полное національное единство съ примыкающей къ ней Галиціей, Буковина жила своей отдѣльной жизнью, во многомъ отличающейся отъ создавшихся условій общественной и культурной жизни въ Галиціи. Въ настоящемъ особенности эти проявлялись съ большой выразительностью, и жители этой небольшой страны сознательно поддерживали всѣ эти особенности, противопоставляя себя галичанамъ. Историкъ, желающій нарисовать вѣрный образъ страны, будетъ вынужденъ освѣтить эти интересныя страницы ея культурной жизни, создавшейся въ преобладающей части подъ значительнымъ вліяніемъ нѣмецкой культуры. Конечно, въ узкихъ рамкахъ очерка невозможно даже затронуть подобнаго рода вопросы, и очеркъ г. Баладыженко не можетъ претендовать на исчерпывающую полноту.

Но въ предѣлахъ популярнаго очерка авторъ въ достаточной степени справился со своей задачей. Книжка Баладыженко несомнѣнно найдетъ своего читателя. Было бы желательно, чтобы во-второмъ изданіи сложныя отношенія Буковины, создавшіяся на почвѣ вліянія нѣмецкой культуры и острыхъ національных конфликтовъ, нашли болѣе обстоятельное освѣщеніе.

О. П—къ.

Е. Ф. Тураева-Церетели и Е. И. де-Витте. *„Галицкая Русь въ ея прошломъ и настоящемъ“*. Съ рис. и картой. М. 1915 г. Ц. 50 к.

Довольно изящно, хотя нѣсколько небрежно изданная брошюра, четкая печать, отчетливые и недурно подобранные (въ первой части) рисунки, и все-же невольно напрашивается: для кого и для чего издана эта брошюра?

Было бы несправедливо назвать ее преднамѣренно тенденціозной, мѣстами она почти недурна, но вездѣ наивна, и наивность эта вмѣстѣ со склонностью къ эклектизму и излишней довѣрчивостью приводитъ авторовъ зачастую къ выводамъ, отдающимъ дурнымъ трафаретомъ.

Весьма возможно, что наивность — качество изящное и граціозное, а довѣрчивость—признакъ чистоты душевной, но и то, и другое, привнесенное въ научно-популярную брошюру, приводитъ къ выводамъ чрезвычайно спорнымъ, стираетъ всю своеобразность жизни Галичины, дѣлаетъ ее безкровной, мертвенно-однообразной и скучной. И въ результатѣ получается нѣчто весьма туманное и неуловимое, хотя и словъ хорошихъ сказано немало, и всѣ знаки препинанія на мѣстахъ. Неуловимостью разбираемая брошюра страдаетъ въ такой мѣрѣ, что зачастую это не галицкая, а прямо-таки «сверхгалицкая» исторія,—досто-того стерть съ нея весь мѣстный колоритъ.

Брошюра распадается на два очерка: первый озаглавленъ «Галицкая Русь отъ древности до нашихъ дней», второй—«Галичина». Въ чемъ заключается разница между обѣими статьями,—по заглавію опредѣлить невозможно, такъ какъ Галицкая Русь—та же Галичина. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что первый очеркъ—кое-какъ состряпанный обзоръ исторіи и современной жизни Галичины, а второй...—путеводитель по главнымъ галицкимъ городамъ и ихъ окрестностямъ. Итакъ, что легло въ основу этой работы: научно-популярный очеркъ или путеводитель? Вопросъ, тѣмъ болѣе трудно разрѣшимый, что во всякомъ порядочномъ гидѣ помѣщается историческій очеркъ, къ которому авторъ въ большинствѣ относится довольно поверхностно и рисуеъ прошлое въ такой же мѣрѣ приблизительно, какъ гг. де-Витте и Тураева-Церетели; во-вторыхъ, «гидизмъ» занимаетъ очень почетное мѣсто въ разбираемой брошюрѣ: ему отведено 25 страницъ изъ 69. Такъ же неясно, и для кого она предназначается: для туриста, собирающагося посѣтить Галичину, или просто для любознательнаго читателя. Во всякомъ случаѣ

можно поручиться, что для перваго ея второй очеркъ будетъ много нужнѣе, чѣмъ для послѣдняго, такъ какъ «прикладная» часть можетъ ему слегка помочь при обзорѣ городовъ, но для чего человѣку, въ путешествіе не собирающемуся, человѣку, у котораго нѣтъ никакой надежды сдѣлаться когда-либо «европейскимъ туристомъ» (а для него-то именно и пишутся научно-популярныя брошюры), для чего ему свѣдѣнія о томъ, напри-мѣръ, что древнее урочище Волославье въ Галичинѣ лежитъ «съ лѣвой стороны дороги, ведущей къ с. Крылосу и теперь продолжающееся до усадьбы мѣщанина Сеплова» (стр. 61), или же что въ Енерѣ (сѣв. Венгріи) можно отправиться «въ омнибусъ и фаэтонъ изъ извѣстнаго европейскимъ туристамъ Попрадь-Фюлке, на линіи Рутка-Кошицы» (стр. 69)? А между тѣмъ количество такихъ цитатъ можно привести немало и практической части отдано болѣе третьей части брошюры. Не болѣе ли бы соотвѣтствовало интересамъ широкой читательской массы, къ которой аппелируютъ авторы, дать на этихъ 25 страницахъ хорошій основательный очеркъ политической, экономической и культурной жизни Галичины?

Вѣдь къ услугамъ нуждающихся въ гидѣ есть цѣлый рядъ специальныхъ изданій, къ которымъ они могутъ обратиться; если же авторы предполагали выпустить еще одну работу такого сорта, такъ и надо было ее озаглавить: «Путеводитель по Галичинѣ съ историческимъ очеркомъ», тогда ни у кого не было бы никакихъ сомнѣній относительно ея характера. Нужно добавить, что и указатель достопримѣчательностей составленъ весьма неполно: напри-мѣръ, во Львовѣ есть кое-что любопытное и кромѣ москвофильскихъ учреждений, на которыхъ только и останавливаются авторы, хотя бы украинскій національный музей, музей Научнаго Общества имени Шевченка и др.

Совершенно неудаченъ и первый очеркъ. Авторы не разобрались въ условіяхъ жизни и національных отношеніяхъ Галичины, не представляютъ ихъ себѣ вполне отчетливо да къ тому же слишкомъ приняты на-вѣру москвофильскія толкованія, отчего если и выиграло москвофильство, то утратилъ правдивость и жизненность весь очеркъ, а брошюра испещрена такими выводами и утвержденіями, которые были бы невозможны, если бы авторы отнесли болѣе вдумчиво и менѣе доверчиво къ предлагаемому матеріалу. Я не буду приводить доказательствъ необоснованности, — ихъ можно найти почти на каждой страницѣ перваго очерка, но утвержденіе, что конституціонная эра ничего не дала Галичинѣ и даже «все болѣе закрѣпощала» ее и др., право, кажутся просто недоразумѣніемъ, такъ какъ кому же придетъ въ голову, что приобрѣтеніе національной школы, ростъ вліянія въ рейхсратѣ и сеймѣ, ростъ культурныхъ и экономическихъ организацій — признаки закрѣпощенія націи, а не наоборотъ? Да и цифровой матеріалъ, приводимый въ брошюру для иллюстраціи положенія Галичины, слишкомъ устарѣлъ, такъ какъ и въ сеймѣ въ послѣднее время было не 11 депутатовъ и въ парламентѣ не 7 (кстати, австрійскій парламентъ называется рейхсратъ, а не рейстагъ, какъ думаютъ составительницы).

Совершенно непонятен полемический выпадъ въ сторону «мовы» проф. М. Грушевскаго, для которой будто бы украинскія пѣсни являются «блестящимъ опроверженіемъ». Во-первыхъ, чтобы судить объ языкѣ,—нужно его знать, а позволительно очень сомнѣваться, чтобы составительницы брошюры, допускающія согласованіе о «велика русска маты», украинскій языкъ знали, а, во-вторыхъ, если ужъ говорить о народныхъ пѣсняхъ, то, безъ сомнѣнія, языкъ «ученыхъ изданій» проф. Грушевскаго къ нимъ безконечно ближе, чѣмъ смѣшанно-изломанное нарѣчіе русско-московфильскаго «прарусскаго» языка.

Добавлю еще, что авторы сдѣлали бы большое одолженіе читателю, выражаясь нѣсколько яснѣе и не заставляя его тратить время на отысканіе смысла фразъ. Что можетъ значить, на-примѣръ, «съ введеніемъ уніи 1596 года началась еще болѣе ожесточенная борьба, ибо Галицкая Русь уніи не приняла, и положеніе ее рисуется въ простотѣ львовскаго братства 1508 года» (стр. 31). Думаю, что не ошибусь, сказавъ, что эта фраза не только загадочна, но прямо бессмысленна, да къ тому же какъ можетъ львовское братство рисовать положеніе Галичины послѣ уніи 1596 года въ 1508, т.-е. почти за 90 лѣтъ до событія?

Обобщая все сказанное, приходится прійти къ заключенію, что брошюра гг. де-Витте и Тураевой-Церетели—работа нехорошая и ненужная, такъ какъ ничего цѣннаго она не даетъ, а то, что даетъ, невѣрно освѣщаетъ.

Среди рисунковъ, въ общемъ недурныхъ, есть одинъ, производящій комичное впечатлѣніе: галичанинъ на фонѣ обычной обстановки провинціальной фотографіи средней руки, т.-е. портьера, мягкая мебель, какіе-то столики съ букетомъ цвѣтовъ и греческая колонна! Неужели нельзя было подобрать снимокъ въ условіяхъ болѣе естественныхъ, а то у неискушеннаго читателя невольно можетъ зародиться мысль: «Эге, какой же онъ бѣднякъ, если живетъ въ обстановкѣ мягкой мебели, греческихъ колоннъ и портьера? Избаловался народъ!»

Н. М.

С. Вознесенскій. *Славянство въ русской журналистикѣ 1896—1914 гг.* (Указатель статей). Петр. 1915 г. Изд. Карбасникова. Ц. 25 к.

Никто не станетъ возражать принципиально противъ нужности и важности указателя журнальной литературы: разобраться въ массѣ журналовъ за старые годы—дѣло трудное, требующее громадной затраты времени и энергіи, а между тѣмъ тамъ можно найти множество очень интересныхъ и цѣнныхъ статей, навсегда погребенныхъ, такъ какъ только очень немногимъ изъ нихъ удастся видѣть свѣтъ въ перепечаткахъ, да и то зачастую очень нескоро.

Съ другой стороны, журнальная статья является до нѣкоторой степени показателемъ текущаго момента, отраженіемъ общественной психики извѣстнаго времени, и съ этой стороны она

служить «бытовым» матеріаломъ въ гораздо большей степени: въ ней сохраняется гораздо больше мелкихъ, но характерныхъ штриховъ дѣйствительности, чѣмъ въ «толстомъ» ученомъ трудѣ. И поэтому указатель статей принципиально можно только при- вѣтствовать.

Но если для читателя трудно оріентироваться въ журнальной литературѣ, то не менѣе трудно сдѣлать это и составителю указателя: съ одной стороны кругъ журналовъ, захваченныхъ имъ, долженъ быть достаточно широкъ, съ другой—они должны быть тщательно использованы, и былъ бы приведенъ весь матеріалъ, заключающійся въ нихъ по данному вопросу, но не захвачено лишнее, наконецъ, проведена строгая систематизація такъ, чтобы указателемъ было удобно пользоваться.

«Указатель» г. Вознесенскаго захватываетъ сравнительно мало журналовъ, и нѣкоторые изъ нихъ совершенно упущены изъ виду, хотя на страницахъ ихъ было напечатано немало статей по вопросамъ славянства. Какъ на примѣръ, укажу хотя бы на «Украинскій Вѣстникъ» и «Московскій Еженедѣльникъ» (последній удѣлялъ большое вниманіе славянскимъ народамъ и печаталъ статьи о славянахъ А. Погодина, Е. и Г. Трубецкихъ, Б. Кистяковского и др.).

Да и журналы, пересмотрѣнные г. Вознесенскимъ, зачастую использованы далеко не полно: такъ, изъ «Украинской Жизни» указаны всего нѣсколько статей о Шевченкѣ. Кстати она не упоминается и въ списокѣ использованныхъ журналовъ, который вообще не полонъ (не указана и «Новая Жизнь», хотя ссылки на нея есть въ текстѣ, и «Трудъ и Искусство» и др.). Не менѣе случайно просмотрѣно «Новое Слово», несмотря на то, что о немъ не разъ упоминаетъ авторъ. Такъ, на примѣръ, указана статья Л. Василевскаго «Еще о выборахъ въ Галиціи, («Нов. Сл.», № 8, 1897 г.), но не приводится статья Водовозова «Политическіе выборы въ Галиціи» («Нов. Слово», 1897 г., № 7), хотя первая составляетъ лишь дополненіе второй. Особенно чувствуется этотъ пробѣлъ относительно Галичины: хотя «Указатель» захватываетъ и 1914 г., но статьи о Галичинѣ, появившіяся въ журналахъ, почти не указаны (напр., «Русск. Записки», 1914 г., № 2; «Вѣстн. Восп.» 1914 г., № 8—9, и др.). Зато нерѣдки случаи, когда г. Вознесенскій отсылаетъ къ статьямъ, въ данной книгѣ вовсе не напечатаннымъ. На примѣръ, въ отдѣлѣ VII «Австрийское славянство» въ рубрикѣ «Національный вопросъ въ Австро-Венгріи», стр. 56, указана статья Л. Василевскаго «Изъ Австріи» (обновленный рейхсратъ), «Русск. Бог.» 1897 г., № 11. Между тѣмъ въ указанной книгѣ такой статьи нѣтъ. То же самое со статьями М. Ратнера (въ той же рубрикѣ, стр. 58). «Борьба за всеобщее избирательное право въ Австріи», которая будто бы была помѣщена въ «Вѣстникѣ Европы» за 1913 годъ, №№ 6 и 12, тогда какъ не только статьи эти въ №№ 6 и 12 напечатаны не были, но и въ списокѣ авторовъ, помѣстившихъ свои работы въ «Вѣстникѣ Европы» за 1913 годъ, имени Ратнера не значится.

«Указателемъ» г. Вознесенскаго пользоваться зачастую довольно затруднительно. Напримѣръ, статьи объ украинствѣ разбросаны въ нѣсколькихъ отдѣлахъ : отдѣлъ II—«Украинство» (стр. 11—20), отдѣлъ IV—«Польша» (стр. 22—34), отдѣлъ VII—«Австрійское славянство» въ рубрикѣ 1-й «Национальный вопросъ въ Австро-Венгріи» (стр. 55—58) и 3-й—«Галиція, Буковина и Угорская Русь». По заглавію часто опредѣлить невозможно, значитъ, надо пересматривать безконечное количество журналовъ, въ которыхъ по украинскому вопросу можно долго и вовсе ничего не найти. Напримѣръ, въ отдѣлѣ VII («Национальный вопросъ въ Австро-Венгріи») упоминается статья К. Каутскаго «Кризисъ въ Австріи» (национальный вопросъ въ ней) («Правда», 1905 года, № 4). Судя по подзаголовку, можно надѣяться найти въ ней свѣдѣнія и о положеніи галичанъ, а между тѣмъ рѣчь идетъ лишь объ австро-венгерскихъ отношеніяхъ. И это примѣръ не единственный. Относительно нѣкоторыхъ статей прямо недоумѣваешь, почему онѣ попали въ тотъ или другой отдѣлъ. Почему, напримѣръ, статьи О. О. Воронова «Крестьянская реформа въ Юго-западномъ краѣ» («Вѣстникъ Европы», 1900 г., № 8—9), «Крестьянское дѣло въ Юго-западномъ краѣ» (тамъ же за 1902 г., №№ 1, 2 и 9) и «Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ» (тамъ же, 1901 г., № 7) попали въ отдѣлъ «Польша»? Трактуютъ онѣ о реформѣ 19 февраля 1861 г. Правобережной Украинѣ въ (Юго-западной Россіи), гдѣ масса населенія этнографически не польская, а по времени относится къ эпохѣ господства Россіи, а не польскаго государства.

Такимъ образомъ, вполнѣ соглашаясь съ г. Вознесенскимъ, что указатель журнальной литературы по славянству очень полезенъ и своевремененъ, нужно сказать, что данный «Указатель» обладаетъ досадными погрѣшностями въ видѣ неполноты, недостаточной систематичности и др. Пожелаемъ, чтобы въ уже обѣщанной 2-й части «Указателя», обнимающей журналы болѣе спеціального характера, погрѣшности 1-й части были приняты во вниманіе и авторъ выполнилъ свои заданія болѣе тщательно и обдуманно.

Н. М.

Джорджъ Рэссель. *Кооперация и національныя задачи. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Розенфельда. Подъ редакціей прив.-доц. В. Ф. Тотоміанца.* Москва, 1915 г. Универсальная Библиотека, № 637—638, Книгоизд. „Польза“, 20 к.

У возрождающихся къ національной жизни народностей кооперация пріобрѣтаетъ большое значеніе, какъ средство къ улучшенію экономическаго положенія народныхъ массъ и тѣмъ самымъ какъ факторъ, обеспечивающій прочное національное существованіе. Сочетаніе кооперативнаго движенія съ національнымъ, проявляющееся въ довольно своеобразныхъ формахъ и нѣсколько искажающее чистый кооперативный принципъ, можно

наблюдать у чеховъ, поляковъ, галицкихъ украинцевъ, ирландцевъ и другихъ. Кооперативная и національная идея являются у нихъ двумя силами, которыя взаимно переплетаются, питаютъ и поддерживаютъ одна другую. Сознательные кооператоры, въ силу тѣсной связи коопераціи съ общими условіями національной жизни, вовлекаются въ круговоротъ ея, и, наоборотъ, дѣятели національнаго возрожденія становятся нерѣдко въ первыхъ рядахъ кооператоровъ. Джорджъ Рэссель, видный поэтъ и художникъ Ирландіи, становится кооператоромъ и играетъ крупную роль въ ирландскомъ кооперативномъ движеніи. Вышедшая въ русскомъ переводѣ брошюра Дж. Рэсселя «Кооперація и національныя задачи» знакомитъ широкую читающую публику со взглядами талантливаго ирландскаго публициста на кооперацію и съ тѣми конкретными формами, въ какихъ онъ представляетъ себѣ сочетаніе кооперативной и національной идеи.

Угнетаемый въ проявленіяхъ своей національности ирландскій народъ до недавняго времени оставался поработаннымъ и въ экономическомъ отношеніи. По мнѣнію Рэсселя, особенно сильно проявлялось экономическое поработаніе ирландскаго народа въ области производства и сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства. Вся земледѣльческая Ирландія была покрыта сѣтью торговыхъ посредниковъ, которые, пользуясь устарѣлыми приемами купли-продажи, самымъ безпощаднымъ образомъ эксплуатировали ирландскаго крестьянина. Механизмъ сбыта, построенный на столь пагубныхъ для ирландскаго сельскаго хозяйства приемахъ, значительно устарѣлъ и оказался совершенно неприспособленнымъ къ новымъ условіямъ хозяйственной жизни. Въ этой отсталости ирландскаго сельскаго хозяйства сказалась особенная привязанность ирландца къ старинѣ. «Онъ былъ влюбленъ въ обычаи старины,—пишетъ Дж. Рэссель.—Долгое время онъ ни за что не желалъ изготавлять масло иначе, какъ въ точномъ согласіи въ кельтскими традиціями». Если ирландскому крестьянину, «влюбленному въ обычаи старины», трудно было приспособиться къ новымъ условіямъ экономической жизни, то и національные политическіе вожди ирландскаго народа не были въ достаточной степени проникнуты сознаніемъ необходимости переустройства всей сферы экономическихъ отношеній на новыхъ началахъ. Бѣдность и нищета Ирландіи могутъ быть устранены путемъ государственной помощи—таково было основное положеніе ирландской національной политики. Идея самопомощи игнорировалась, просьба же о государственной помощи, о казенныхъ субсидіяхъ въ той или иной формѣ стала обыденнымъ явленіемъ ирландской національной жизни. «Ирландія,—пишетъ Дж. Рэссель,—стала подобна огромнымъ яслямъ съ цѣлой арміей официальныхъ нянекъ и мамушекъ, опекающихъ, надзирающихъ, кормящихъ съ ложки. Несмотря на всю свою мнимую ненависть къ правительству, Ирландія никогда еще не была такъ близка къ полной зависимости отъ правительства, какъ въ настоящее время». Британское правительство не было единственнымъ источникомъ, къ которому обращались взоры ирландцевъ. «Мы взывали,—пишетъ Дж. Рэссель,—къ Богу,

къ челоуѣчеству, къ Соединеннымъ Штатамъ, къ колоніямъ, требуя состраданія, сочувствія, долларовъ. Мы предупреждали Америку, что если она не поспѣшитъ къ намъ на помощь, наши національныя стремленія погибнуть, и отвѣтственность за это падеть на нее»... Ожиданіе помощи со стороны весьма пагубно отразилось на психологіи ирландцевъ, значительно ослабило ихъ самодѣятельность. А между тѣмъ именно эта самодѣятельность является, по мнѣнію Рэсселя, «фундаментомъ, на которомъ можетъ быть построено великое государство, великая нація, великая цивилизація». Съ этой точки зрѣнія Дж. Рэссель и видитъ въ коопераціи весьма важный факторъ національнаго движенія.

Требуя прежде всего индивидуальныхъ усилій, личной инициативы, кооперація развиваетъ національный характеръ народа въ духѣ самодѣятельности. Массовая творческая дѣятельность сотенъ тысячъ кооперативныхъ работниковъ является наилучшимъ показателемъ высокой степени національнаго сознанія. Кооперація сообщаетъ, далѣе національному движенію политическую устойчивость. Духъ общественности, стремленіе къ общему благу, — такія качества послѣдовательнаго кооператора, прививаясь въ отдѣльныхъ кооперативныхъ ячейкахъ, постепенно становятся національными качествами. Дж. Рэссель въ такихъ словахъ рисуетъ вліяніе слагающихся въ селѣ отношеній на государственный строй: «село есть колыбель націи, и подобно тому какъ звуки пѣсни, которую слышитъ ребенокъ, нѣжная интонація голосовъ и мягкія движенія ласкающихъ рукъ формируютъ его умъ и душу и навсегда запечатлѣваются въ его памяти, такъ и характеръ жизни въ нашихъ селахъ и деревняхъ и взаимныя отношенія тамъ людей другъ къ другу становятся — въ гигантски увеличенномъ видѣ — характеромъ націи, какъ онъ проявляется въ дѣятельности законодательныхъ собраній, въ органахъ самоуправленія и общественныхъ декретахъ». Кооперативное движеніе должно захватить прежде всего «колыбель націи» — село, создать въ сельской общинѣ самодовлѣющую до извѣстной степени «кооперативную республику», которая имѣла бы свои маленькіе парламенты, руководящіе и направляющіе хозяйственную жизнь общины. Здѣсь, въ общинѣ, должна во всей полнотѣ проявляться воспитательная роль коопераціи. «Община должна быть преддверіемъ націи и мѣстомъ, гдѣ воспитываются и готовятся государственные дѣятели страны». Дж. Рэссель считаетъ обязанностью національнаго дѣятеля заботиться прежде всего о своей ближайшей родинѣ, общинѣ, не забывая, конечно, общенациональныхъ идеаловъ. «Какъ можете вы говорить, — обращается онъ къ своимъ соплеменникамъ, — о работѣ для всей Ирландіи, которой вы никогда не видѣли, когда вы не работаете и не мечтаете для той Ирландіи, которая находится предъ вашими глазами, которую вы видите, когда выглядываете изъ двери вашего жилища, и по которой вы ходите изо дня въ день». Вооруженные такимъ могучимъ средствомъ, какъ кооперація, дѣятели національнаго возрожденія могутъ произвести переворотъ въ области хозяйственныхъ отношеній сельской общины, дать ей возможность воспользоваться успѣхами цивилизаціи

и тѣмъ самымъ дать дальнѣйшій толчокъ къ національному возрожденію. Это тѣмъ болѣе необходимо именно для села, потому что «до сего времени міръ думалъ и заботился почти исключительно о городахъ и ни разу не посылалъ миссіонеровъ цивилизаціи въ деревню».

Если взглянуть Дж. Рэсселя на роль села въ кооперативномъ движеніи не можетъ быть признанъ вполне правильнымъ, то во всякомъ случаѣ онъ находитъ нѣкоторое объясненіе въ фактическомъ соотношеніи между городомъ и селомъ, которое наблюдалось до сихъ поръ въ странахъ, гдѣ кооперація развивается подъ знакомъ національнаго движенія.

По ходу историческаго процесса народностями угнетенными оказались націи земледѣльческія. Поэтому національное возрожденіе проявляется у нихъ прежде всего въ возрожденіи села. Точно также кооперативное движеніе, коль скоро оно пріобрѣтаетъ національный обликъ, развивается по преимуществу въ селѣ и въ гораздо меньшей степени въ городѣ. Въ дальнѣйшемъ соотношеніе между городомъ и селомъ должно измѣниться въ пользу перваго. По мѣрѣ того какъ волна національнаго движенія захватываетъ рабочія массы городского населенія, роль городской коопераціи возрастаетъ, что особенно проявляется въ развитіи рабочихъ потребительныхъ кооперативовъ. Наблюдающееся до сихъ поръ слабое развитіе потребительской коопераціи у возрождающихся народностей (чеховъ, поляковъ, галицкихъ украинцевъ) можетъ быть объяснено боязнью, какъ бы потребительская кооперація не стала клиномъ между трудовымъ и средними классами, и стремленіемъ замѣнить поэтому частный торгово-посредническій капиталъ тѣмъ же частнымъ національнымъ, а не кооперативнымъ (потребительскимъ).

Вотъ такого терпимаго отношенія къ частному торговому капиталу, даже если онъ принялъ національный обликъ, не раздѣляетъ Дж. Рэссель. Исходя изъ того положенія, что «главная забота націи должна быть о производительныхъ классахъ», онъ считаетъ необходимымъ полное уничтоженіе частно-торговаго капитала и замѣну его кооперативнымъ. Съ этой точки зрѣнія онъ предрекаетъ гибель мелкимъ ирландскимъ городамъ, которые не имѣютъ сколько-нибудь развитой промышленности, живутъ исключительно торговлей и не вносятъ въ національную сокровищницу никакихъ,—ни хозяйственныхъ, ни культурныхъ,—цѣнностей.

Самой главной опасностью для нормальнаго развитія коопераціи Дж. Рэссель считаетъ вмѣшательство государства. Онъ рѣшительно высказывается противъ подчиненія коопераціи въ той или иной формѣ контролю правительственныхъ чиновниковъ, психологія которыхъ ярко характеризуется имъ въ такихъ словахъ:

«Земной рай они себѣ представляютъ въ видѣ чиновничьяго кресла, окруженнаго рядами электрическихъ кнопокъ, при нажатіи на одну изъ которыхъ приходятъ въ движеніе цѣлые батальоны людей».

Если государству удастся нарушить самостоятельность кооперативнаго движенія, то предъ массами кооперативныхъ работниковъ откроются весьма печальныя перспективы. «Ихъ будутъ подкупать субсидіями,—пишетъ Дж. Рэссель,—или имъ будутъ ставить препоны на каждомъ шагу, пока не будетъ достигнутъ холодный идеаль бюрократіи: подчиненіе всѣхъ живыхъ силъ страны ея контролю, дабы ея жажда власти была удовлетворена, и она могла съ удовольствіемъ взирать на бездушный шаблонъ, который всюду завела».

Если вмѣшательство государства можетъ погубить кооперативное дѣло, то, съ другой стороны, все-же нормальное развитие кооперациі возможно при наличности извѣстныхъ правовыхъ условій государственнаго строя. Въ качествѣ аргументовъ въ пользу дарованія самоуправленія обыкновенно фигурируютъ культурныя, этнографическія, психологическія особенности народа. Такъ и ирландцы, подчеркивая свои особенности, говорятъ: «чужіе люди не могутъ понимать насъ и наши условія настолько, чтобы мы могли свободно развиваться подъ чужимъ владычествомъ». Дж. Рэссель предостерегаетъ однако своихъ соплеменниковъ отъ чрезмернаго пользованія «исключительнымъ своеобразиемъ» въ качествѣ аргумента въ пользу самоуправленія и саркастически замѣчаетъ, что «одно время казалось, что мы въ концѣ-концовъ въ самомъ дѣлѣ превратимся въ единственную въ своемъ родѣ націю, съ совершенно особенной психологіей, которая однако оправдывала бы не введеніе самоуправленія, а отдачу подъ надзоръ попечительства о душевно-больныхъ. Къ счастью, за послѣднее время,—продолжаетъ Рэссель,—у насъ начали понимать, что за и противъ гомруля есть болѣе вѣнскіе доводы, чѣмъ якобы исключительное своеобразие нашего быта и нашего національнаго характера»... Такимъ «вѣскимъ доводомъ» Дж. Рэссель считаетъ кооперацию. Массовая творческая дѣятельность сотенъ тысячъ кооперативныхъ работниковъ весьма убѣдительно доказываетъ необходимость самаго широкаго самоуправленія, ибо это послѣднее является *condicio sine qua* поп свободнаго творчества кооператоровъ. Поскольку же кооперация принимаетъ національный обликъ, постольку это съ той же очевидностью опять-таки говорить за настоятельную необходимость самоуправленія въ національных формахъ.

Съ нѣкоторыми положеніями автора брошюры читатель, пожалуй, не согласится. Дж. Рэссель склоненъ нѣсколько игнорировать значеніе политической, парламентской дѣятельности вождей національнаго движенія, отводя первенствующую роль мирной стихійной самодѣятельности населенія, преувеличиваетъ значеніе кооперациі, которая призывается имъ къ совершенію чуда, строить туманный едва ли достижимый идеаль «кооперативной республики», придаетъ слишкомъ большое значеніе сельской кооперациі, ожидая отъ нея въ будущемъ созданія «обширнаго крестьянскаго трэдъ-юніона, способнаго защищать интересы земледѣльцевъ и помогать имъ въ социальномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ». Тѣмъ не менѣе брошюра Дж. Рэсселя,

написанная, кстати сказать, живымъ популярнымъ языкомъ, заслуживаетъ самага внимательнаго отношенія широкой читающей публики, такъ какъ авторъ ея освѣщаетъ весьма бѣдный соотвѣг-ствующей литературой вопросъ о значеніи коопераціи для національнаго движенія и о взаимоотношеніи между кооперативной и національной идеей.

Б. Стопневичъ.

Литературная лѣтопись.

Разрѣшенныя украинскія изданія.
Въ Петроградѣ получено разрѣшеніе на изданіе украинскаго двухнедѣльнаго журнала „Громада“. Ред.-издатель Корчинскій.

— Такое же разрѣшеніе на изданіе журнала „Гасло“ получено и въ Харьковѣ.

— Въ Харьковѣ же 21 октября вышелъ № 1-й журнала „Слово“, посвященнаго интересамъ рабочихъ и трудового крестьянства. „Слово“ обѣщало сдѣлаться интереснымъ изданіемъ, но по распоряженію харьковскаго губернатора было закрыто, причемъ типографія, гдѣ печаталось „Слово“, оштрафована на 1000 р., а ред.-издатель г. Камаловъ высланъ изъ Харьковской г.

— Въ Одессѣ вышелъ съ разрѣшенія военной цензуры первый № украинскаго журнала „Основа“ (Вістник письменства, науки і громадського життя). Содержаніе его слѣдующее: В. Винниченко. Босак. Л. Орленко. Лиха свекруха. — Ч. Чупринка. Поезії. — В. Леонтович. Гості і діди пана Андрія. — Н. Кибальчич. Не людські діти. — О'Коннор - Вілінська. Три листи. — Ф. Матушевський. Т. Шевченко. — М. Грінченко. На дружні могили — (спомини). — О. Грушевський. З життя кійвського українського гуртка въ 1870—1874 р.р. — С. Русова. Національні відносини в Бельгії. — С. Ефремов. Про те, що було й чого не було. — Библиографія. —

— Въ Москвѣ готовится къ печати второй томъ „Українського Наукового Збірника“ въ изданіи Украинскаго Научнаго Общества въ Кіевѣ.

— Вышелъ въ Кіевѣ „Філологічний збірник пам'яті К. Михальчука“. „Видання Українського Наукового Товариства в Кієві“. В „Збірнику“ помѣщены статьи покойнаго академіка Ю. Корша, акад. В. Перетца, проф. С. Кульбакина, проф. Ильницькаго, прив.-доц. Е. Тимченка, С. Гаевского, М. Возняка и др.

— Вышелъ въ Лозаннѣ № 4 неперіодическаго изданія на французскомъ языкѣ „L' Ukraine“, редактируемого В. Степанковскимъ.

— „Національныя Проблемы“ (№ 4) въ статьѣ Л. Бурчака „Украинскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ“ даютъ краткій историческій очеркъ преслѣдованій украинскаго слова и различнаго рода „предохранительныхъ“ мѣръ къ пробужденію и развитію національнаго движенія на Украинѣ, оста-навливаются на фактахъ запрещеній, имѣвшихъ мѣсто уже послѣ объявленія войны, и рѣшительно высказываются за снятіе этихъ запрещеній. Вопросъ объ украинской школѣ, — говоритъ авторъ статьи въ „Національныхъ Проблемахъ“, — „опять сталъ на очередь, и завтрашній день долженъ принести свободу и права гражданства украинскому слову; это тотъ мінімумъ, который необходимъ для того, чтобы народъ могъ жить и развиваться. Тѣ, кому дорогъ мракъ народный, кто боится свободнаго слова, будутъ всемѣрно бороться съ домоганіями украинцевъ, но истинные демократы и патріоты пойдутъ навстрѣчу украинцамъ, потому что настоящій моментъ требуетъ прочнаго единенія всѣхъ гражданъ Россіи, а этого единенія путемъ репрессій и запрещеній достичь нельзя“.

— Въ приложеніи къ журналу „Хлиборобъ“ вышелъ сборникъ на украинскомъ языкѣ „Літо“ (32 стр.), содержащій въ себѣ рядъ статей, посвященныхъ сельскохозяйственнымъ и кооперативнымъ вопросамъ.

— Мих. Могилянскій выпустилъ на украинскомъ языкѣ небольшую брошюру, посвященную памяти М. М. Коцюбинскаго. Первая часть брошюры включаетъ въ себѣ краткую характеристику „художника украинскаго слова“, вторая — отрывки изъ воспоминаній о Коцюбинскомъ.

— Въ августовской книжкѣ „Русскихъ Записокъ“ напечатано продол-

женіе изслѣдованія В. Мякотина „Очерки социальной жизни Малороссіи“ (Глава „Свободныя войсковыя села и владѣльскія имѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.“).

— Вышла книга С. Шелухина „Нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи“.

— Въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ (25 сентября) состоялось 57-е присужденіе наградъ графа Уварова. Признана между прочимъ достойной большой награды (1,500 р.), но за недостаткомъ въ распоряженіи академіи наукъ надлежащихъ суммъ удостоена малой награды книга К. В. Харламповича „Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь“. Т. I.

Для полученія поощрительной награды гр. Уварова въ 1916 г. академія наукъ предлагаетъ составить карту одной изъ областей древней Руси (съ примѣчаніями): Кіевской, Сѣверной, Волынской вмѣстѣ съ Галицкой.

— „Новое Время“ (23/VIII), сообщая объ обстоятельствахъ процесса Д. Г. Янчевецкаго, Д. Маркова и др., говоритъ, „что основаніемъ къ обвиненію послужила главнымъ образомъ небольшая брошюра подъ заглавіемъ *„Современная Галичина, Этнографическое и культурно-политическое состояніе ея, въ связи съ общественными настроеніями“*. Брошюра эта приобрѣтена отъ одного изъ русскихъ армейскихъ корпусовъ и отпечатана въ іюлѣ мѣсяцѣ въ походной типографіи одного изъ штабовъ юго западнаго фронта. Въ этой брошюрѣ перечислены всѣ лица, принадлежавшія къ русско-галицкому народному совѣту и къ карпато-освободительному комитету. Къ брошюрѣ приложена и карта со схемой главнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ Галичины, съ показаніемъ пунктовъ, въ которыхъ находятся сознательные сторонники русской партіи и члены русско-галицкаго народнаго совѣта“. Брошюра издана съ помѣткой „*довѣрительно*“.

— По сообщенію „балканскаго корреспондента“ газеты „Утро Россіи“ г. Веруса (№ 231, 22/VIII), въ Софіи (Болгарія) вышли два №№ „Робѣтничкаго Прапора“, органа „Инициативно-организационной группы украинской социал-демократіи“.

— „Прикарпатская Русь“ въ № отъ 26 августа заявляетъ, что изданіе этой газеты временно прекращается и будетъ возобновлено „при первой возможности въ томъ или другомъ видѣ“.

— Въ польской прессѣ въ послѣднее время немало статей и замѣтокъ посвящается „пророчествамъ“ Верни-

горы, казака - лирника родомъ изъ с. Дмитровки надъ Днѣпромъ. Вернигора конецъ своей жизни провелъ надъ р. Россю въ с. Македонахъ, гдѣ, предаваясь созерцательной жизни, приобрѣлъ большую популярность среди населенія своею жизнью и своими „пророчествами“, которыя потомъ были собраны и записаны корсунскимъ старостою Никодимомъ Суходольскимъ. Личность Вернигоры вдохновила цѣлый рядъ польскихъ художниковъ кисти и слова, опозитизировавшихъ образъ „пророка Польши“ (Матейко, Выспяньскій, Сѣменскій), которая, по словамъ Вернигоры, послѣ цѣлаго ряда катастрофъ, войнъ и ударовъ „*wstanie w dawnych granicach*“. Среди „пророчествъ“ Вернигоры есть одно, говорящее о „мало извѣстномъ народѣ въ Европѣ“, который послѣ войны, въ которой примутъ участіе Россія, Англія, Турція и „*wojownik wielki zn arodem bitnym*“, „приобрѣтетъ значеніе въ Европѣ“. Польская пресса склонна усматривать въ этомъ народѣ бельгійцевъ; иные, вѣрящіе пророчествамъ, думаютъ, что это—украинцы. Такъ ли это или нѣтъ, но Вернигора, относительно котораго есть предположеніе, что онъ является личностью миѳическою, не обошелъ въ своихъ „пророчествахъ“ и родного ему края: „Мало-Россія зазнае щастя, тільки надійде для неї час, коли відбудеться вели кі події; я казав би проїх та боюся, що Дніпро вийде з своїхъ берегівъ“ (Ql. Pol. № 39).

— Въ октябрьской книжкѣ „Голоса Минувшаго“ помѣщена интересная статья С. П. Мельгунова „Изъ исторіи воссоединенія уніатовъ Россіи“, съ содержаніемъ которой мы познакоимъ читателей въ одномъ изъ ближайшихъ № нашего журнала.

Въ той же книжкѣ „Голоса Минувшаго“ помѣщена рецензія А. Калишевскаго на III выпускъ академическаго изданія „Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію“ (до 1 янв. 1913 г.), посвященный украиновѣдѣнію. Отмѣчая нѣкоторые пропуски и недочеты данной работы, А. Калишевскій въ общемъ даетъ высокую оцѣнку изданія: „Что касается самихъ приѣмовъ библиографической работы, то она выполнена съ той безукоризненностью, которая свидѣтельствуетъ объ участіи въ ней ученыхъ библиографовъ“.

— Въ сентябрьской книжкѣ того же журнала С. Ефремовъ посвящаетъ очеркъ „веснѣ народовъ“ въ Галичинѣ.

— Послѣднее время въ виду оставленія русскими войсками Галиціи въ

русской прессѣ замѣтно сократилось число статей и замѣтокъ, посвященныхъ ей. Если же кто изъ корреспондентовъ упоминаетъ о Галичинѣ, то для такихъ статей характерны ноты сожалѣнія и неловкости передъ галичинами, испытанными всю тяжесть работы обрусителей и миссіонеровъ quand même. Такія ноты особенно явственно звучатъ въ корреспонденціи В. Качанова („Русскія Вѣд.“, 7/10 1915 г.):

„Я попалъ въ уніатскую семью, надъ которой продѣлывался весь рядъ экспериментовъ обращенія въ православіе. Умный старикъ говорить полунамеками, но я чувствую, что натолкнулся на огромную религиозную,—да и не одну только религиозную,—драму. Нуженъ большой тактъ, чтобы не оскорбить этихъ новыхъ нашихъ братьевъ, а тутъ налетѣли наши черные неомиссіонеры—миссіонеры quand même. Да, конечно, славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ. Но не надо уже насильнаго обращенія, ибо Богу надо поклоняться въ духѣ и истинѣ, а не въ страхѣ и со стражникомъ“. „Да, много еще работы впереди. Надо не только отстоять нашихъ братьевъ, но еще и залѣчить раны, нанесенныя имъ неосторожными руками неомиссіонеровъ — да и не только ихъ однихъ“.

— Въ „Столичной Молві“ (28/X) находимъ небольшую рецензію на работу сотрудниковъ нашего журнала „Украинскій вопросъ“ (2-е изданіе): „Авторы статей, заключающихся въ книгѣ, освѣтили вопросъ съ надлежащей объективностью, иллюстрировали сказанное цѣлымъ рядомъ фактовъ, подкрѣпили его ссылкой на имена, авторитетныя для всякаго читающаго россиянина, и благодаря этимъ обстоятельствамъ многое изъ того, что говорилось объ Украинѣ и украинцахъ мало свѣдующими людьми или намѣренно извращавшими истину, предстало въ истинномъ видѣ безъ „фиговыхъ листковъ... дополненія и указанія на рядъ событій вчерашняго дня, и правильная ихъ оцѣнка усугубляютъ интересъ къ книгѣ“.

Таже газета въ № отъ 21 сентября посвящаетъ статью г. П.-² „шептунамъ и доносчикамъ“, рѣшительно выступая противъ тѣхъ доносовъ и ябедъ, какіе, какъ изъ рога изобилія, сыплются на украинцевъ изъ органовъ правой прессы и въ частности изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. „Будемъ справедливы,—говоритъ авторъ упомянутой статьи, и дадимъ... малороссамъ то, чѣмъ мы сами пользуемся. Пусть будетъ Россія

для народовъ, населяющихъ ее, родной, любящей матерью, а не злой мачехой, отнимающей у дѣтей то, что имъ принадлежитъ по праву... Травля народовъ, постоянные доносы и наговоры, раздуваемые на страницахъ правыхъ изданій то по адресу евреевъ, то по адресу малороссовъ или украинцевъ, только ослабляютъ силу нашу, такъ необходимую государству въ переживаемые дни, поселяютъ ненужную и преступную тревогу; вносятъ разладъ и недоверіе въ общественную среду и требуютъ рѣшительнаго отпора“.

— „Свѣтъ“ полагаетъ, что „возстановленіе печати (украинской), которая поставила себѣ главной задачей разбить это русское національное единство, знаменуетъ пораженіе худшее, чѣмъ какія бы то ни было пораженія на поляхъ битвы“ (29/VIII). Въ такомъ же духѣ приблизительно высказывается и Л. Волковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (18 сентября). Огмѣчая оживленіе украинской жизни за послѣдніе два мѣсяца и останавливаясь на нѣкоторыхъ статьяхъ послѣдней книжки нашего журнала, г. Волковъ, допуская передержки въ изложеніи содержанія этихъ статей, приходитъ къ выводу, что „борьба противъ украинскаго сепаратизма требуетъ особой энергіи и особой настойчивости“. Въ устахъ публициста „Московскихъ Вѣдомостей“ это не ново.

— Любопытнымъ образчикомъ просачиванья интересовъ и вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ украинства, является отвѣтъ „Игрушечной Маркизы“, ведущей на столбахъ „Журнала для Хозяекъ“ бесѣды на всевозможныя темы со своими корреспондентками. Въ № 19 (I/X) этого журнала г. Игрушечная Маркиза между прочимъ отвѣчаетъ на письмо нѣкоей „Украинки Ганнуси“ слѣдующимъ образомъ: „Украинкѣ Ганнусь. Милая Ганнуся, нехорошо ставить въ безвыходное положеніе, нехорошо бросать негодующіе упреки человѣку, который не можетъ вамъ отвѣтить“.

Если бы вы указали свой адресъ, то я бы немедленно вамъ отвѣтила письмомъ не менѣе гучимъ и страстнымъ, нежели ваше.

А такъ?.. Что же я могу сказать вамъ?

Только одно, что вы глубоко, безконечно неправы въ вашихъ нападкахъ на Россію.

При чемъ здѣсь Россія?

Развѣ Россія преслѣдовала и угнетала Украину?

Развѣ Россія старалась уничтожить языкъ и національность своей младшей сестры Малороссіи?

Развѣ Россія конфисковала украинскія книги во Львовѣ и послала туда миссіонеровъ и станowychъ приставовъ?

Развѣ Россія, устами своихъ народныхъ представителей въ Думѣ не назвала этотъ послѣдній поступокъ „нелѣпой попыткой дикаго насилія надъ родной намъ національностью“ (см. рѣчь Милюкова 20-го іюля)?

Ахъ, Ганнуся, Россія и сама-то страдала и страдаетъ не меньше Украины, и не ей, мучимой, бросать упрекъ въ мучительство...

Вамъ, „занимавшейся политической дѣятельностью“ (какъ вы пишете о себѣ), слѣдовало бы не хуже меня знать, кто виноватъ во всѣхъ нечестіяхъ и Украины, и Россіи...

Вамъ слѣдовало бы понять, что на ваше письмо нельзя отвѣтить въ журналѣ, и вамъ, называющей меня „миллой и хорошей“, не слѣдовало бы причинять мнѣ ненужнаго огорченія такимъ письмомъ, на которое такъ страстно хочется отвѣтить и на которое нельзя отвѣчать“.

— „Сумской Вѣстникъ“ (4 сентября) въ журнальномъ обзорѣни даетъ обзоръ матеріала, помѣщеннаго въ № 5—6 нашего журнала, — „Русскія Вѣдомости“ (№ 215, 20/IX), цитируя статью С. Петлюры, помѣщенную въ 5—6 книжкѣ нашего журнала „Годъ молчанія“, замѣчаютъ: Нельзя не согласиться съ авторомъ, что мѣра, принятая противъ украинскихъ газетъ и журналовъ, не можетъ быть оправдана никакими государственными соображеніями и что давно пора снять съ малорусскаго населенія „совершенно ни для кого ненужную жертву“. — Та же газета отмѣчаетъ напечатанныя въ 7 кн. „Укр. Ж.“ докладныя записки объ украинской школѣ и о положеніи украинцевъ.

— Вышли слѣдующія новыя книги о Галичинѣ: О. А. Мончаловскій. Положеніе и нужды Галицкой Руси. *Марковъ*, Д. А. Русская и украинская идея въ Австріи. Библиотека карпато-русскихъ писателей. Подъ ред. О. Э. Аристова. Изд. прогрессивн. изд. А. С. Дзюбенко. М. 1915. 62 стр. и 2 портр.—М. И. Корниловичъ. Крестьянскій вопросъ въ Галичинѣ. Петрогр. 1915 г. Изд. Галицко-русскаго об-ва. 33 стр. 35 коп.—*Преображенскій*. И. Галиція, ея минувшія судьбы и современное положеніе. Петроградъ, 1915, стр. 31. —*Вульфсонъ* Э. С. Галиція до великой европейской

войны. М. 1915. Изд. А. С. Панафидиной. 173+3 нен. стр. Съ рисунк. ц. 75 к.

— Вышелъ № 1 неперіодической украинской газеты на англійскомъ языкѣ „*The Ukraine*“ (Published by an arrangement with The Ukrainian National Council) подъ редакціей В. Степанковскаго. Мѣсто изданія Лозанна. (23, Avenue de l'Ala ara).

— По сообщенію „Вѣстника Литературы“ (№ 8. Изд. Вольфа), въ Берлинѣ вышла популярная брошюра „Исходъ русскихъ изъ Галиціи“.

— Въ газетѣ „*Polonia*“, выходящей въ Парижѣ на польскомъ и французскомъ языкѣ одновременно, помѣщена статья, посвященная украинскому вопросу (№ 33). См. о ней выше, въ статьѣ С. Русовой „О современныхъ національных вопросахъ“.

— Пьеса В. Винниченка на Императорской сценѣ. По сообщенію „Бирж. Вѣд.“ (№ 15033 отъ 18/VIII), въ число новыхъ постановокъ на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра въ текущемъ осеннемъ сезонѣ принята также пьеса извѣстнаго украинскаго писателя В. Винниченка „*Ложь*“ по-украински „Брехня“, которая пойдетъ подъ руководствомъ и при участіи Давыдова и съ участіемъ въ заглавной роли артистки Рожиной-Инсаровой.

— Въ иллюстрированномъ приложеніи къ „*Новому Времени*“ (№ 14226, 17/X) помѣщена статья „Украинскій романъ“ представляющая рецензію на романъ В. Винниченка „Божки“. Оцѣнки романа съ художественной стороны въ статьѣ не находимъ. Повидимому, рецензія написана только для того, чтобы посрамить „тупого фанатика украинства“, выведеннаго въ романѣ въ лицѣ Пампушенка, и воскликнуть: „Едва ли самая злая сатира могла бы съ большею безпощадностью нарисовать фигуру тупого фанатика украинства!“

— Харьковское „Утро“ (№ отъ 2 октября с. г.) помѣщаетъ рецензію Сергѣя Богомолова на тотъ же романъ украинскаго беллетриста. Рецензентъ признаетъ за В. Винниченкомъ „крупный талантъ, и самое главное—у него есть о чемъ сказать, передать читателю, ищущему въ книгѣ не одного развлеченія... „Божки“ — капитальная вещь. О ней много можно сказать. Ибо въ ней борьба идеи и жизни“.

— Въ Кіевской газетѣ „Южная Копѣйка“ (№ 1659 отъ 1/IX) помѣщена передовая подъ заголовкомъ „Яку небудь сорочку!..“, подписанная сотруд-

никомъ газеты Д. Волковымъ и рисующая картину страшной нужды бѣженцевъ, сорвавшихся изъ родныхъ гнѣздъ ближайшаго къ Києву театра военныхъ дѣйствій и размѣстившихся на перронѣ кievскаго вокзала. Крайняя нужда бѣженцевъ заставляетъ ихъ обращаться въ нищихъ и просить подаянія. „Это произносится тихимъ, молящимъ голосомъ...“

— Панна, пожичьте, сердце, хусточку!...

— Колиб сорочку. Хоть яку-нибудь сорочку... Пошукайте, будьте ласковы.

— Хоть яку-нибудь сорочку, бо вже воши брезгають...“

Послѣ этихъ словъ авторъ добавляетъ:

„Это стоитъ у перегородки на вокзалѣ, въ отдѣленіи Татьянинскаго комитета, молодая бѣженка — полка съ груднымъ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ“

Непонятно только, почему эта бѣженка — полка говоритъ по-украински.

— „Столичная Молва“ (19/X № 448) помѣщаетъ рецензію г. Л. А. на книгу К. Баладыженка „Буковина“ (Зелена Русь) и ея прошлое“. Рецензентъ въ заключеніе своей замѣтки говоритъ: „Все указанное даетъ намъ право рекомендовать брошюру г. Баладыженка, какъ хорошую работу, весьма цѣнную для всѣхъ желающихъ познакомиться съ исторіей и бытомъ буковинцевъ“.

— Въ популярной ежедневной газетѣ „Оборона“, выходящей въ Екатеринославѣ на русскомъ языкѣ, въ № 35 помѣщенъ очеркъ А. Панченка „Галиція“, гдѣ, помимо короткаго историческаго обзора, даются свѣдѣнія о послѣднихъ завоеваніяхъ украинцевъ, откуда узнаемъ, что до войны въ Галиціи издавалось 49 украинскихъ періодическихъ изданій“.

— Въ № 15041 отъ 22/VIII „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ статьѣ М. М. Ковалевскаго объ украинцахъ имѣются такіе строки: „Для кого также не является нынѣ безспорной истиной,

что нельзя безнаказанно изводить малороссийскую печать... накануне возможнаго вторженія австро-германскихъ войскъ въ лѣво-бережную Украину, въ Кіевщину и Черниговщину.“

Нельзя поддерживать въ населеніи вполне понятнаго недовольства безплодной борьбой съ народной рѣчью, школою и печатью. А далеко ли время, когда общеславянский научный съѣздъ не могъ состояться въ Петроградѣ въ виду того, что министръ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшая говорить на всѣхъ славянскихъ языкахъ, однимъ малороссомъ ставилъ въ невозможность передавать свою мысль родной рѣчью?

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. Вѣрить же приходится, хотя бы потому, что украинская печать и теперь еще въ тискахъ, да еще въ такихъ, которые дѣлаютъ невозможнымъ появленіе на украинскомъ языкѣ, доступномъ народнымъ массамъ, газетъ, призывающихъ не вѣрить тайной пропагандѣ, производимой зарубежными агитаторами“

— Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Кіевской Мысли“ г. Чаговецъ горячо ратуетъ за безотлагательное открытіе въ Кіевѣ польскихъ школъ. Необходимость открытія этихъ школъ аргументируется цѣлымъ потокомъ высокопарныхъ словъ. Надо сказать, что гражданскаго мужества въ выступленіи по данному вопросу г. Чаговцу мало: польскія школы и безъ статей г. Чаговца будутъ основаны, да уже въ Москвѣ, напр., и открываются. Но почему ратуетъ за польскія школы, Чаговецъ совершенно молчитъ о школахъ украинскихъ въ центрѣ украинской земли, почему въ этомъ вопросѣ онъ не проявляетъ такого же „благородства“, какъ въ вопросѣ о польскихъ школахъ? Любопытно было бы услышать отъ сотрудника „Кіевской Мысли“ отвѣтъ на эти вопросы, тѣмъ болѣе, что г. Чаговецъ какъ-будто и самъ по происхожденію украинецъ...

Книги, поступившія въ редакцію.

В. Винниченко. Брехня. Пьеса на три дії. Видавництво „Дзвін“. Харьков. Ц. 50 к. стр. 79.

В. Винниченко. Молода кров. Комедія на 4 дії. Видавн. „Дзвін“. Київ, 1914. ц. 50, стр. 48.

В. Винниченко. Твори. Книжка IX. Москва, 1915, стр. 200, ц. 1 р. 35 к.

Український Науковий Збірник. Видання Українського Наукового Товариства у Києві. Москва, 1915. Ц. 1 р. 50 к. 132 стр.

В. Щепотьевъ. Народныя пѣсни, записанныя въ Полтавской губерніи (съ нотами). Изданіе Полтавской губернской Архивной Комиссіи. Полтава, 1915. Стр. 32. ц. 40 к.

Сергій Павленко. Чи бути Чорноморській німеччині? Видання автора. Золотоноша, 1915, стр. 102, ц. 50 к.

Сергій Шелухинъ (членъ окружнаго суда). Нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи. Ц. 50 к. Одесса, 1915. Стр. 83

К. Баладыженко. Буковина („Зе-

лена Русь“) и ея прошлое. Историко-географическій очеркъ, съ 36-ю рисунками. Петроградъ, 1915. Стр. 50. Ц. 30 к.

Соломаний бичок. Народня казка з малюнками Г. Павловича. Ц. 1 к. Вид. друге. Петроградъ, 1915. р.

Азбука (3 малюнками Г. Павловича). Ц. 1 к. Петроградъ. 1915 р.

Мих. Могилянскій. Художникъ слова. (Памяти М. М. Коцюбинського). Петроградъ 1915 р., ц. 10 к., стр. 24.

Листъма въ редакцію.

I.

Открытое письмо редактору журнала „Национальные Проблемы“.

Въ № 1 „Национальныхъ Проблемъ“ помѣщена статья г. Даровскаго „Польша и Великая Война“, свѣтлымъ ожиданіямъ которой нельзя не сочувствовать. Будучи, однако, убѣжденъ, что свѣтлое будущее народовъ достижимо лишь осужденіемъ ошибокъ и грѣховъ прошлаго, съ рѣшимостью отъ нихъ навсегда освободиться, я думаю, что недопустима идеализація прошлаго, его невѣрное изображеніе. *Amicus Plato, sed magis amici veritas!*

Противъ исторической же правды г. Даровскій, несомнѣнно, погрѣшаетъ, утверждая, что „въ своемъ стремленіи къ независимости и самоопредѣленію Польша никогда не посягала на права другихъ національностей,—признавая право меньшинства“.

Будемъ вѣрить, что грѣхи прошлаго не повторятся въ будущемъ, но не будемъ идеализировать прошлаго, ибо такая идеализація можетъ стать помѣхой къ уразумѣнію грѣховъ прошлаго: безъ уразумѣнія же невозможно и исцѣленіе отъ нихъ!

Съ искреннимъ уваженіемъ

Мих. Могилянскій.

Настоящее письмо было послано прямо въ редакцію „Национальныхъ Проблемъ“, но тамъ не было помѣщено. Въ виду этого прибѣгаю къ гостепріимству „Украинской

Жизни". Украинцы нерѣдко (въ Галиціи до самаго послѣдняго времени ante bellum были тѣмъ „меньшинствомъ“, правъ котораго не признавали поляки въ стремленіи къ „независимости и самоопредѣленію“ Польши. Это и даетъ мнѣ основаніе, въ виду нежеланія редакціи „Національныхъ Проблемъ“ помѣстить письмо и дать на него отвѣтъ, просить объ его помѣщеніи редакцію „Украинской Жизни“.

Мих. Могиланскій.

II.

Прошу уважаемую редакцію помѣстить въ „Украинской Жизни“ нижеслѣдующее разъясненіе.

Въ № 5—6 „Украинской Жизни“ г. Ефремовъ пытается въ статьѣ п. з. „Двойною мѣрою“ поставить знакъ вопроса надъ достовѣрностью свѣдѣній, сообщенныхъ о „Союзѣ Освобожденія Украины“ украинской марксистской газетой „Боротьба“. Въ доказательство г. Ефремовъ указываетъ, что въ недавно вышедшемъ № 2-мъ „Боротбы“ содержится любопытная черта, показывающая степень „провѣренности“ сообщаемыхъ этой газетой свѣдѣній. Здѣсь находимъ письмо въ редакцію г. Донцова, заявляющаго о томъ, что онъ вышелъ изъ „Союза“ еще 21 сентября 1914 г. и никакого отношенія къ его дѣятельности не имѣетъ. „Строго провѣрившая“ свой матеріалъ для разоблаченій редакція еще въ февралѣ 1915 г. объ этомъ обстоятельствѣ не знала и разукрасила г. Донцова въ числѣ прочихъ членовъ „Союза“ всевозможными качествами. И это въ области фактовъ, допускающихъ провѣрку!.. А что если въ остальномъ, вплоть до того, о чемъ „говорять“ въ редакціяхъ „Боротьбы“ и „Современнаго Мира“, такая-же „точность“ и „провѣренность“?

Дѣло обстояло вотъ какъ. Редакціи „Боротьбы“ было частнымъ образомъ извѣстно о томъ, что г. Донцовъ вышелъ изъ „Союза“, но объ этомъ выходѣ не было сдѣлано открытыхъ заявленій ни со стороны г. Донцова, ни со стороны „Союза“, причемъ „Союзъ“ послѣ выхода г. Донцова перепечатывалъ свои воззванія за подписью г. Донцова, составленныя еще до его выхода изъ „Союза“. Это и дало „Боротьбѣ“ формаль-

ное основаніе и право назвать г. Донцова членомъ „Союза“, что было сдѣлано „Боротьбой“ сознательно, чтобы вызвать г. Донцова и „Союзъ“ на объясненія. Своей цѣли она достигла, и во второмъ ея номерѣ было напечатано письмо г. Донцова, въ которомъ онъ выясняетъ причины своего выхода изъ „Союза“ („Я вышелъ изъ него офиціально, когда было отвергнуто мое предложеніе,—пишетъ г. Донцовъ,—чтобы комитетъ „Союза“ освѣдомлялъ насъ подробно и правильно о своихъ матеріальныхъ источникахъ и своихъ расходахъ“) и которымъ онъ подтвердилъ свѣдѣнія, сообщенныя „Боротьбой“ о „Союзѣ“ Освобожденія Украины“.

За редакцію „Воротьбы“

Л. Рыбалка.

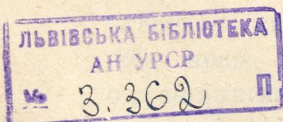
III.

М. Г.!

Позвольте черезъ посредство Вашего журнала выразить нашу глубокую благодарность всѣмъ украинскимъ и русскимъ организациямъ и обществамъ, всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, товарищамъ и сослуживцамъ Александра Александровича Русова, такъ ласкова и съ такимъ искреннимъ уваженіемъ къ покойному отозвавшихся на наше великое горе.

Ихъ дружеское участіе служить намъ въ эти первыя страшныя минуты единственной поддержкой.

Софья Русова, Юрій Русовъ, Любовь-Русова-Линдфорсъ. . .

Редакторъ-издатель Я. А. Шереметинскій.

100-100
11-11

200-2

0,60к

3362 / 1915
~ 10

III
34C-15024
1915-10

VERBAHUTEN TOEGANG

191
10